

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

1° 2024

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2024. Том 16. № 1
Interaction. Interview. Interpretation
2024. Volume 16. No. 1

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2024. Том 16. № 1

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

<https://ru.pinterest.com/pin/847450854901514618/>

автор картины Свобода, фреска в школе — Синтия Сент-Джеймс (родилась 11 февраля 1949 г.) — американская художница, писательница, педагог и актриса 70-х годов.

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2024
© Interaction. Interview. Interpretation, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

[Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

[Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

[Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	10
<i>Ольга Симонова, Алексей Вайзер</i> Приглашать или не приглашать в социологию? Размышление над критическим эссе П. Бергера «(Не)приглашение в социологию?».....	10
Полевые исследования	28
<i>Алиса Лопаткова</i> Оценивание современного искусства в процессе производства, дистрибуции и потребления.....	28
<i>Наталья Байша</i> (Не)зависимость и (не)безопасность медсестринского труда в контексте пандемии: современные эмпирические подходы.....	51
<i>Владимир Ильин, Маргарита Снегур</i> Технологии конструирования перформативной национальной идентичности (на материалах русскоязычной социальной сети).....	69
<i>Дарья Ходоренко</i> Забота женщин о своем здоровье в условиях ограниченных ресурсов.....	88
Исследовательская рефлексия	107
<i>Алексей Сабля</i> Оценка экономической эффективности социальных технологий: потенциал когнитивного интервью.....	107

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Debates	10
<i>Olga Simonova, Alexey Weiser</i> To Invite or Not to Invite to Sociology? Thinking about P. Berger's Critical Essay "Sociology: A Disinvitation?	10
Field Work Research	28
<i>Alisa Lopatkova</i> Evaluation of Contemporary Art in the Process of Production, Distribution and Consumption	28
<i>Natalia Baisha</i> (Non-)dependence and (non-)safety of Nursing Work in the Context of Pandemic: Modern Empirical Approaches	51
<i>Vladimir Ilyin, Margarita Snegur</i> Technologies of Performative National Identity Construction (the Case Study of the Russian-Speaking Social Network)	69
<i>Daria Khodorenko</i> Taking Care of Family Members' Health Provided by Women in Low-Resource Conditions	88
Research Reflection	107
<i>Alexey Sablya</i> Assessing the Economic Effectiveness of Social Technologies: Potential of Cognitive Interviewing	107

Письмо редактора

Первый номер журнала в 2024 году посвящен ряду актуальных проблем качественной социологии, которые символически перенимают эстафету. Это широкий круг исследовательских вопросов — от масштабнейшего вопрошания, зачем нужна социология, до заботы о здоровье среди малоресурсных женщин, от рынка арт-объектов, каким его видят художники, коллекционеры, арт-дилеры, галеристы, до проблем медсестер в эпоху пандемии, от стратегий национальной самопрезентации в сетях до проверки социальных технологий на эффективность.

Тем не менее, при всем разнообразии исследуемых сюжетов, мы воспользуемся «наболевшими» вопросами эссе-размышления Питера Бергера, любезно переведенного, отреферированного и осмысленного Ольгой Симоновой и Алексеем Вайзером. Давняя и, оказывается, до сих пор не переведенная работа знаменитого социолога оставляет нам в наследство пострефлексию о задачах социологии, поставленных больших вопросах и пренебрежении ими, моральном императиве не забывать о них. Попытка опубликовать в текущем номере именно перевод с комментариями натолкнулась на сопротивление держателей прав, оправдываемое текущими обстоятельствами. Как нам кажется, эта примета времени, равно как и обращение автора к дилемме больших и малых вопросов в социологии, — символична. От больших вопросов о назначении и смысле дисциплины не уйти, их можно лишь отложить, но малыми вопросами всегда оправдано заняться.

Выпускающий редактор номера Елена Рождественская

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.1

EDN: JLCNKM

Приглашать или не приглашать в социологию? Размышление над критическим эссе П. Бергера «(Не)приглашение в социологию?»

Ссылка для цитирования:

Симонова О. А., Вайзер А. В. Приглашать или не приглашать в социологию? Размышление над критическим эссе П. Бергера «(Не)приглашение в социологию?» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 1. С. 10–27. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.1>
EDN: JLCNKM

For citation:

Simonova O. A., Weiser A. V. (2024) To Invite or Not to Invite to Sociology? Thinking about P. Berger's Critical Essay "Sociology: A Disinvitation?". *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 1. P. 10–27. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.1>

Симонова Ольга Александровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: OSimonova@hse.ru

Вайзер Алексей Валерианович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: weiser.alexey@mail.ru

Авторы неопубликованного перевода эссе П. Л. Бергера, написанного в начале 1990-х годов и увидевшего свет в журнале "Society" (1992), показывают актуальность и удивительную своевременность этой работы для широкой читательской аудитории. Социологическая наука подчас переживает кризисы и заходит в тупики как в теории, так и в области эмпирических исследований. Современные глобальные события усугубляют эти кризисные

явления, и иногда создается впечатление, что социология больше не может справиться с исследованием и объяснением новых явлений и процессов. С точки зрения авторов, П. Л. Бергер, сетуя на недостатки современной ему социологической теории и недалекость социологов, парадоксальным образом не разочаровывается в социологии и не отталкивает от нее, а еще раз и более настойчиво приглашает заняться этой наукой, вспомнив о том, что писали и делали классики социологии.

Ключевые слова: П. Л. Бергер; социология; кризис; социологи-классики; социологическое образование

Любопытно, что критическое эссе Питера Людвиг Бергера (1929–2017) «(Не)приглашение в социологию?» (1992) фактически неизвестно профессиональной российской публике, тогда как «Приглашение в социологию» (1963) [Бергер, 1996], написанное более 60 лет назад, знают многие, прежде всего представители социальных наук, студенты и выпускники социологического бакалавриата. Поэтому заголовок «(Не)приглашение в социологию?» выглядит несколько неожиданным. Удивление от прочтения данного заголовка оказывается весьма оправданным — теперь Бергер уже не намерен приглашать в социологию? Очевидно, что взгляды Бергера эволюционировали, приняв более критический характер относительно социологии и социологов. Критическое эссе вышло в свет спустя почти тридцать лет с момента публикации «страстного», как пишет сам Бергер [Бергер, 1996], и известного всей академической среде «Приглашения...», которое он написал в начале 1960-х, параллельно осуществляя преподавательскую деятельность в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке, своей альма-матер. На тот момент социолог уже обладал научной степенью и профессорской должностью и довольно долго занимался наукой, то есть он мог создать большой и насыщенный учебник по социологической теории или по общей социологии. Однако написал он «Приглашение в социологию», которое, несмотря на то что является частью социологического образования на многих факультетах мира и способствует формированию социологического мышления и культуры, по сути учебником не является. Это книга для «дополнительного чтения», цель Бергера — «пригласить», «привлечь», «завлечь» студентов в социологию, показать ее увлекательность, сильные стороны социологического мышления, представить социологию как специфический «взгляд на вещи» и как гуманистическую перспективу, двигаясь от жизненного мира человека к системе социальных институтов. Книга оказалась настолько увлекательной, что положила начало *особому жанру* «приглашения» уже в разные области социологического знания [Bourdieu, Wacquant, 1992; Zuckerman, 2010; Bell, Ashwood, 2015; Харрис, 2020] как краткого описания дисциплины, постановки основных вопросов и подходов, где нет систематического изложения теорий и анализа эмпирических исследований, но есть знакомство с научной областью, доступное даже новичкам. «Книга эта написана для чтения,

а не для изучения. Она — не учебник, не попытка построить теоретическую систему, а приглашение в особый мир захватывающих и, как мне представляется, очень важных размышлений. Делая подобные приглашения, нужно сразу очертить границы мира, в который ведешь за собой читателя. Однако если читатель примет приглашение всерьез, то ему нельзя будет ограничиться только данной книгой» [Бергер, 1996: 8].

Некоторые коллеги Бергера критиковали этот жанр как упрощение социологической проблематики [Selznick, 1964], однако позволим себе не согласиться: социология действительно подразумевает особый подход, форму мышления, чему стоит «натренироваться», и в этом смысле такие книги выполняют функцию расширения границ мышления, необходимости «замечать», «заглядывать за фасады». В этом смысле такой жанр не сделал проще ни социологическую теорию, ни эмпирические социологические исследования, но с функцией «введения в специальность» и понимания особенностей социологического мышления справляется. В России, помимо «Приглашения в социологию», также был опубликован учебник «Социология: Биографический подход», который представляет более систематическое изложение основ социологической науки. Это уже другой жанр — введение в социологию, но в оригинальном стиле: приводя в пример разные возраста человека, П. Бергер в соавторстве со своей супругой — социологом Бриджит Бергер — рассматривает традиционные для него темы, обозначенные в «Приглашении...», такие как человек в обществе и общество в человеке [Бергер, 1996].

Профессиональная идентичность любого крупного социолога всегда многогранна: помимо теоретического подхода, традиции или направления, а также специализированной области исследования, обычно социологи создают учебники по общей социологии, которые не обязательно представляют их собственный подход, а скорее нацелены охарактеризовать социологию в целом. В известном смысле без общей социологии и соответствующего учебника, который свидетельствует о его принадлежности к социологическому образованию, а значит и воспроизводству нового поколения социологов, немислимы профессиональная карьера и идентичность. Таков и Питер Бергер, многогранность творчества которого широко известна. Бергер занимал собственные отраслевые «ниши»: в начале творческой жизни — социология религии, чуть позднее — социология знания, а затем — теория модернизации. Помимо этого, Бергер был прекрасным теоретиком и знатоком теории: социолог активно занимался преподавательской деятельностью, хорошо знал работы европейских социологов-классиков — К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др., вместе с Т. Лукманом написал трактат по феноменологической теории знания «Социальное конструирование реальности» [Бергер, Лукман, 1995] — ключевую работу по феноменологической социологии знания. В этом контексте размышления над судьбой социологии как науки и ролью профессионального социолога все время занимали Питера Бергера. Классик уделяет особое внимание способности социолога «подняться» над полем научной деятельности и оценить, в каком положении находится

дисциплина, а если это необходимо — выработать определенные принципы поддержания ее жизнеспособного состояния. Мы полагаем, что между строк своих работ Бергер указывает на императив подобного умения социолога постоянно сомневаться в правильности выбранных средств и целей. Именно это и связывает раннее бергеровское «Приглашение в социологию» и позднее «(Не)приглашение в социологию?».

Некоторые высказывания Бергера в «Приглашении...» дают основания предполагать, что классик уже тогда был разочарован в устройстве социологического знания. В его словах звучит ирония в сторону научного сообщества: «Человек бывалый читает в социологическом журнале главным образом обзоры вышедших книг и некрологи, а на социологических конференциях появляется только в том случае, если ищет работу или имеет какие-то особые интересы» [Бергер, 1996: 18]. Бергер не скрывает своего недовольства, так как основной задачей, которую он ставит перед собой в «Приглашении...», становится определение социологического стиля мышления и деятельности, чем и как должен заниматься *настоящий*, по мнению классика, социолог. Бергер не видит в качестве кредо социологической профессии ни приверженность его американских коллег статистическим, строго количественным методам, ни вообще разработку методов эмпирического исследования как основного ремесла социологов. Для Бергера социология, способная принести людям реальное знание об устройстве общества, лежит на других основаниях — это прежде всего теоретическая «попытка понять» [Бергер, 1996: 13], в силу чего работы, издающиеся на страницах американских социологических журналов, и выступления на социологических конференциях он навряд ли мог бы с уверенностью назвать социологией. Заложив эту идею, через практически тридцать лет Бергер убедится в ее актуальности и вернется к своим рассуждениям, чтобы издать небольшое критическое эссе «(Не)приглашение в социологию?» на страницах журнала “Society”, которое Бергер начинает, предвидя удивление читателя, что он сам с энтузиазмом приглашал в социологию: «Стоит ли мне раскаиваться в этом? Может быть, мне следует выступить с торжественным опровержением этого приглашения, чтобы не брать на себя ответственность за еще большее количество невинных студентов, соблазненных занятием, которое вполне может оказаться безнадежным предприятием? Полагаю, откровенного отрицательного ответа на оба вопроса будет недостаточно, поскольку я и сейчас считаю, что та социология, которую я когда-то отстаивал, на данный момент необходима как никогда, но не такой наукой занимаются большинство людей, называющих себя социологами. Есть ли какой-либо шанс изменить такое положение дел? Вероятно, нет, и по веским социологическим основаниям. Впрочем, чтобы оценивать перспективы лечения, необходимо иметь более или менее точный диагноз» [Berger, 1992: 12].

He вызывает сомнений, что это именно эссе, поскольку оно опубликовано в академическом журнале, но не в жанре научной статьи, без ссылок и в режиме свободного рассуждения. На момент его написания Бергер работает в Институте изучения экономической культуры Бостонского университета

(ISEC)¹. Он сам же основал ISEC в 1985 году, объединив в единый институционализированный исследовательский дискурс свои главные социологические интересы — религию и модернизацию. Сам социолог отмечает в эссе [Berger, 1992], что его деятельность на тот момент расходится с деятельностью большинства его американских коллег. Кроме того, с ними расходится и взгляд социолога на судьбу науки. Бергер уверен, что социология тяжело «больна» и нуждается в лечении: она плохо справляется с выполнением основных своих функций — объяснения и предсказания. В этом ключе слово “*disinvitation*” означает не только отмену приглашения, но и невыполнение наукой своих обязательств, а главным посылом эссе, или его своеобразным контрапунктом, становится следующая фраза: «В очередной раз произошло знаковое событие, которое теоретически не должно было произойти...» [Berger, 1992: 15]. Именно в ней раскрывается высокая актуальность и своевременность работы Бергера: сегодня все чаще социологи (и, конечно, представители других социальных дисциплин) разводят руками и говорят, что определенные явления стали для них неожиданностью и по логике не должны были произойти. Безусловно, это не значит, что некоторые специалисты не предвидели, к примеру, особенностей очередного экономического или политического кризиса — их рассуждения либо никто не услышал, либо они попросту были не в моде.

Если обратиться к теме выпуска, в котором было опубликовано обсуждаемое эссе, «Состояние профессиональной деятельности», то оказывается, что на страницах журнала разные социологи рассуждают о кризисном состоянии профессий в социальных науках. Некоторые из них затрагивают проблемы «безразличия» социологов к распаду Советского Союза [Hollander, 1992], к организации социологического знания и образования в университетах и профессиональных организациях [Becker, Rau, 1992]. Эссе Бергера отличается от остальных материалов номера акцентом на кризисном состоянии социологической теории в современной ему действительности, характеризующейся стремительными темпами социальных изменений, а ведь социология возникла «именно как попытка понять эти масштабные трансформации и, если угодно, достигнуть большего контроля над ними» [Berger, 1992: 12]. Это эссе написано как будто рукой мастера критического подхода вместе с определенной долей иронии и сарказма в сторону научного сообщества. Поразительно, как Бергер реализует критический потенциал социологии — критикует саму социологию и «разоблачает» своих коллег: «Понимать и, возможно, даже контролировать современность — потрясающее предложение! Нет ничего удивительного в том, что первые мэтры социологии были людьми впечатляющего ума и в большинстве случаев большой внутренней силы. Но было бы ошибочно полагать, что их последователи, сменившие множество академических поколений подряд, будут обладать сколько-нибудь сравнимыми чертами» [Berger, 1992: 12].

¹ В 2003 г. преобразован в Институт культуры, религии и международных отношений (The Institute on Culture, Religion and World Affairs, CURA).

Свободная жанровая форма эссе дает классику социологии возможность поделиться не обезличенными, а искренними переживаниями касательно болезненного состояния дисциплины и ее возможной кончины. Бергер сетует, что принцип свободы от ценностей не соблюдается, специалисты все меньше вовлечены в эмпирические исследования, но больше всего Бергера беспокоит то, что теряется тот «особый взгляд на вещи», особое видение, или перспектива, а это, собственно, и выделяет социологию из корпуса наук: «Социология в свой классический период — примерно между 1890-ми и 1930-ми годами — бралась за „большие вопросы“ того времени. Сегодня же социология по большей части избегает этих вопросов, а если не избегает, то решает их крайне абстрактным образом» [Berger, 1992: 12]. Действительно, и российские социологи отмечают, что социология утрачивает способность видения через «большие вопросы» [Покровский, Симонова, Матвеева, 2020]. Поражает: Бергер дистанцируется от своей идентичности как социолога — по роду своей службы он занимался более широкими вопросами, но по перечню его публикаций, конечно, трудно было заподозрить, что его идентичность и связи с коллегами-социологами ослабли. При этом он отмечает неуверенность в том, что сможет играть роль судьи: «Я вовсе не уверен, что могу поставить однозначный диагноз и выбрать соответствующее лечение. Я также не могу поручиться, что за все это время у меня самого выработался иммунитет ко всему, от чего страдает наша дисциплина. Однако я попытаюсь если не поставить точный диагноз и тем более назначить эффективную терапию, то хотя бы описать некоторые симптомы болезни на примере четырех важных событий, произошедших после Второй мировой войны» [Berger, 1992: 12–13].

Какие же события позволяют Бергеру определить симптомы тяжелого кризиса социологии? Безусловно, некоторые читатели уже могли догадаться. Это явления и процессы, имевшие место после Второй мировой войны, которые социология оказалась не в силах объяснить и предвидеть. События описываются Бергером не в форме абстрактных категорий, а через факты и ткань повседневной жизни, особую рациональность повседневности, которая формировалась в этих условиях. Его примеры не остаются на уровне «разговора с таксистом», социолог замечает и схватывает те обстоятельства «жизненного мира», которые были бы наиболее способны объяснить явления общераспространенные и макроуровневые. Например, когда Бергер обращается к процессу радикализации верхушки среднего класса в США, который его коллеги не смогли предугадать, он приводит следующее характерное описание эпизода из своей повседневной жизни: «Я отчетливо припоминаю эпизод в одном из районов Бруклина, где наша семья жила с середины 1960-х до конца 1970-х годов. Район находился в процессе быстрой джентрификации (и мы были частью этого процесса), а жители превращались из этнического рабочего класса в высокопрофессиональную верхушку среднего. На окнах практически каждого дома одной из улиц вывешивались, как тогда это называли, «политически корректные» плакаты в поддержку мира — „Америка, вон из Вьетнама“, „Занимайтесь любовью, а не войной“, „Спасите китов“ и тому подобное. За одним исключением: на одном доме были призывы

вроде „Поддержи наши войска во Вьетнаме“, „Помоги своей местной полиции“ и „Регистрируйте коммунистов, а не пушки“. В том доме жил пожилой инвалид, овдовевший ветеран. Однажды этого человека выселили... На следующей неделе в дом заселились новые жильцы, и окна незамедлительно обросли символами мира» [Berger, 1992: 13].

Первый пример относится к периоду, когда как в США, так и в Европе на поле политической борьбы возникают многочисленные молодежные движения, выступающие против войны во Вьетнаме, господства авторитарных режимов и шире — против устройства современного мира, представленного поколениями «отцов». Культура 1960–1970-х годов включала в себя также сексуальную революцию, эру цветного телевидения и независимого кино. Бергер характеризует их как «культурный и политический» переворот, суть которого можно выразить вопросом: «Как могло случиться, что одни из самых привилегированных людей на земле — да что там, в истории, — яростно ополчились против того самого общества, которое сделало их такими привилегированными?» [Berger, 1992: 13]. Как полагает Бергер, недостаточное социологическое понимание этого события привело к распространённому убеждению, что «поздние шестидесятые» остались в прошлом, но они «никуда не исчезли, они институционализировались как в культурном, так и в политическом плане» [Berger, 1992: 13]. Социологи оказались не способны заметить этот процесс институционализации. «Единственным более или менее убедительным социологическим объяснением произошедшего была так называемая новая классовая теория, которая ненадолго возникла в 1970-х годах, хотя с тех пор о ней ничего не слышно. Примечательно, что это объяснение имело как левую, так и правую интерпретации, сформулированные соответственно Алвином Гулднером и Ирвингом Кристолом¹. Ни одна из них не соответствовала фактам в полной мере, а задача переосмысления социологической теории классов в развитых индустриальных обществах так и осталась нерешённой... Вопрос в том, почему социологи так неумело справляются с объяснением столь масштабного феномена. В какой-то степени, вероятно, дело в нежелании менять устоявшиеся теоретические парадигмы... Но лучшее объяснение заключается в том, что множество социологов в значительной степени были частью этого явления. На сердцах поколения, тогда пришедшего в профессию и теперь перешагивающего порог среднего возраста, были выгравированы все символы мира... Иными словами, провал социологии в понимании такого развития событий был во многом обусловлен идеологическими шорами» [Berger, 1992: 13].

¹ О классовой структуре американского общества А. Гулднер рассуждает в работах "Prologue to a Theory of Revolutionary Intellectuals" (1975–1976) и "The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class" (1979). Автор расширил марксистскую трактовку социальной структуры и, кроме буржуазии и пролетариата, выделил третий, свойственный современности, «новый класс» — интеллигенцию. Роль «нового класса» на политической и экономической арене XX века, по мнению Гулднера, непрерывно возрастает. Кристал обосновывает похожую типологию и отмечает идентичную тенденцию, но из другой точки политических координат. В труде "Two Cheers for Capitalism" (1978), как отец-основатель неоконсерватизма, он упрекает «левых» интеллектуалов за их отрешённость от имперской политики.

С нашей точки зрения, Бергер указывает не только на важную лакуну в социологической теории в попытке объяснить происходящие события, но вообще лакуну в изучении классовой структуры позднесовременных обществ, которая, надо заметить, до сих пор не закрыта. На примере «провала» существовавших на тот момент классовых теорий Бергер выявляет первый симптом недуга науки — идеологическую ангажированность научного сообщества. Социологи к концу XX века все более стремятся определить собственную позицию на политических и иных ценностных системах координат, что может повлечь за собой, по мнению классика, серьезное искажение результатов их работы и своего рода нечувствительность и слепоту в отношении настоящих и грядущих социальных явлений и процессов. Бергер озвучивал эту идею еще в «Приглашении в социологию», но в рассматриваемом эссе веберовский принцип свободы от оценки звучит еще более настоятельно, он мало где соблюдается и, главное, социологи не видят в этом ничего особенного.

Второй пример, указывающий на «кризис социологии», касается фундаментальных изменений в некоторых странах Восточной Азии, продемонстрировавших удивительный экономический подъем и процветание, и одновременно соответствующей стагнации «социалистических» обществ «от Индокитая до стран Карибского бассейна». Он показывает, как «проваливается» единая концепция модерна и общего представления о развитии обществ, основанная на марксистских теориях, согласно которым должно произойти ровно обратное. «Так, в конце шестидесятых годов теория модернизации потерпела крах и была разоблачена как идеология западного империализма. В то время левые социологи разрабатывали так называемую теорию зависимости, согласно которой капитализм с необходимостью способствует отставанию в развитии, а спасением, естественно, должен был стать социализм. Между эмпирическими и теоретическими исследованиями в этот момент наблюдалась странная синхронность» [Berger, 1992: 14]. Теория модернизации не смогла справиться с объяснением подъема «азиатских тигров» на мировой арене, поэтому социологами была выдвинута новая версия развития восточных стран — теория зависимости (“dependency theory”)¹. В рассуждениях Бергера становится очевидным, что теорию зависимости он считает такой же колониалистской, как и ее предшественницу — теорию модернизации. При этом кратко сформулировать ту позицию, которую по мнению социолога, должна занимать наука, можно следующим образом: во-первых, изучать страны «капиталистической» Азии необходимо для понимания развития самих же западных стран, а во-вторых, при таком изучении для объяснения Азии следует использовать ее же (а не западноевропейскую) *рациональность*. Бергер

¹ Теория зависимости (“dependency theory”) — теория в области смежных социальных наук, согласно которой экономическая отсталость и продолжающаяся бедность развивающихся стран «периферии» являются результатом господства над ними развитых государств «центра». Основные положения теории зависимости берут истоки в работе социолога, президента Бразилии (1995–2003) Фернанду Э. Кардóзу и его соавтора Энцо Д. Фаллэто. Интересно, что сам Кардóзу отмечал идейные пересечения своей концепции с теорией империализма В. Ленина.

убежден в превосходстве сравнительной социологии, за которую ратовал Макс Вебер.

«Многие социологи стремятся подражать экономистам, адаптируя теоретические модели, основанные на „рационально-деятельностной парадигме“, в своих исследованиях. Мы можем с уверенностью предсказать, что интеллектуальные результаты такого подхода будут крайне схожи с таковыми в экономике. Да, социология — рациональная дисциплина, как и любая эмпирическая наука, но она не должна совершать роковую ошибку, путая свою собственную рациональность с рациональностью изучаемого мира» [Berger, 1992: 17]. Бергер подчеркивает, что теория зависимости была сфальсифицирована, но вопрос о том, как рассматривать модернизацию в других странах и на каких культурных основаниях она возможна, остался: многие социологи не смогли ответить на него, поскольку были сторонниками «левой» идеологии, а другие — сторонниками других вариантов идеологических приверженностей. Но поскольку это действительно очень «большой вопрос», он «неудобен для тех специалистов, чья перспектива парохияльно-этноцентрична¹, и для тех, кто привержен к применению методов, не позволяющих ставить «большие вопросы» [Berger, 1992: 14]. В целом Бергер пытается показать идеологические шоры разных социологов, не ограничиваясь только американскими коллегами. Как отмечалось ранее, во время написания эссе Бергер работал в Институте изучения экономической культуры. Институт специализировался на сравнительных исследованиях становления и развития демократических институтов в различных странах, на изучении влияния религии и культуры на экономическую систему [Руткевич, 2011]. Здесь Бергер писал работы как раз о «множественном» модерне и глобализации. «Модернизация — великая преобразующая сила в современном мире, но это не однородный, механический процесс. Она принимает разные формы, вызывает разные реакции. Вот почему социология, научная дисциплина *par excellence* для понимания современности, должна быть сравнительной. Это, безусловно, было одним из ключевых положений Вебера, и сегодня оно актуально как никогда. Оно означает, что социологи должны смотреть на Японию, чтобы понять, как устроен Запад, на социализм, чтобы понять, что представляет из себя капитализм, на Индию, чтобы понять Бразилию, и так далее. Парохиялизм в социологии — это не просто культурный дефицит, это причина сокрушительных провалов восприятия происходящего» [Berger, 1992: 17].

Те же идеологические и рациональные искажения Бергер демонстрирует на своем третьем примере — «обрушении» концепции секуляризации, которая в 1950–1960-е годы казалась вполне обоснованной. В ней в самом общем смысле утверждалось, что модернизация неизбежно ослабляет значение религии в жизни человека как на уровне социальных институтов, так

¹ Парохиялизм — это особенность мировосприятия, при которой человек сосредоточивает внимание на отдельных сторонах проблемы, а не рассматривает ее в более широком контексте. В узком смысле — предпочтение «своего» всему «чужому». Этноцентризм же характеризуется построением выводов о «другой» культуре из основания, что культура собственная является для такого рассмотрения образцом.

и на уровне индивидуального сознания, но к концу 1970-х годов оказалось, что эта теория не имеет под собой широкой эмпирической базы, и социологи принялись с большим рвением ее фальсифицировать [Berger, 1992: 15]. Бергер иронично показывает, как специалисты в области социальных наук были озадачены «возрождением» религии или ее сохраняющимся значением в западных обществах и иранской религиозной революцией. Казалось, что социологи и светские интеллектуалы не замечают и отмахиваются от того, что у них перед глазами. «Социологам трудно смириться с тем, что современный мир в значительной степени религиозен. Независимо от того, являются они левыми в политическом смысле или нет, но, когда речь заходит о религии, социологи страдают идеологической слепотой и склонны давать объяснения тому, что объяснению не поддается. Помимо идеологии, решающим фактором здесь также является парохизм. Социологи живут в действительно секуляризованной среде — в академических кругах и других институциональных контекстах индустрии профессионального знания, однако, похоже, они не больше, чем люди без специального социологического образования, застрахованы от распространенных предубеждений и делают общие выводы о мире, находясь в своем крохотном мировоззренческом закоулке» [Berger, 1992: 15–16].

Здесь необходимо отметить, что Бергер имеет в виду отчасти и собственную эволюцию взглядов на секуляризацию. Он сам — один из самых крупных специалистов в социологии религии, который оказал существенное влияние на развитие этой области. С самого начала он занимался как особенностями секуляризации, так и сохраняющейся ролью религии в жизни общества, которая если и уходит из сознания современного человека и публичной сферы общества, то продолжает присутствовать в «невидимых формах», поскольку потребность в легитимирующих основаниях социальной жизни не исчезает, а религия всегда справлялась с этой задачей. Проблема заключалась в том, что в современной жизни (Бергер это показывал на примере американского общества) сосуществуют и конкурируют между собой «религия церковей» и «гражданская религия» как средоточие светских ценностей и норм, как идеологическое ядро общества и ядро национального самосознания. Традиционные религии, возможно, и переживали кризис, но окончательно не сдали своих позиций, а, наоборот, отвоевывают свое влияние, поскольку люди до сих пор нуждаются в них. Страх перед будущим и его неопределенность порождают процессы, обратные модернизации. Поэтому здесь мы видим, что Бергер понимает свои ошибки, признает неоднозначность и неоднородность процесса секуляризации, который сопровождается процессами десекуляризации.

Как может догадаться вдумчивый читатель, четвертым примером провала социологической прозорливости стал распад Советского Союза. Бергер обозначает это событие как «всемирный крах социализма как реальности и как идеи» [Berger, 1992: 16], который бросает фундаментальный вызов социологическому пониманию современности. При этом классик продолжает иронизировать: «Как теперь относиться к переходу от социализма к капитализму?

Современные левые журналы полны мучительных попыток объяснить события, происходящие последние несколько лет в Европе и других странах, и в большинстве своем это попытки отрицать очевидное. У меня есть все основания ожидать, что социологи будут активно участвовать в этом предприятии во главе с давнишними отважными адептами теории зависимости. Можем ли мы рассчитывать, что очередная „блестящая концепция“, скажем, „независимого отставания“ (“independent underdevelopment”) каким-то образом спасет теорию?» [Berger, 1992: 16].

Здесь, на наш взгляд, Бергер подчеркивает ключевую мысль, лежащую в основании социологии как особой широкой научной перспективы, как особого способа мышления, как способа видения общества и даже как формы сознания (о которых он пишет в «Приглашении в социологию»), без которых от нее ничего не остается. Эта мысль заключается в смещении фокуса внимания на проблему социального порядка, которая остается «большим вопросом», главной проблемой. Ее глубокое изучение было свойственно классикам науки: «Более интересным является вопрос не о том, почему рухнули „они“, а о том, почему не рухнули „мы“. Это базовое теоретическое основание, которое в социологической науке регулярно не принимается во внимание: проблема заключается не в социальной дезорганизации, а прежде всего в социальной организации — в браках, а не в разводах, в законопослушности, а не в преступности, в расовой согласии, а не в расовой вражде, и так далее. Мы можем с уверенностью согласиться с утверждением Яна Ромейна: „Общечеловеческие паттерны“ (“common human patterns”) — это безверие, насилие и ненависть. Эти проявления человеческой природы вряд ли нуждаются в объяснении, разве что зоологами. Требуют объяснения те случаи, когда обществам удивительным образом удается обуздать и цивилизовать эти склонности» [Berger, 1992: 16].

Таким образом, Бергер подводит итог и суммирует четыре симптома патологии науки. И вновь основной причиной возникновения всех этих симптомов, по мнению Бергера, становится интеллектуальное «отречение» от социологии в ее классическом понимании. «Парохиализм, тривиальность, рационализм и идеология. Каждый из них искажает перспективу, а их сочетание смертельно опасно. Если сравнить текущее положение дел с тем, что писали в своих трудах великие социологи-классики во главе с Максом Вебером и Эмилем Дюркгеймом, то относительно этих симптомов можно вспомнить изречение Уэсли: „Весь мир — мой приход“. Немногие социологи могли бы выразиться так сегодня, а те, у кого это получается, зачастую обнаруживают досадный недостаток исторической глубины» [Berger, 1992: 16].

Хотя Бергер дистанцируется от идентичности социолога институционально, но лично он продолжает подтверждать принципы классической социологии и не изменяет принципам своего «Приглашения...». Пророчество Бергера не сбылось — социология жива по сей день, однако «болезненные» явления, отмеченные автором, никуда не делись. Начало кризиса социологии, который послужил Бергеру стимулом к написанию этого эссе, датируется концом шестидесятых годов XX века, когда дисциплина потеряла свой «интеллектуальный центр» в лице «парадигмы» структурного функционализма. Стали

возникать и развиваться альтернативные теории — теории конфликта, этно-методология, теории обмена и др. Постепенно в силу отсутствия конвенции в фундаментальных основаниях социологического знания, в методах и задачах науки дисциплина переставала походить на социологию в ее классическом облики. Науку настигла, как выражается Бергер, «когнитивная аномия». Этот кризис продолжается до сих пор, и к нему добавляется ускоренная фрагментация знания. Развитие все большего количества «микроуровневых» и отступающих от классических традиций направлений позволяет изучать тонкие грани социальной реальности, но на этом пути вряд ли возможна постановка «больших» вопросов, а если и возможна, то под рукой не окажется необходимой теоретической перспективы. «Здесь нужна социология в ее классическом понимании, основанная на знании истории, методологически гибкая и проникнутая космополитическим духом бесконечного любопытства ко всем проявлениям человеческой жизни. Излишне говорить, что социологов, владеющих подобным ремеслом, найти довольно сложно. Того хуже, можно сказать, что и процесс обучения, и система вознаграждений в этой профессии хитрым образом (хотя, возможно, и неумышленно) устроены так, чтобы такие специалисты не появлялись» [Berger, 1992: 14–15].

Усугубляется положение тем фактом, что социология подвержена разным модам, среди которых может быть, следуя мысли А.Б. Гофмана, даже мода на «противоречивость и бессмысленность развиваемых положений» [Покровский, Симонова, Матвеева, 2020: 55]. Еще более опасной может быть мода на подчеркивание своих политических и прочих предпочтений и привязанностей, о которой пишет Бергер в рассматриваемом эссе. Действительно, среди разных и в том числе выдающихся специалистов по сей день эта мода не угасает, они обозначают свою позицию, или *standpoint*, в пространстве ценностей и политических интересов, тем самым признавая собственную предубежденность, как бы желая защитить себя и в определенном смысле снять с себя ответственность за свои суждения и результаты исследований (например, Э. Иллуз в своих блестящих работах, наполненных критикой современного мира, неоднократно подчеркивает, что ее собственное видение имеет гендерную окраску и продиктовано ценностями женского активизма [Иллуз, 2020]). Однако Бергер недвусмысленно дает понять, что тезис о невозможности свободы от ценностей *неверен*. Поэтому основным выводом данной работы можно считать, что главная опасность таится не в смерти социологии как таковой, а в отказе от принципа свободы от ценностей, от стремления к объективности. В целом стремление дистанцироваться от собственных приверженностей через их публичное признание не является предосудительным, но с точки зрения Бергера оно может оказаться опасным, поскольку замыкает специалиста в рамках логики отдельной перспективы. «Худшим последствием идеологизации дисциплины, произошедшим в 1960-е и 1970-е годы, стало стойкое убеждение, что объективность и „свобода от ценностей“ невозможны и что социологи, осознавая это, должны действовать исключительно как адвокаты определенной точки зрения. Такая позиция вовсе не ограничивается левыми взглядами... Противоядием от „ложного идеала“ объективности стала

„немецкая наука“, а самая тонкая формулировка пропагандистской науки принадлежала не кому-нибудь, а покойному доктору Геббельсу: „Истина — это то, что служит немецкому народу“» [Berger, 1992: 17].

По мнению Бергера, социолог постоянно нуждается в преодолении границ своего видения, ему нужны глубинное знание истории и опыт других культур, чтобы выйти за рамки своего жизненного мира. Бергер уже высказывал подобную идею в «Приглашении...», но спустя тридцать лет он смог разглядеть предположительную причину существования парохизма в науке — тенденции предпочитать все «свое» всему «чужому». Согласно Бергеру, проблему, порождающую закрытость мышления и неготовность ученых обращаться к «иным» проявлениям человеческой жизни, следует искать в устройстве институтов образовательной подготовки и непосредственной академической работы. Об этом явно недостаточно говорят отечественные социологи, а ведь это важнейшее условие воспроизводства и развития социологической научной области.

Интеллектуальные рецепты борьбы с кризисом и тип теоретизирования, предлагаемые и используемые Бергером, во многом созвучны критическому подходу Ч. Р. Миллса, отстаиваемому в работе «Социологическое воображение» [Миллс, 2001]: то же восхищение классиками, критика количественных методов, указание на ригидность теории. «В определенной степени мои критические замечания сходны с теми, которые Ч. Райт Миллс приводит в своей работе „Социологическое воображение“... Нам неизвестно, что бы сделал Миллс, если бы жил в этот период. Зато мы знаем, как поступили многие его читатели, особенно те, на кого его критика произвела наибольшее впечатление. Они погрузились в идеологический бред, в основном базирующийся на марксистских и квазимарксистских предположениях, которые, казалось, служили лекарством от всех болезней нашей дисциплины» [Berger, 1992: 17].

Бергер, настаивая на специфичности и необходимости социологической перспективы, отмечает, что к концу XX века социология потеряла свою идентичность. Она одарила своими инструментами другие социальные науки, позабыв при этом о самой себе. «Пропускная способность» границ социологического метода резко возросла — социология осталась помалу везде и нигде в чистом виде. Вероятно, Миллс не был бы против подобной интерпретации, однако его концепция «социологического воображения» подразумевает несколько иную позицию: «*Каждый сам себе методолог!*» [Миллс, 2001: 72]. Но насколько продуктивен такой принцип? Не стоит ли социологии, наоборот, укреплять собственные методологические границы, быть более разборчивой и критичной в заимствованиях, как полагает Бергер? Теперь уже можно поставить и следующий вопрос: не обусловлена ли возможная кончина социологии проникновением в нее «постмодерна», стирающего границы между научным и ненаучным знанием [Гофман, 2021]? Всем, кто заинтересован в прочтении этого эссе и чьи притязания лежат в области социологии, стоит уделить пристальное внимание этим вопросам.

В заключение Бергер еще раз подчеркивает одну из важнейших, как нам кажется, для его творчества идей: человеческие действия могут быть удивительны в своей «контрфинальности»: люди способны действовать намеренно и при этом порождать непреднамеренные последствия. Эта мысль развивалась им в «Приглашении в социологию» и позже в работе «Реинтерпретативная социология» [Berger, 1981], и также акцентируется в этом эссе. Специфика «реинтерпретативной» социологии, в частности, заключается в постоянном внимании социолога к сложности и многообразию значений и смыслов, которыми руководствуются люди в своих действиях, а также в так называемом «когнитивном» уважении к идеалам, верованиям, мнениям людей разных групп и культур [Руткевич, 2011]. Для этого социология должна иметь при себе надежные теоретические инструменты и крепкий иммунитет, чтобы оставаться способной к объяснению человеческих действий, иначе ей как дисциплине грозит смертельная участь. Именно поэтому прогнозы столь пессимистичны: «Но есть ли возможность у социологии избежать такой участи? Я в этом совсем не уверен. Патологический процесс зашел слишком далеко. Но можно поразмышлять о некоторых условиях, которые способны изменить ход судьбы. По существу, приведенные выше наблюдения уже наметили необходимые шаги: мы говорим о социологии, которая возвращается к большим вопросам классической эпохи, социологии космополитической и методологически гибкой, а также категорически антиидеологической. Но каковы институциональные требования для такого разворота? Очевидно, он не может быть осуществлен с помощью конференций, манифестов и других поверхностных интеллектуальных усилий. Возрождение дисциплины должно базироваться на одной или нескольких академических программах, по которым учатся социологи, вероятно, в элитных университетах (хотя и к сожалению). И этот процесс должен находиться в руках молодых людей, у кого впереди два или более десятилетий активной профессиональной жизни, — потому что именно это и потребует. Возможно ли все это? Скорее всего, нет» [Berger, 1992: 18].

Учитывая вышесказанное, мы можем занять, правда, более взвешенную позицию, снижающую градус критики Бергера: социология всегда будет в кризисе, поскольку вынуждена изучать (все ускоряющиеся) социальные изменения и не всегда успевает объяснить и тем более предвидеть определенный исход. Ежи Шацкий писал о социологии как о «дочери кризиса» [Шацкий, 2018: 500–501], выделяя его причины, отмеченные выше, и добавляя к ним утрату «господства американской социологии» [Шацкий, 2018: 501], которую Бергер также имеет в виду. Видимо, социология во многом обречена на кризисы. Бергер же не просто указывает на наличие патологии, а выдвигает предположения, откуда эта патология могла возникнуть и как, если не побороть, то смягчить существующий и все последующие кризисы науки. Возможное решение, которое предлагает автор молодым социологам, заключается в стремлении изучать общество, опираясь на глубинное историческое знание, питая любопытство к разнообразным формам человеческой жизни и не боясь при этом браться за «большие вопросы». «Неотъемлемой частью подготовки каждого социолога должно быть детальное знание хотя бы одного общества, сильно

отличающегося от его собственного, что в качестве условия предполагает подвиг, от совершения которого, как правило, уклоняются многие студенты: изучение иностранных языков» [Berger, 1992: 17].

Пророческими оказались заключительные строки предисловия к «Приглашению...» Г.С. Батыгина: «...и другие бергеровские труды, которые, несомненно, будут переведены на русский язык, приглашают прилежного читателя размышлять над причинами и возможными последствиями событий» [Бергер, 1996: 7]. Несмотря на пессимистические прогнозы, несмотря на практически безнадежную оценку социологического образования, эссе «(Не)приглашение в социологию?» обретает сопоставимую с «Приглашением...», если не бóльшую, мотивационную силу. Наверное, этим объясняется вопросительный знак в конце оригинального провокативного заголовка "*Sociology: A Disinvitation?*". Отмена приглашения в социологию, сделанная в данном эссе, парадоксальным образом не отменяет основных положений одноименной книги, а делает их более настоятельными, поскольку Бергер верен своей изначальной позиции: социология как теоретико-методологическая перспектива уникальна, и именно эта наука в наивысшей степени подвержена ошибкам, заблуждениям и в том числе политическим привязанностям. Однако в социологии также заключен высокий потенциал, базирующийся на фундаменте, заложенном классиками.

В заключение отметим, что желание перевести эссе Бергера было продиктовано, помимо прочего, недостаточным, на наш взгляд, вниманием к социологическому наследию автора, хотя на русский язык переведено несколько его крупных и значимых работ [См. Бергер, 2004; Бергер, 1994; Бергер, 2019]. Мы надеемся, что данное эссе, которое можно без труда найти и прочитать на английском языке, повысит интерес молодого поколения социологов к творчеству Питера Бергера и, что наиболее важно, заставит задуматься над тем, что ожидает социологическую науку в будущем.

Литература

Бергер П.Л. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / Пер. с англ. Г.П. Бляблиной. М.: Прогресс; Универс, 1994.

Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Под ред. Г.С. Батыгина / Пер. с англ. О.А. Оберемко. М.: Аспект пресс, 1996.

Бергер П.Л. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / Под ред. С.И. Елагиной / Пер. с англ. Р. Сафроновой. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология / Пер с англ. В.Ф. Ануриной. М.: Академический проект, 2004. EDN: QOCTFX

Гофман А.Б. «Интер», «мульти», «транс», и «пост»: социология, дисциплинарность и постмодернизм // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 15–25. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3> EDN: HJAWRU

Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Пер. с англ. С.В. Сидоровой. М.; Б.: Директ-Медиа Паблишинг, 2020.

Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / Под ред. Г. С. Батыгина / Пер. с англ. О. А. Оберемко. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.

Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона / Пер. с англ. В. В. Саповой. М.: Аспект Пресс, 2004.

Покровский Н. Е., Симонова О. А., Матвеева Е. В. Социология и общество в XXI веке: кризисы и образы будущего (круглый стол) // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009157-5> EDN: EWHOEQ

Руткевич Е. Д. Питер Бергер — полвека творческого пути // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 114–123. EDN: LVYJGT

Харрис С. Приглашение в социологию эмоций / Пер. с англ. О. А. Симоновой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2308-7> EDN: NZEOHZ

Шацкий Е. История социологической мысли. Том 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Becker H. S., Rau W. C. Sociology in the 1990s // Society. 1992. Vol. 30. № 1. P. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719108>

Bell M. M., Ashwood L. L. An Invitation to Environmental Sociology. New York: Sage Publications, 2015.

Berger P. L. Sociology: A Disinvitation? // Society. 1992. Vol. 30. № 1. P. 12–18. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719100>

Berger P., Kellner H. Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation. New York: Anchor Press, 1981.

Bourdieu P., Wacquant L. J. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Hollander P. Sociology and the Collapse of Communism // Society. 1992. Vol. 30. № 1. P. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719102>

Selznick P. Review of Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective // American Sociological Review. 1964. № 29. P. 285–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/1317637>

Zuckerman P. Invitation to the Sociology of Religion. London: Routledge, 2010.

Сведения об авторах:

Симонова Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **Email:** OSimonova@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 681658; **ORCID:** 0000-0003-4231-7076; **Researcher ID:** I-3652-2015.

Вайзер Алексей Валерианович — студент бакалавриата, бакалаврская программа «Социология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **Email:** weiser.alexey@mail.ru. **ORCID:** 0009-0008-8693-1901.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2023

Принята к публикации: 17.12.2023

ВАК: 5.4.1

.....

To Invite or Not to Invite to Sociology? Thinking about P. Berger's Critical Essay "Sociology: A Disinvitation?"

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.1

Olga A. Simonova HSE University, Moscow, Russia
Email: OSimonova@hse.ru

Alexey V. Weiser HSE University, Moscow, Russia
Email: weiser.alexey@mail.ru

The authors of an unpublished translation of P. L. Berger's essay, written in the early 1990s and published in the journal "Society" (1992), demonstrates the relevance and surprising time-liness of this work for a wide readership. Sociology sometimes experiences crises and deadlocks in theory and research. Contemporary global events exacerbate these crises, and sometimes it seems that sociology can no longer cope with the study and explanation of new phenomena and processes. From the point of view of the authors, P. L. Berger, while criticizing and lamenting the shortcomings of his contemporary sociological theory and the short-sightedness of sociologists, paradoxically does not disappoint or discourage sociology, but invites once again and more insistently to engage in this science, recalling what the classics of sociology wrote and did.

Keywords: P. L. Berger; sociology; crisis; classical sociologists; sociological education

References

- Becker H. S., Rau W. C. (1992) Sociology in the 1990s. *Society*. Vol. 30. No. 1. P. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719108>
- Bell M. M., Ashwood L. L. (2015) *An Invitation to Environmental Sociology*. New York: Sage Publications.
- Berger P., Huntington S. (eds.) (2004) *Mnogolikaya globalizaciya: Kulturnoe raznoobrazie v sovremenom mire* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World]. Transl. from Eng. by V. V. Sapova. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Berger P. L. (1992) Sociology: A Disinvitation? *Society*. Vol. 30. No. 1. P. 12–18. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719100>
- Berger P. L. (1994) *Kapitalisticheskaya revolyuciya: 50 tezisov o procvetanii, ravenstve i svobode* [The Capitalist Revolution: Fifty Propositions about Prosperity, Equality, and Liberty]. Transl. from Eng. by G. P. Blyablina. Moscow: Progress; Univers. (In Russ.)
- Berger P. L. (1996) *Priglasenie v sociologiyu: gumanisticheskaya perspektiva* [Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective]. Ed. by G. S. Batygin. Transl. from Eng. by O. A. Oberemko. Moscow: Aspekt press. (In Russ.)
- Berger P. L. (2019) *Svyashhennaya zavesa. Elementy sociologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion]. Ed. by S. I. Elagina. Transl. from Eng. by R. Saffronova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Berger P. L., Berger B., Collins R. (2004) *Lichnostno-orientirovannaya sociologiya* [Personality-Oriented Sociology]. Transl. from Eng. by V. F. Anurin. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Socialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on Sociology of Knowledge]. Transl. from Eng. by E. D. Rutkevich. Moscow: Medium. (In Russ.)

Berger P., Kellner H. (1981) *Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation*. New York: Anchor Press.

Bourdieu P., Wacquant L. J. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.

Gofman A. B. (2021) "Inter", "multi", "trans", i "post": sociologiya, disciplinarnost i postmodernizm. ["Inter", "Multi", "Trans" and "Post": Sociology, Disciplinarity and Postmodernism]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2. P. 15–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3>

Harris S. (2020) *Priglasenie v sociologiyu emocij* [An Invitation to the Sociology of Emotions]. Transl. from Eng. by O. A. Simonova. Moscow: Izd. dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2308-7>

Hollander P. (1992) Sociology and the Collapse of Communism. *Society*. Vol. 30. No. 1. P. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719102>

Illouz E. (2020) *Pochemu lyubov ranit? Sociologicheskoe obyasnienie* [Why Does Love Hurt? Sociological Explanation]. Transl. from Eng. by S. V. Sidorova. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publishing. (In Russ.)

Mills Ch.R. (2001) *Sociologicheskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination]. Ed. by G. S. Batygin. Transl. from Eng. by O. A. Oberemko. Moscow: Izdatelskij Dom NOTA BENE.

Pokrovsky N. E., Simonova O. A., Matveeva E. V. (2020) Sociologiya i obshchestvo v XXI veke: krizisy i obrazy budushhego (kruglyj stol) [Sociology and Society in the Twenty-First Century: Crisis and Images of the Future (A Round Table Discussion)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 50–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009157-5>

Rutkevich E. D. (2011) Piter Berger — polveka tvorcheskogo puti [Peter Berger — Half a Century of Creative Effort]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 114–123. (In Russ.).

Selznick P. (1964) Review of Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective. *American Sociological Review*. No. 29. P. 285–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/1317637>

Shaczkij E. (2018) *Istoriya sociologicheskoy mysli* [History of Sociological Thought]. Vol. 1–2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Zuckerman P. (2010) *Invitation to the Sociology of Religion*. London: Routledge.

Authors bio:

Olga A. Simonova — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of the General Sociology, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **Email:** OSimonova@hse.ru. **RSCI Author ID:** 681658; **ORCID:** 0000-0003-4231-7076; **Researcher ID:** I-3652-2015.

Alexey V. Weiser — Bachelor Student, Bachelor's Program "Sociology", HSE University, Moscow, Russia. **Email:** weiser.alexey@mail.ru. **ORCID:** 0009-0008-8693-1901.

Received: 16.11.2023

Accepted: 17.12.2023

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.2

EDN: HKCKRZ

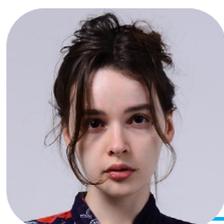
Оценивание современного искусства в процессе производства, дистрибуции и потребления

Ссылка для цитирования:

Лопаткова А. Р. Оценивание современного искусства в процессе производства, дистрибуции и потребления // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 1. С. 28–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.2> EDN: HKCKRZ

For citation:

Lopatkova A. R. (2024) Evaluation of Contemporary Art in the Process of Production, Distribution and Consumption. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 1. P. 28–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.2>

Лопаткова Алиса Романовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: arlopatkova@edu.hse.ru

В чем арт-сообщество видит ценность современного искусства? Данный вопрос обсуждается на основе 16 интервью с художниками, галеристами, кураторами и коллекционерами. Рынок современного искусства трактуется как «креативная индустрия», которая объединяет акторов, участвующих в производстве, дистрибуции и потреблении предметов искусства. Методология исследования построена на антропологическом подходе Игоря Копытоффа, идеях дискурсивной психологии Рома Харре, системе оценивания в креативной индустрии Ханны Вол и других, согласно которым история перемещений культурных объектов по социальному пространству и сопутствующие им дискурсы являются источником символических значений. Описаны рыночные практики дистрибуции предметов искусства: критерии отбора художников в галереи, юридические аспекты дистрибуции и потребления предметов искусства, неформальные практики покупок, моральные и прагматичные табу на покупку предметов искусства. Реконструированы четыре логики обоснования ценности предметов искусства: коммерческий успех, свидетельство времени, интеллектуальное развитие, эмоциональное переживание. Продемонстрировано, что потребление как коллекционерская

практика требует следования правилам «профессионального подхода» для признания в арт-сообществе.

Ключевые слова: социология оценивания; рынок искусства; культурный капитал; креативные индустрии

Введение

Эпоха постсовременности поставила под вопрос онтологический статус искусства и заострила проблему оценивания и дистрибуции культурных благ. С одной стороны, искусство институционально «сакрализовано», а с другой — креативные продукты активно участвуют в «профанных» экономических отношениях [Фархатдинов, 2011]. Хотя экономика и культура взаимодействуют по модели «перекрестных» миров и дополняют друг друга [Вельтус, 2008; Зелизер, 2010], рынки уникальных товаров неизбежно сталкиваются с проблемой определения качества [Karpik, 2010]. В индустрии современного искусства ситуация осложняется вариативностью систем оценивания среди разных участников поля культурного производства [Hanquinet, 2018].

В данном исследовании рынок современного искусства трактуется в духе индустриальной метафоры как «креативная индустрия». Согласно определению американской исследовательницы Ханны Вол, креативная индустрия — «сфера деятельности, направленная на производство, дистрибуцию и потребление культурных, художественных и интеллектуальных продуктов» [Wohl, 2021:2]. Концептуализация современного искусства как формы производства связывает наше исследование с традицией социологического анализа искусства, которая восходит к работам американского социолога Ричарда Петерсона [Фархатдинов, 2011]. Исключая из анализа эстетические характеристики предметов искусства, Р. Петерсон фокусировался на технологиях производства, правовом контексте, статусных иерархиях в индустрии, карьерных траекториях, организационной и рыночной структуре. Подобная редукция искусства к форме производства акцентирует укорененность художественной практики в социальных взаимодействиях и условиях производства предметов искусства. Следует отметить, что если в модели Р. Петерсона рыночный контекст занимает центральное место, то подход Х. Вол описывает процессы, происходящие на разных этапах жизненного цикла креативных продуктов как в рыночном пространстве, так и за его пределами. Объединение представленных подходов фокусирует наше внимание на конкретных аспектах функционирования индустрии искусства, которые характерны для работ Р. Петерсона, и открывает возможности для сравнительного анализа оценивания креативных продуктов, циркулирующих в разных социальных контекстах и сферах (например, в академии, кулинарии, социальных медиа и пр.).

В свою очередь, антрополог Игорь Копытофф показал, что статусы культурных (материальных) объектов конструируются в потоке социальных практик, а история передвижений культурного объекта в социальном пространстве

складывается в единую «биографию» [Копытофф, 2006]. Как демонстрирует также Ром Харре, вещь приобретает культурное значение не только в поведенческих практиках, но и в специфичных дискурсивных нарративах [Харре, 2006]. Учитывая, что потребительская ценность и логика ее обоснования содержат информацию о культурных значениях товара [Beckert, 2009], мы комбинируем подходы Копытоффа и Харре и определяем ценность предметов искусства как *набор символических значений, обусловленных практиками взаимодействия и включенностью в определенные типы нарративов, или сюжетных линий, повествующих о биографиях арт-объектов*. В данной статье мы ставим целью изучить практики и нарративы оценивания предметов искусства представителями арт-сообщества.

Теоретическая рамка исследования: оценивание на рынке уникальных товаров

Копытофф показывает на примере богатого эмпирического материала, что вещь должна быть маркирована как товар в социальном пространстве путем обретения меновой стоимости и участия в экономическом обмене [Копытофф, 2006]. Формирование рыночной стоимости вещи и ее появление на рынке (или коммодификация) происходят в процессе объективации, сингуляризации и калькуляции (будущего) товара [Callon, Muniesa, 2005]. На этапе объективации вещь еще не является товаром и требует выделения ее материальных свойств. Каллон и Муньеса различают материальность (*materiality*) и физическое состояние вещи (*physicality*): материальность указывает на свойства объекта, который в дальнейшем может быть «отделен» от автора арт-объекта и передан во владение покупателю. В креативных индустриях этой задачей — созданием материальности — преимущественно занимаются художники, когда конструируют предметы искусства [Caves, 2003]. Сингуляризация товара направлена на его позиционирование как уникального и в качестве такового — на интеграцию его в мир потребителя. На данном этапе большое значение имеют профессионалы рынка (*market professionals*), которые владеют маркетинговыми инструментами по позиционированию товаров. На этапе калькуляции, когда характеристики товара уже определены и разработаны механизмы оценки качества, производителю или его рыночному посреднику необходимо установить конкурентную цену на товар и завершить процесс коммодификации.

Уникальные товары образуют «экономику сингулярностей» с многомерной оценкой качества товаров, где цена не является доминирующим критерием [Karpik, 2010]. Оценивание предметов современного искусства, реализуемое посредством артикуляции символических значений и последующим взаимодействием с предметом искусства в соответствии с выбранным нарративом, включает несколько измерений: художественное (композиция, цвет, форма, используемые медиумы и пр.) [Stewart, 2015; Stewart, 2017], социальное (возраст художника, престижность галереи, «музейность художника» и пр.) [Yogev,

2010], контекстуальное (социально-политические и биографические условия производства предмета искусства) [Hanquinet, 2018; Kompatsiaris, 2020; Stewart, 2015; Stewart, 2017]. Мы предполагаем, что данный перечень измерений качества искусства не является исчерпывающим и может быть дополнен.

Важно, что ценность товаров не определяется «объективно», а зависит от запроса рынка/потребителя и от используемых им инструментов оценивания (judgement devices) [Karpik, 2010], а разновидностью инструментов оценивания являются «ценностные якоря»¹ (value anchors), представляющие собой систему дискурсивных категорий, с помощью которых принято дифференцировать товары по их ценности [Бердышева, 2012]. Таким образом, нарративы о ценностях предметов — это системы значений, изменяющиеся вместе с социальным контекстом оценивания.

Каков сценарий оценивания арт-объекта? Прежде чем совершить потребительский выбор, эксперт проживает эстетический опыт (aesthetic engagement), динамика которого задается мерой вовлеченности в ауру культурного объекта, ситуативными факторами и накопленным культурным капиталом [Stewart, 2015; Stewart, 2017]. Далее эксперт выносит эстетическое суждение, которое является продуктом прямого и/или неявного сенсорного опыта с последующей аффективной оценкой [Wohl, 2015]. Само эстетическое суждение конституируют три компонента — производное формы (derivation in form), интуитивный отклик (visceral response), интерсубъективная валидность (intersubjective validity) [Wohl, 2015]. Выбор доминирующего компонента при вынесении эстетического суждения указывает на социальную позицию актора: в отличие от непрофессиональной публики, эксперты будут опираться на принятые в эстетических локальных дискурсах конвенциональные критерии оценки, или «ценностные якоря» (value anchors) [Бердышева, 2012; Stewart, 2015; Stewart, 2017]. Основываясь в концептуальном плане на развернутую выше методологию оценивания в креативной индустрии, далее мы обоснуем свой методологический подход к исследованию оценивания на арт-рынке и опишем полученные результаты.

Методология

Наше исследование выполнено в качественной парадигме, методом полуструктурированного интервью и в логике «обоснованной теории» [Страус, Корбин, 2001]. Конструкты оценок арт-объектов были выведены индуктивно из эмпирических данных в процессе трехэтапного кодирования данных, которое включало открытое (обнаружение категорий), осевое (установление связей между категориями и субкатегориями) и избирательное (выделение центральных категорий и их соотнесение с другими категориями) кодирование. Поскольку, согласно Х. Вол, предметы искусства оцениваются в процессе

¹ Эффект якоря, или якорение, как эффект привязки, то есть предвзятость суждения, его когнитивное искажение описан впервые у Д. Канемана и А. Тверски [Канеман, 2016].

производства, дистрибуции и потребления, мы использовали целевую выборку «максимальных вариаций», в которую вошли художники, галеристы, коллекционеры и кураторы с российского рынка современного искусства. Критерием отбора информантов была самоидентификация как члена арт-сообщества и экспертная позиция. Влияние на динамику арт-рынка посредством активного участия в неформальных сетях взаимодействия и вынесения публичных/частных оценок искусства с привлечением немонетарных критериев наделяет некоторых коллекционеров статусом эксперта внутри сообщества и отличает их от «обычных» потребителей искусства [Wohl, 2020].

Сбор данных проводился с февраля по май 2022 года. Информанты рекрутировались через социальные сети и упоминания в интернете, что помогло преодолеть «закрытость» арт-сообщества: мы обращались к тем, кто ведет публичную жизнь и активно делится своим опытом на медиаресурсах. Позже был использован метод «снежного кома», когда два информанта стали гейткиперами и приглашали далее своих знакомых к участию в исследовании. В финальную выборку вошло 16 экспертов из Москвы и Санкт-Петербурга. Под каждую группу был разработан отдельный гайд для полуструктурированного интервью с фокусом на экспертных практиках информантов. При этом с каждым из них обсуждались профессиональная биография, нормативные представления об искусстве, отношение к коммодификации искусства и правила рыночного обмена на рынке современного искусства. Мы не указываем статусные характеристики информантов в приведенных цитатах, чтобы обеспечить конфиденциальность участникам исследования. Кодирование данных проводилось в программе Atlas.ti.

Эмпирический анализ представлен в четырех разделах. Первый раздел посвящен производству материальности предметов искусства. Во втором разделе описаны практики дистрибуции предметов искусства. Третий раздел содержит перечень логик обоснования ценности, к которым обращаются все участники индустрии при оценке предметов искусства. В четвертом разделе обсуждается потребление предметов искусства как коллекционерская практика.

Результаты эмпирического исследования

«Тело» предмета искусства: материальность и производство

Товары на рынке искусства принимают три физические формы — уникальный объект, серийный объект и тиражные объекты. Различие первых двух состоит в том, что серия представляет набор n-го количества культурных объектов, объединенных на смысловом уровне, в то время как единичный объект рассматривается как полностью автономное произведение. К тиражному искусству относят культурные объекты, произведенные в экземпляре больше одного и пронумерованные в соответствии с очередью печати. При этом предметы, произведенные из уязвимых перед воздействием внешней среды материалов, имеют ограниченный срок годности и несут больше рисков для потребителей.

Физическая форма предмета искусства презентует творческое видение художника, которое состоит из формальных (медиа, техники, материалы и пр.) и концептуальных элементов (тематика, концепция, «посыл») [Wohl, 2019]. Последние оформляются в «авторское высказывание», которое (1) транслирует эмоциональное переживание и/или набор когнитивных смыслов и (2) рассматривается во взаимосвязи с биографией автора и социально-политическим контекстом. При производстве предмета искусства художник использует сенсорные и нарративные ресурсы, каждый из которых подразделяется на два типа — первичные и вторичные ресурсы. Первичные ресурсы вплетены в тело культурного объекта, а вторичные ресурсы вербально или невербально артикулируют смыслы, заложенные в культурный объект (оформление выставочного пространства, манифесты, экспликации, кураторские высказывания и пр.). По оценке экспертов, согласованность ресурсов между собой и с творческим видением является критерием профессионализма художника и обеспечивает рыночный спрос:

«В общем, достаточно какого-то одного прорыва — либо формы, либо содержания, чтобы присмотреться к этой работе и купить. А если совпадает и то, и другое, то ее точно нужно брать» (А., муж., коллекционер).

Таким образом, описанные параметры являются понятийной матрицей, при помощи которой представители арт-сообщества осмысливают материальность искусства. Социализация внутри креативной индустрии предполагает интериоризацию данных параметров как универсальной схемы восприятия и оценивания предметов искусства. По этой причине представленные категории используются как рыночными посредниками и потребителями при участии в сделках, так и художниками при производстве и презентации предметов искусства¹.

От производства до потребления через дистрибуцию

Отбор художников

Товарному статусу арт-объекта предшествует обретение художником «точек входа» в рыночный обмен. Некоторые художники самостоятельно занимаются продажами, преимущественно через интернет. Исходя из этого, основным каналом коммуникации с потенциальными покупателями являются регулярные публикации в личном медиа (преимущественно страница в «Инстаграм»², в меньшей степени — телеграм-каналы). Обретение видимости

¹ В случае с художниками описанные параметры оценивания задействованы в выборе производственных ресурсов, темы произведения, физической формы. Кроме того, художник может отказаться от вывода уже готового предмета на рынок, если посчитает, что предмет не соответствует его творческому видению, не вписывается в рыночное позиционирование или может получить негативную оценку экспертов. Кураторы, галеристы и коллекционеры используют описанную понятийную матрицу при дистрибуции, потреблении и вынесении эстетических суждений.

² Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена в России.

в диджитал-пространстве не гарантирует выхода на рынок и коммерческого успеха, но повышает шансы художника быть замеченным значимыми игроками индустрии.

Другие художники сотрудничают с рыночными посредниками. Галеристы используют многочисленные каналы поиска новых авторов, среди которых личные связи, интернет, социальные сети и посещение мероприятий, посвященных искусству. Активный поиск художников характерен именно для начинающих галерей. Основные участники рынка имеют устоявшийся пул художников и ограничивают прием портфолио, потому что развитие карьеры новых авторов требует привлечения дополнительных ресурсов. Однако это не всегда означает, что путь в такие галереи закрыт: галеристы также активно следят за художественными образовательными организациями, посещают студенческие выставки и иные значимые события, где участвуют молодые художники, чтобы *«держать активную молодежь в поле зрения»*.

В процессе отбора рыночные посредники проводят ретроспективную и актуальную¹ оценку продуктивности художника с целью прогнозирования экономической и символической ценности его произведений, а также для калькуляции рисков. Галерист наблюдает за развитием узнаваемого творческого видения, публичной (офлайн/онлайн) и творческой активностью художника. По разным оценкам, длительность такой «апробации» составляет от года до двух лет. Некоторые галереи не ограничиваются этой системой, создавая дополнительные площадки продажи: дочерние проекты (художественные лаборатории, интернет-галереи), которые обеспечивают выход на «тестовый» рынок для молодых художников, где галеристы оценивают их продуктивность и рыночную ликвидность их арт-объектов. После, при наличии взаимной заинтересованности, принимают решение о сотрудничестве. Кроме того, когда галереи прогнозируют высокий спрос на искусство молодых художников, предложение контракта может быть сделано раньше указанного срока, чтобы опередить конкурентов в рыночной борьбе за перспективного автора.

Коммодификация блага начинается с заключения контракта, который регламентирует правила перемещения предметов искусства на рынке. В контракте фиксируются правила взаимодействия с другими рыночными акторами. Сотрудничество с другими галереями допускается при заключении инклюзивного контракта, а эксклюзивный контракт, напротив, ограничивает это право. Принимая решение о подписании эксклюзивного договора, стороны должны быть уверены в надежности друг друга как долгосрочных партнеров и просчитывать все возможные риски. Так, Олав Вельтус показывает, что расторжение договора может привести обе стороны к потере прежнего места на рынке из-за высоких репутационных издержек [Вельтус, 2008].

Условия контракта также описывают и обязательства сторон при совершении сделок. Во-первых, посредник может брать или не брать процент с продаж за пределами галереи. Если не был заключен эксклюзивный контракт или

¹ Данная стратегия не специфична для рыночных посредников. Коллекционеры также используют ретроспективную и актуальную оценку при самостоятельном поиске художников.

специальная договоренность, процент не взимается. Во-вторых, в договоре прописан порядок осуществления финансовых операций с потребителями. Когда накладывается полный запрет на непосредственное участие художника в сделке как получателя выплаты, исключения возможны либо в случае личной договоренности между художником и галеристом (агентом) о конкретном предмете, либо если это правило ведет к упущению экономической выгоды:

«Но, если вдруг так случается, что к тебе пришли в мастерскую, принесли деньги и говорят: „Я забираю эту работу“, конечно, надо продать, забрать деньги, поделиться с галереей и дальше жить хорошо» (Н., жен., галеристка).

Это ограничение необходимо в силу специфики потребительского опыта коллекционеров: местом для покупки может выступать как галерея, так и мастерская художника и/или социальные сети. Скрытие продажи за пределами галереи будет рассматриваться как оппортунистическое поведение со стороны художника, потому что галереи не только посредники при продаже, но и полноценные продюсерские центры, которые вкладывают экономические ресурсы в продвижение художников.

Как мы видим, использование правовых механизмов ограничивает перемещение предметов искусства в рыночном пространстве. Подписание договора, с одной стороны, ограничивает экономические свободы художника и усложняет сделки, а с другой — именно галереи ведут работу по рыночному продвижению предметов искусства и повышают его шансы на коммерческий успех и благосклонность критиков.

Встреча с потребителем

Торговые площадки рыночных посредников размещаются в галереях, на арт-мероприятиях (например, на ярмарках искусства) и на интернет-сайтах. Очный визит в галерею или на арт-мероприятие коллекционер планирует самостоятельно или с помощью арт-консультанта — специалиста, который изучает запросы потребителя, дает рекомендации по покупке культурных объектов и занимается поиском подходящих товаров. Кроме того, покупки предметов искусства совершаются на персональных или групповых выставках, где основатели галерей зачастую выступают организаторами. При этом участие в персональной выставке повышает шансы предмета искусства быть проданным. В такой ситуации все внимание сфокусировано на одном художнике, а потребители имеют возможность оценить культурный объект «вживую».

Ценообразование на рынке динамично и тесно переплетено с системой социальных иерархий. Дистрибьюторы (галеристы, агенты) допускают дисконты для музеев и коллекционеров, когда перемещение предмета искусства в коллекцию будет способствовать обретению институционального признания и дальнейшему росту символической ценности и коммерческой цены на предметы искусства. Предоставление скидки коллекционеру сигнализирует

о высокой ценности его коллекции для сообщества или об обладании статусом «постоянного покупателя».

Контракт о купле-продаже и дополнительные соглашения обеспечивают рыночный порядок и ограничивают товаризацию искусства через ограничение права на перепродажу и закрепление обязательства о предоставлении предметов на выставки. Эти обязательства дополняются сертификатом подлинности, который содержит имя автора, подпись рыночного посредника, название культурного объекта, год создания. Иногда — подпись автора и данные покупателя. Наличие такого документа имеет принципиальную значимость, потому что отображает «провенанс» предмета искусства (историю рыночных перемещений), который способен сам по себе производить экономическую и символическую ценность предмета при перепродажах, музейных выставках, спорах о наследстве художника и т.д.

Желание более детально изучить творчество «галерейного» художника или найти «новую звезду» может привести коллекционера в мастерскую, куда можно попасть через общих знакомых, специальные галерейные проекты по посещению мастерских и по личному приглашению от художника. Хотя такие визиты и являются институционально закрепленной практикой покупки и промоушена, они носят неформальный характер. При близком общении конструируются моральные образы друг друга, на основе которых принимается решение о дальнейшем сотрудничестве:

«Это более глубокий разговор, безусловно, чем такие разговоры, которые могут проходить на открытии выставок. <...> Это как книгу прочитать: ты один на один с ней. Так же — один на один с художником. При этом разговор может быть глубоким» (А., муж., коллекционер).

Сделки в приватной атмосфере мастерской сопряжены, тем не менее, с рядом рисков. С одной стороны, художник может стать жертвой психологического давления со стороны потребителя и согласиться на непривлекательные для него условия продажи, с другой стороны, коллекционер может не получить сертификат подлинности, потому что художники не всегда осведомлены о юридических нюансах заключения сделок на арт-рынке.

Размещение предметов искусства в рыночном пространстве не гарантирует права на покупку каждому потребителю. Художники и рыночные посредники могут накладывать табу на продажу предметов искусства конкретным потребителям. Они руководствуются моральными или прагматичными представлениями об «идеальной биографии»¹ арт-объекта, то есть желаемой стратегии перемещения предмета искусства в социальном пространстве. Моральные табу сакрализуют предмет искусства как акт самовыражения. Отсутствие личной симпатии, ценностный конфликт, утилитарное использование предмета искусства в публичном пространстве (кафе, офисы, отели) могут стать

¹ Концепт «идеальной биографии» описан антропологом И. Копытоффом в работе «Культурная биография вещей» (2006).

основанием для отказа потребителю. Прагматичные табу не только обеспечивают физическую сохранность предметов искусства, но и поддерживают рыночный порядок:

«Есть такая история про X, самого крупного галериста. Прежде чем продавать известные работы художников, человек должен прийти и купить много других работ художников и получить доступ к закрытому каталогу» (Ю., жен., галеристка).

Подобные меры необходимы, потому что «провенанс», или история владений, участвует в производстве символической ценности предметов искусства. На основе престижа и объема культурного капитала потребителя арт-сообщество прогнозирует рыночную траекторию художника и присваивает ценность его работам.

Далее мы опишем, какие ценностные порядки участвуют в производстве суждений, опосредующих производство и принятие решений о дистрибуции и потреблении арт-объектов.

Оценивание искусства: ценностные регистры суждений

В каждом суждении артикулируются интерпретации, основанные на рефлексии об эстетическом опыте «здесь и сейчас» и с учетом накопленного культурного капитала. В индустрии современного искусства культурный капитал описывается как:

«„Насмотренность“, которая говорит о том, какой массив информации и какое количество работ мировых художников и русских художников этот человек видел и понял» (В., жен., галеристка).

Приобретение академических знаний об искусстве (искусствоведение, философия, социология, психология и пр.), регулярные взаимодействия с предметами искусства, обмен суждениями с другими представителями арт-сообщества являются способами накопления культурного капитала.

В процессе социализации на рынке современного искусства акторы вырабатывают интерпретативные стратегии, основанные на разных представлениях о ценности искусства. Данные представления оформляются в ценностные регистры, которые дискурсивно задают набор практик и способов восприятия предмета искусства и производителя. Мы обнаружили эмпирически четыре ценностных регистра — коммерческий успех, свидетельство времени, интеллектуальное развитие, эмоциональное развитие. Ценностные регистры, как и категории, которые описывают материальность предмета искусства, могут быть драйвером художественной практики (художники и кураторы), а также профессиональной и экономической активности на рынке современного искусства (коллекционеры, галеристы). Отметим, что, разделяемые аналитически, несколько ценностных регистров могут сосуществовать в рамках одного эстетического суждения.

Коммерческий успех

Когда высокие цены и рыночный спрос конституируют ценность предмета искусства в глазах производителей, дистрибьюторов и потребителей, это сигнализирует о размещении оценочного суждения в регистре «коммерческого успеха». Обоснование ценности в данном регистре основано на предпосылке о том, что изменение символической ценности находится в прямой зависимости от рыночной стоимости товара, или, как утверждали некоторые эксперты, «за хорошее искусство голосуют рублем».

Представители арт-сообщества воспринимают коммерческий успех как не исключительно положительную характеристику, но осмысляют его через дихотомию «свободы» и «зависимости»:

«Многие говорят, что хорошо, что художник не зарабатывает искусством, потому что ты более свободен, то есть ты более независим как раз от коллекционеров, от ожиданий зрителей и вот от этого всего. То есть твое искусство более свободно, ты делаешь, что ты хочешь, и ты зарабатываешь другим. Вот я как раз считаю, что надо делать то, что ты хочешь, считаешь нужным и правильным, на хорошем уровне, и еще получать за это деньги и иметь возможность жить» (Г., муж., художник).

С одной стороны, свобода в творческом процессе иногда сопряжена с коммерческим успехом, стабильный же доход дает возможность сфокусироваться на поиске уникальных творческих решений, а не на экономической выгоде. Более того, совершая потребительский выбор, покупатель обеспечивает продуктивность художника как производителя, потому что каждая покупка — это инвестиция в профессиональное развитие, социально-экономическое, психологическое благосостояние художника, что в конечном итоге снабжает художника ресурсами для сопротивления давлению рынка.

В то же время погоня за высокими чеками может превратить художника в «заложника успеха» и сфокусировать креативную практику на трендах и запросах рынка:

«...А потом становится заложником успеха. Начинаются какие-то копиясты, клонирование предыдущих успехов — это существенная проблема. Он может перестать расти, он может найти метод, который очень успешен на рынке, и от него галеристы либо сам он от себя будет требовать постоянного клонирования, бояться экспериментов. И, соответственно, начинает загнивать, деградировать... <...> Поллок нашел свой метод дриппинга¹. Почему нет, почему не заниматься им десятилетиями? Он очень великолепен, и даже все эти повторения являются уникальными. Есть авторы, чьи работы точно не отличить друг от друга. Ему тяжело слезть с этого» (А., муж., коллекционер).

¹ Дриппинг — форма абстрактной капельной живописи.

С точки зрения коллекционера, уникальность предметов искусства производит символическую ценность, которая оказывается под угрозой в условиях рыночной стандартизации, инициированной самим художником или рыночными посредниками. При этом воспроизводство успешной «рыночной формулы» будет приемлемо, если сохранится уникальность предмета искусства по отношению к другим произведениям. По мнению И. Копытоффа, сакрализация блага достигается через акцент на единичных и уникальных свойствах этого блага, которые связывают его с морально «высшими сферами», размещенными за пределами рыночного обмена [Копытофф, 2006]. На примере с Джексоном Поллоком неэкономическая ценность предмета искусства утверждается через уникальность опыта, пережитого художником: дриппинг не является хаотичным разбрызгиванием краски, а, напротив, транслирует довербальные переживания через особое трансное состояние, которое художник «овеществляет» в процессе творческой практики. Таким образом, одновременное размещение арт-объекта в профанной сфере товаров и в сакральном мире «высокого искусства» создает противоречия в оценивании предметов искусства через ценностный регистр коммерческого успеха.

В контексте противостояния арт-рынка тотальной товаризации предметов искусства коммерческий дискурс считается наименее приемлемым для оценивания качества художественных произведений и профессионализма художника. Как правило, эксперты высоко оценивают качество предметов искусства, чья ценность одновременно размещается в экономическом и неэкономическом регистре:

«В любом случае успешная работа — это та работа, которую хотят купить, которую готовы купить, и это та работа, которая не является вторичной, которая дает что-то новое для современного искусства» (И., жен., кураторка).

В данной цитате «успешная работа», то есть предмет искусства, обладающий высокой ценностью, определяется через интеграцию коммерческого успеха с эстетической ценностью («новизна»), которая является лишь одним из вариантов неэкономического ценностного регистра¹. Следует отметить, что наложение логик оценивания характерно и нормативно желательно в экспертной среде, поэтому артикуляция ценности исключительно в регистре коммерческого успеха и опора лишь на его позитивные эффекты сообщает об отклонениях в социализации автора эстетического высказывания на рынке современного искусства.

Свидетельство времени

В ценностном регистре «свидетельство времени» доминирующей категорией является контекст создания произведения (биография автора, год, страна и пр.), а проведение связи между предметом искусства и социальной

¹ Далее мы подробнее обсудим неэкономические ценностные регистры, к которым относятся свидетельство времени, интеллектуальное развитие и эмоциональное переживание.

реальностью — продукт интерпретации. Через творчество художники могут говорить о личном опыте, социально-политических событиях и тенденциях в поле культурного производства (например, «Черный квадрат» Казимира Малевича или «Фонтан» Марселя Дюшана):

«... (Художник — это) человек, который правда должен документировать вот сейчас свой мир. Как бы очевидно это все — все художники хотят попасть в историю искусства. <...>. А попадают как? Когда ты какой-то особый представитель своего времени. Особый представитель — это тот, кто смог прочувствовать какое-то общее состояние, как-то на это указать до того, как все это уже поняли, когда время прошло» (А., жен., художница).

В краткосрочной перспективе предмет искусства может стать легитимным свидетельством времени, если найдет отклик у непрофессиональной публики в медиапространстве. В долгосрочной перспективе легитимацию ценности искусства как свидетельства времени обеспечивает институциональное признание, когда предмет искусства приобретает в музейную или частную коллекцию и сохраняется «для будущих поколений» как ценный артефакт конкретной исторической эпохи:

«Коллекция — это как срез времени <...>. Нужно думать о том, насколько это хорошо отражает то, что ты видишь сегодня» (А., муж., коллекционер).

Однако принадлежность к музейной коллекции не является универсальным индикатором ценности, в силу разнородности креативной индустрии и сосуществования множества дискурсов оценивания. Кроме того, случаются и «ошибки институционального признания», когда предметы искусства размещаются в культурных институциях благодаря доступу к административному ресурсу или наличию социальных связей, а не признанию экспертного сообщества.

Интеллектуальное развитие

Когда предмет искусства является источником смыслов, зритель рефлексировать свой эстетический опыт как форму «интеллектуального развития». В данном ценностном регистре оценка осуществляется в категориях «сложности» концепции, «новизны» творческого решения и прироста новых знаний. Если художнику удастся коммуницировать «общечеловеческими экзистенциальными смыслами», то предмет искусства становится схож с научным знанием своей универсальностью, потому что в его «теле» репрезентируются общечеловеческие открытия. Некоторые художники даже прямо сообщают, что в своей работе они «исследуют» идеи, предложенные академическими учеными из разных областей (от гуманитарных до естественных наук). Традиционно с данным ценностным регистром связывают концептуальное искусство, где содержание подчиняет себе форму, а автор производит полноценное

интеллектуальное высказывание на определенную тему. При этом способность «услышать» такое высказывание требует высокого уровня культурного капитала, а неподготовленных зрителей могут ожидать интерпретативные ошибки:

«Важно знать контекст, почему это произведение было сделано, какое это время, каким материалом, что стоит за идеей <...>. Мне не нравится снимать градус для среднестатистического зрителя <...>. Хочется, чтобы это была такая ячейка для интеллектуального развития людей, что для понимания одного какого-то произведения нужно иметь определенный багаж насмотренности и знания, чтобы понимать, о чем вообще идет речь» (О., жен., художница).

Ценностный регистр «интеллектуального развития» переплетается со «свидетельством времени», если благодаря искусству происходит прирост специфических знаний о запросах времени:

«Искусство — это то, что сейчас отражает процессы, происходящие в мире, и разговаривает на те темы, которые важны для человека: тема Бога, любви и свободы. Через искусство мы учимся в них разбираться. <...>. Искусство делает мир лучше, краше, образовывает тебя, помогает тебе видеть полутона, учит тебя управлять своими эмоциями» (Л., жен., коллекционерка).

В данном регистре ценности предметов искусства фреймируются преимущественно рыночными специалистами и кураторами, которые артикулируют содержание конкретных работ и выставок через набор смыслов:

«Часто куратор выступает в некотором роде таким ретранслятором идей художника» (И., жен., кураторка).

Эмоциональное переживание

Ценностный регистр эмоционального переживания содержит сразу несколько логик обоснования ценности предметов искусства: (1) эмоция как интуитивный отклик, (2) эмоция, основанная на эмпатии, (3) эпистемическая эмоция. Эмоция как интуитивный отклик переживается изолированно от рефлексии полученного опыта и идентифицируется зрителем либо как телесное переживание, либо как воспоминание или триггер личных переживаний. Эмоция, основанная на эмпатии, является продуктом «подключения» зрителя к чувствам художника, транслируемым через «тело» культурного объекта. Эпистемическая эмоция «возникает в результате когнитивной оценки соответствия или несоответствия новой информации существующим знаниям или убеждениям» [Vogl, Pekrun, Loderer, 2021:42], то есть это эмоция, связанная с познавательными процессами (например, любознательность, растерянность, удивление).

Противостояние разных логик обоснования эмоциональной ценности предметов искусства обнаруживается в дискуссионном вопросе о легитимности использования вторичных нарративных ресурсов для интерпретации:

«Есть один художник — у него было очень много акварелей. И он мне объяснил, что он специально поехал в страну X для того, чтобы сделать под дождем эти акварели. И 15 минут мне рассказывал вот это все. Ну, он собирался 15 минут. Через 3 минуты я ему сказал: „Все, я понял. Я здесь не вижу, и вообще я ничего не вижу. Может быть, кому-то это важно, но мне это не важно. От этого я не стал богаче эмоционально“. А это самое главное — стать богаче эмоционально» (Д., муж., коллекционер).

В данном примере реакция коллекционера на сторителлинг художника — пример отклонения значимости вторичных нарративных ресурсов в процессе конструирования ценности предмета искусства. В ценностном регистре интуитивного отклика, приверженцем которой является коллекционер, акцентирующий важность собственного переживания, необходимость поиска ресурсов интерпретации за пределами телесного отклика и личных ассоциаций ставит под сомнение ценность арт-объекта как эмоционального товара. Иными словами, отправной точкой интерпретации и оценивания выступает непосредственный опыт зрителя.

Ценность как эпистемическая эмоция, напротив, рождается через обращение к вторичным нарративным ресурсам реализации творческого видения, историческому и биографическому контексту, дополнительным образовательным источникам:

«Концептуальное искусство сложно понять, конечно, даже человеку, у которого есть образование. Ты не всегда можешь понимать, о чем это. Всегда есть куратор, книги, если это выставка, то есть аннотации к работам. Мне нравится слушать кого-то. Видеоарт я не понимала, но хотела понять, и прислушалась, что мне говорят» (Л., жен., коллекционерка).

«Понимание» предмета искусства зрителем указывает на присвоение символической ценности или реконструкцию параметров оценивания, которые были применены к предмету рыночными посредниками и сообществом. Отсутствие насыщенного интуитивного отклика «переключает» зрителя от поиска ценности в сфере эмоционального опыта к когнитивной интерпретации предмета искусства.

Тогда «насмотренность» и знания являются интерпретативным ресурсом при производстве эстетического суждения и переживания эпистемической эмоции, которая рождается на пересечении ценностного регистра эмоционального переживания с другими регистрами:

«Это происходит часто и постоянно. Ты видишь картинку, и ты проникаешься тем, почему она важна, только когда считаешь текст. Мне кажется, что важно, чтобы картина существовала не сама по себе, а с текстом. Объяснение, в каком контексте была создана работа, многое объясняет и меняет взгляд на само произведение» (Ю., жен., галеристка).

Другое столкновение эмоциональных ценностей проявляется в контексте эмоциональной подлинности искусства «под заказ»:

«То есть я не пишу работы на заказ. Это только когда какие-то прямо проекты целенаправленные. Я имею в виду частные работы — для кого-то я никогда не делаю. Потому что у меня это идет очень из души, я не могу сказать, что вот я прямо сейчас сяду и сделаю серию вот такую, такую» (В., жен., художница).

Некоторые художники отказываются от частных заказов, потому что видят в них угрозу уникальности, создающей эмоциональную ценность предметов искусства. Исключением для большинства художников является предложение о совместном проекте от культурной институции или крупного коммерческого проекта, который подчеркивает свою связь с культурой. Например, подготовка работы для биеннале или престижного бренда одежды будет считаться приемлемой работой «под заказ», не профанирующей предмет искусства или труд художника.

Но есть и те, для кого эта практика допустима, если предоставлена достаточная автономность в творческом процессе:

«Для меня не проблема вообще, если ко мне люди обращаются, типа, вот: „Мы хотели бы от вас работу, но с лицом моего ребенка“. Я говорю: „Да, без вопросов, могу это сделать, будет полностью моя идея, полностью все. Если вам идея годится, подойдет, то вот так“. Нет — значит, я не буду» (К., жен., художница).

Обеим художницам важно сохранить уникальность объектов. Предпосылкой к присвоению ценности как «эмоции, основанной на эмпатии», является идея о том, что творческое видение художника презентует специфичную эмоцию, а зритель может ее принять и распознать, чтобы пережить эмоциональную связь с художником через объект. Иными словами, эта эмоция рождается в логике отношений между двумя субъектами (зритель — художник).

Интуитивная эмоция, напротив, замыкает эмоциональный опыт зрителя на себя, и эстетический опыт сведен к отношениям материального арт-объекта и субъекта-зрителя, который обладает полной автономностью при интерпретации предмета искусства:

«А визуальное искусство — это... <...> ...определенный визуальный эффект — или визуально-эмоциональный, который связан с личностью абсолютно человека, который напротив этой картины» (Д., муж., куратор).

Ценностный регистр, который оказывается формой инкорпорированного культурного капитала, управляет эстетическим опытом и экономическим поведением представителей арт-сообщества. Основываясь на представлениях о ценности предметов искусства, художники организуют свою творческую практику, а кураторы и галеристы подбирают произведения для выставок и продажи. Финальное слово остается за коллекционерами, которые формируют культурное поле и утверждают легитимность оценочных критериев через потребительский выбор.

Потребление предметов искусства как коллекционерская практика

Взыскательному потребителю искусства открывается возможность освоить идентичность представителя арт-сообщества и быть «с культурой на ты» через покупку произведений искусства:

«Каждый человек — творец. У кого-то это профессия, у кого-то дополнительная сфера деятельности, а у кого-то не идет. Мне это не дано, но мне хочется быть к этому причастной» (Л., жен., коллекционерка).

Однако сам акт покупки еще не гарантирует статуса «коллекционера»: человек должен «завоевать» свое место в мире искусства, продемонстрировать профессионализм при создании коллекции и получить подтверждение от признанных авторитетов:

«Самые лучшие коллекционеры — это не те, которые покупают все бездумно, а те коллекции, за которыми интересно следить всем. <...> Самое лучшее для галереи и коллекции — это когда ты четко можешь увидеть, что все это здесь не случайно» (Ю., жен., галеристка).

Признания в мире современного искусства добиваются те коллекционеры, которые придерживаются «профессиональной» стратегии коллекционирования. На этапе приобретения предмета искусства их главная отличительная черта — ограничение импульсивных покупок и следование продуманной потребительской стратегии, которая требует регулярной ревизии коллекции и целенаправленного поиска предметов искусства по заранее подготовленным каталогам. Целью профессиональных коллекционеров является создание внутренне согласованной структуры коллекции в соответствии с определенной концепцией, которая объединяет все предметы искусства по тематике,

художественному направлению или стилю, стране происхождения авторов, используемым медиумам и пр.:

«...Моя коллекция становится музейной, и в ней появляются лакуны, которые следует заполнить. Опять же, коллекция начинает диктовать, что тебе дальше делать» (А., муж., коллекционер).

Это вовсе не означает, что профессиональная коллекция создается с «холодным расчетом». Эстетические предпочтения тесно переплетены с моральными убеждениями и психологическими особенностями, поэтому коллекция всегда персонифицирована:

«Это такой организм... <...>. Когда я что-то покупаю, работа должна быть абсолютно важной и меня очень сильно впечатлять. Но еще она должна найти своих друзей в коллекции, с кем она будет общаться. <...> Опять же, они отражают мою психологию» (Д., муж., коллекционер).

Внутри одной коллекции предметы искусства неоднородны по своему статусу: они разделены на ядро и периферию. В ядро включаются авторы, особенно ценные для раскрытия концепции коллекции. Если художник становится одним из основных авторов коллекции, это означает, что в коллекции будет содержаться большое количество его произведений; они, скорее всего, будут предлагать ретроспективный взгляд на творчество художника.

При этом высокая символическая ценность коллекционных объектов носит контагиозный характер: включение предмета искусства в признанную коллекцию автоматически повышает его ценность и стоимость. Престиж передается от коллекционера художнику, от коллекционных объектов — другим произведениям конкретного художника, поэтому коллекционеры и обладают властью диктовать свои условия рыночного обмена и требовать для себя льготных условий. Основываясь на представлениях о потребителях искусства как высокодоходной группе, часть художников видит в просьбе о снижении цены обесценивание предмета искусства и труда. Тогда отказ от скидок является способом утвердить символическую ценность искусства:¹

«Мое личное мнение, что это немного неправильно — торговаться с художником. <...>. Кроссовки Louis Vuitton — 150 тысяч. <...>. И почему-то за кроссовки вы спокойно отдаете эти деньги, а за искусство вы торгуетесь. Ну какого хрена, вы что, обалдели!» (Б., муж., художник).

В то же время, если речь идет о высокостатусном коллекционере, отказом художник демонстрирует либо недостаточный уровень осведомленности об иерархической структуре поля культурного производства и механизмах накопления престижа, либо нежелание выстраивать карьеру в соответствии с этими механизмами:

¹ Мы не обсуждаем случаи, когда отказ снижать цену связан с прагматичными интересами.

«И один раз один художник мне сказал: „Я хочу продать это“. Я говорю: „Ок, я готов платить 200 долларов“. Он говорит: „Да нет, это стоит тысячу“. Я говорю: „У меня только 200. Хочешь быть в моей коллекции — дай за 200“. И он дал и сказал: „Вы просто сволочь, такой ужасный“. Я говорю: „Слушай, ты мне продал за 200, через три месяца ты попадешь в одну газету или на первой странице, или просто, и про тебя будут говорить“. И он ушел. И через три месяца я делал выставку, и я показывал его работу прямо в центре выставки, которую я организовал. <...> Я сделал скриншот, я ему прислал, говорю: „Видишь?“ Он говорит: „Я извиняюсь, вы действительно крутой!» (Д., муж., коллекционер).

Коллекционирование искусства с позиции «профессионального» подхода отличается и осознанием своей ответственности. С одной стороны, речь идет об ответственности за сохранение целостности предметов искусства. Минимальное количество предметов искусства, которые могут составить коллекцию, начинается от 50–100 объектов (по разным оценкам), поэтому коллекционерам необходимо организовывать склады для хранения и вести учет предметов искусства с указанием автора, названия, года создания и пр. С другой стороны, коллекционеры чувствуют ответственность перед сообществом за свой выбор, потому что акт покупки дает художнику узнаваемость в экспертной среде и стимулирует рыночный спрос.

«Профессиональной» стратегии коллекционирования противостоит «азартная» стратегия. Она связана в первую очередь с хаотичностью покупок по принципу «влюбленности с первого взгляда», когда коллекционер совершает покупку, основываясь на своем эмоциональном переживании «здесь и сейчас» эстетического опыта и удовольствии от самого акта покупки. Вследствие этого «азартные» коллекции отличаются несогласованностью предметов искусства по тематике или периоду и, как следствие, отсутствием признания со стороны арт-сообщества.

Заключение

Мы продемонстрировали в своем исследовании, как современное искусство оценивается на российском арт-рынке в процессе производства, дистрибуции и потребления. Арт-объекты вплетены в сложные сети взаимодействий между участниками экономического обмена, которые используют нарративы о ценности предметов искусства для выстраивания (потенциальной) биографии предмета. Мы реконструировали матрицу понятий, используемую при описании и оценке материальности предметов искусства. Логика обоснования ценности искусства размещены, как оказалось, в четырех ценностных регистрах оценочных суждений: коммерческого успеха, свидетельства времени, интеллектуального развития и эмоционального переживания. Каждый регистр предлагает свой ответ на вопрос: «Что такое искусство?». Наше исследование подтверждает, что потребительская ценность предметов искусства многомерна:

эксперты могут использовать сразу несколько логик обоснования, а сами ценностные регистры могут вступать в конфликтные отношения. Мы также описали способы легитимации статуса коллекционера в среде арт-сообщества через практики потребления и распоряжения предметами искусства.

Тем не менее наше исследование имеет ряд осознаваемых нами ограничений. Во-первых, оно описывает столичные рынки современного искусства (Москва, Санкт-Петербург). Во-вторых, не рассматриваются публика галерей и непрофессиональные потребители современного искусства, потому что предложенная теоретическая рамка ориентирована на экономических акторов, которые прошли соответствующую социализацию и руководствуются экспертными критериями и практиками покупки искусства. К тому же нами не проводятся различия между оценочными практиками и обосновывающими нарративами среди экспертов с разными статусами внутри поля культурного производства (например, начинающие и опытные эксперты). В-третьих, за пределами нашего обсуждения остались оценочные и коллекционерские практики на вторичном рынке искусства, в культурных институциях и музеях. Дискуссионным представляется и вопрос о возможности применения предложенной методологии к анализу нематериальных форм современного искусства (например, перформанс-арт). Дальнейшие исследования в области креативных индустрий могут сфокусироваться на изучении иных рыночных контекстов с помощью предложенной модели оценивания креативных продуктов, а также на сравнении логик оценивания непрофессиональной «публики» и экспертов.

Благодарность

Автор искренне благодарит каждого, кто посвятил свое время этому исследованию. Любимые Светлана и Роман, дорогие друзья Ваня и Никита, Мерт Ахмет, Бердышева Елена, — ваша поддержка и любознательность подарили жизнь этому тексту. И, конечно, автор выражает благодарность анонимным рецензентам и редактору журнала за ценные комментарии и внимательную редактуру.

Литература

Бердышева Е. Социологи о ценности и цене рыночных товаров // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 3. С. 134–145. EDN: [OZFBLD](#)

Вельтус О. Символические значения цены: конструирование ценности современного искусства в галереях Амстердама и Нью-Йорка // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 33–59. EDN: [OYNZDZ](#)

Зелизер В. Человеческие ценности и рынок: страхование жизни и смерть в Америке XIX века // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 2. С. 54–72.

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2016.

Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайнм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 134–166. EDN: [PPNXXN](#)

Страус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайнм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 118–133. EDN: [TMXXIJ](#)

Фархатдинов Н.Г. Искусство как товар: старые и новые исследовательские перспективы // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 3. С. 127–144. EDN: [OYTSMH](#)

Beckert J. The Social Order of Markets // Theory and Society. 2009. Vol. 38. № 3. P. 245–269. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2464441>

Callon M., Muniesa F. Peripheral Vision: Economic Markets as Calculative Collective Devices // Organization Studies. 2005. Vol. 26. № 8. P. 1229–1250. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840605056393>

Caves R.E. Contracts Between Art and Commerce // The Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. № 2. P. 73–84. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/089533003765888430>

Hanquinet L. "But is it good?" Why Aesthetic Values Matter in Sociological Accounts of Tastes // Journal of Cultural Analysis and Social Change. 2018. Vol. 3. № 2. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.20897/jcasc/3990>

Karpik L. Valuing the Unique: The Economics of Singularities. Princeton: University Press, 2010.

Kompatsiaris P. Curators, Words and Values: the Branding Economies of Curatorial Statements in Art Biennials // Journal of Cultural Economy. 2020. Vol. 13. № 6. P. 758–771. DOI: <https://doi.org/10.1080/17530350.2020.1716825>

Stewart S. Aesthetics and Time: Sustained and Distracted Modes of Engagement // Cultural Sociology. 2015. Vol. 9. № 2. P. 147–161. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975514557549>

Stewart S. Evaluative Judgements: Ethics, Aesthetics and "Bad Taste" // The Sociological Review. 2017. Vol. 65. № 1. P. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12360>

Vogl E.R., Pekrun R., Loderer K. "Epistemic Emotions and Metacognitive Feelings" // Trends and Prospects in Metacognition Research across the Life Span / Ed. by D. Moraitou, P. Metallidou. Cham: Springer, 2021. P. 41–58. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-51673-4_3

Wohl H. Community Sense: The Cohesive Power of Aesthetic Judgment // Sociological Theory. 2015. Vol. 33. № 4. P. 299–326. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275115617800>

Wohl H. Innovation and Creativity in Creative Industries // Sociology Compass. 2021. Vol. 16. № 2. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12956>

Wohl H. Creative Visions: Presenting Aesthetic Trajectories in Artistic Careers // Poetics. 2019. Vol. 76. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2019.03.003>

Wohl H. Performing Aesthetic Confidence: How Contemporary Art Collectors Maintain Status // Socio-Economic Review. 2020. Vol. 18. № 1. P. 215–233. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwz041>

Yogev T. The Social Construction of Quality: Status Dynamics in the Market for Contemporary Art // Socio-Economic Review. 2010. Vol. 8. № 3. P. 511–536. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwp030>

Сведения об авторе:

Лопаткова Алиса Романовна — магистрант, магистерская программа «Комплексный социальный анализ», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** arlopatkova@edu.hse.ru.

Статья поступила в редакцию: 22.01.2024

Принята к публикации: 25.02.2024

БАК: 5.4.6

Evaluation of Contemporary Art in the Process of Production, Distribution and Consumption

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.2

Alisa R. Lopatkova

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: arlopatkova@edu.hse.ru

How does the art community evaluate contemporary art? This question is discussed based on 16 interviews with artists, gallery owners, curators, and collectors. The contemporary art market is conceptualized as a “creative industry that unites actors involved in the production, distribution, and consumption of art objects. The research methodology is based on the anthropological approach of Igor Kopytoff and the discursive psychology of Rom Harré, according to which the history of the movement of cultural objects through social space and the discourses accompanying them are sources of symbolic values. Market practices of art distribution are described: criteria for selecting artists by galleries, legal aspects of distribution and consumption of art objects, informal purchasing practices, moral and pragmatic taboos on buying art objects. Four logics of justifying the value of art objects — “commercial success,” “testimony of the times,” “intellectual development,” “emotional experience”—have been reconstructed. It is demonstrated that consumption as a collector’s practice requires following the rules of a “professional approach” to be recognized in the art community.

Keywords: sociology of valuation; art market; cultural capital; creative industries

References

- Beckert J. (2009) The Social Order of Markets. *Theory and Society*. Vol. 38. No. 3. P. 245–269. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2464441>
- Berdysheva Ye. (2012) Sotsiologi o tsennosti i tsene rynochnykh tovarov [Sociologists on Value and Price of Market Goods]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 13. No. 3. P. 134–145. (In Russ.)
- Callon M., Muniesa F. (2005) Peripheral Vision: Economic Markets as Calculative Collective Devices. *Organization Studies*. Vol. 26. No. 8. P. 1229–1250. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840605056393>
- Caves R. E. (2003) Contracts Between Art and Commerce. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. No. 2. P. 73–84.
- Farkhatdinov N. G. (2011) Iskusstvo kak tovar: staryye i novyye issledovatel'skiye perspektivy [Art as a Commodity: Old and New Research Perspectives]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 12. No. 3. P. 127–144. (In Russ.)
- Hanquinet L. (2018) “But is it good?” Why Aesthetic Values Matter in Sociological Accounts of Tastes. *Journal of Cultural Analysis and Social Change*. Vol. 3. No. 2. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.20897/jcasc/3990>
- Harre R. (2006) Materialnyye obyekty v sotsialnykh mirakh [Material Objects in Social Worlds]. In: V. Vakhshayn (ed.) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Izdatelskiy dom “Territoriya budushchego”. P. 118–133. (In Russ.)
- Kompatsiaris P. (2020) Curators, Words and Values: the Branding Economies of Curatorial Statements in Art Biennials. *Journal of Cultural Economy*. Vol. 13. No. 6. P. 758–771. DOI: <https://doi.org/10.1080/17530350.2020.1716825>
- Kaneman D. (2016) *Dumay medlenno... reshay bistro* [Thinking, Fast and Slow]. Moscow: AST. (In Russ.)

Kopytoff I. (2006) Kulturnaya biografiya veshchey: tovarizatsiya kak process [The Cultural Biography of Things: Commodization as Process]. In: V. Vakhshayn (ed.) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Izdatelskiy dom "Territoriya budushchego". P. 134–166. (In Russ.)

Karpik L. (2010) *Valuing the Unique: The Economics of Singularities*. Princeton: Princeton University Press.

Stewart S. (2015) Aesthetics and Time: Sustained and Distracted Modes of Engagement. *Cultural Sociology*. Vol. 9. No. 2. P. 147–161. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975514557549>

Stewart S. (2017) Evaluative Judgements: Ethics, Aesthetics and "Bad Taste". *The Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. P. 37–51.

Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research]. Transl. from Eng. by T.S. Vasilyeva. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Velthuis O. (2008) Simvolicheskiye znacheniya tseny: konstruirovaniye tsennosti sovremennogo iskusstva v galereyakh Amsterdama i Nyu-Yorka [Symbolic Meanings of Prices: Constructing the Value of Contemporary Art in Amsterdam and New York Galleries]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 9. No. 3. P. 33–59. (In Russ.)

Vogl E.R., Pekrun R., Loderer K. (2021) "Epistemic Emotions and Metacognitive Feelings". In: D. Moraitou, P. Metallidou (eds.) *Trends and Prospects in Metacognition Research across the Life Span*. Cham: Springer. P. 41–58. (In Russ.) DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-51673-4_3

Wohl H. (2015) Community Sense: The Cohesive Power of Aesthetic Judgment. *Sociological Theory*. Vol. 33. No. 4. P. 299–326. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275115617800>

Wohl H. (2021) Innovation and Creativity in Creative Industries. *Sociology Compass*. Vol. 16. № 2. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12956>

Wohl H. (2019) Creative Visions: Presenting Aesthetic Trajectories in Artistic Careers. *Poetics*. Vol. 76. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2019.03.003>

Wohl H. (2020) Performing Aesthetic Confidence: How Contemporary Art Collectors Maintain Status. *Socio-Economic Review*. Vol. 18. No. 1. P. 215–233. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwz041>

Yogev T. (2010) The Social Construction of Quality: Status Dynamics in the Market for Contemporary Art. *Socio-Economic Review*. Vol. 8. No. 3. P. 511–536. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwp030>

Zelizer V. (2010) Chelovecheskiye tsennosti i rynek: strakhovaniye zhizni i smert v Amerike XIX veka [Human Values and the Market: The Case of Life Insurance and Death in 19th-Century America]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 11. No. 2. P. 54–72. (In Russ.)

Author Bio:

Alisa R. Lopatkova — MA student, Master's Programme "Complex Social Analysis", HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** arlopatkova@edu.hse.ru.

Received: 22.01.2024

Accepted: 25.02.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.3

EDN: HLYPSP

(Не)зависимость и (не)безопасность медсестринского труда в контексте пандемии: современные эмпирические подходы¹

Ссылка для цитирования:

Байша Н. С. (Не)зависимость и (не)безопасность медсестринского труда в контексте пандемии: современные эмпирические подходы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 1. С. 51–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.3> EDN: HLYPSP

For citation:

Baisha N. S. (2024) (Non-)Dependence and (Non-)Safety of Nursing Work in the Context of Pandemic: Modern Empirical Approaches. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 1. P. 51–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.3>

Байша Наталья Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: nsbaysha@hse.ru

Статья посвящена медсестринскому труду, реализуемому в (не)благоприятных и (не)безопасных условиях, влияющих на эмоциональное и физическое состояние медсестер. Используя некоторые идеи неовеберинского подхода и остановившись на пандемическом кризисе как событии, разоблачившем незащищенность медсестринской практики, автор рассматривает разные вариации усовершенствования, в том числе самими медицинскими сестрами, условий их трудовой деятельности. Основная цель статьи — обобщить имеющиеся представления о медсестринской повседневности в период пандемии COVID-19 на основе зарубежных исследований, опубликованных в одном из авторитетных журналов, посвященных изучению медсестринских сообществ. На материалах отобранных статей представлены и описаны условия

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность профессору, д.соц.н., PhD Елене Ярославской-Смирновой за оказание помощи в организации и проведении обзора литературы и в работе над статьей.

труда медицинских сестер, выявлены способы преодоления обусловленных пандемией трудностей, встречающихся в ежедневной медсестринской практике, среди которых самоорганизация и свобода принятия своевременных решений медсестринским персоналом. Показано, что признание менеджерами и врачами роли медицинских сестер в преодолении пандемического кризиса, предоставление им возможности быть услышанными, влиять на изменение условий труда и принимать участие в управлении рисками могут положительно сказаться на их эмоциональном и физическом состоянии, а также сократить количество реальных угроз, дезорганизующих медсестринский труд и качество ухода за пациентами. Статья вносит вклад в изучение медсестринского труда во время пандемии и дает представление о некоторых направлениях зарубежных исследований, развитие которых представляется важным и в рамках российской исследовательской практики.

Ключевые слова: медицинские сестры; неовеберинский подход; статус; власть; престиж; пандемия COVID-19

Профессиональная деятельность медицинских сестер, внимание к которой усилилось в пандемию в медиапространстве, представляет особый интерес в силу своей изменчивости под влиянием пандемического кризиса. Медицинские сестры были задействованы как в ковидных, так и в обычных стационарах, не перепрофилированных в ковидные госпитали. В настоящем исследовании не стоит задача разграничить и найти особенности организации медсестринского труда, осуществляемого в «красной» зоне и за ее пределами. Автор статьи предпринимает попытку обобщить представления медицинских сестер и других субъектов больничного пространства, призванных оказывать им институциональную и организационную поддержку, о (не)безопасных условиях медсестринского труда, о возможностях их улучшения. С использованием некоторых идей неовеберинского подхода, касающихся выстраивания медсестрами профессиональной практики с помощью имеющихся ресурсов и в целях укрепления своих позиций в системе здравоохранения и субъективного благополучия, будут объяснены возможности и ограничения для развития независимой медсестринской практики, самоорганизации в целях реагирования на вызовы времени.

В качестве метода исследования выбран обзор литературы, который был проведен в целях обобщения и уточнения границ зарубежных исследований, аккумулирующих опыт медсестринской деятельности, реализованной преимущественно в стационарах в период пандемии COVID-19. Совокупность литературы по этой теме неоднократно подвергалась обзору [Bolt et al., 2021], систематическому и метаанализу [Fernandez et al., 2020; Kiwanuka et al., 2022], однако в настоящем исследовании мы сосредоточимся на обзоре публикаций одного из высокорейтинговых журналов (по данным рейтинга CiteScore, составленным в течение 2018–2021 гг., в базе данных Scopus) в области сестринского дела — «International Journal of Nursing Studies» (год основания

1963) — для уточнения, группировки и анализа существующих в заданной области направлений исследований. На протяжении 60 лет редколлегия журнала, члены которой представляют разные организации из более чем десяти стран, публикует на английском языке работы междисциплинарного профиля, описывающие в основном медсестринскую практику, опыт взаимодействия медсестер и пациентов, медсестер и врачей под влиянием различных изменений в области политики здравоохранения и предоставления медицинских услуг.

Важно принять во внимание, что проведенный обзор литературы не лишен ограничений. Во-первых, сосредоточившись на одном, хотя и высокорейтинговом журнале, мы представляем лишь малую часть активно обсуждаемых в исследовательском поле проблем по заданной теме. Во-вторых, географию исследований составляет не один десяток стран, различающихся между собой уровнем заболеваемости COVID-19, особенностями функционирования системы здравоохранения и нагрузкой на медсестринский персонал. Наконец, в-третьих, репертуар методов, применяемых авторами рассматриваемых статей, дополнительно ограничивает возможности обобщения, осмысления и изложения результатов обзора литературы.

Повсеместное использование зарубежными авторами рекомендаций Института Джоанны Бриггс [Peters et al., 2015] по проведению предварительных обзоров, в том числе научных публикаций, подталкивают нас к заимствованию некоторых этапов поиска и анализа недавно опубликованной в журнале литературы.

Исследовательские вопросы

В соответствии с рекомендациями Института Джоанны Бриггс [Peters et al., 2015] были выдвинуты следующие исследовательские вопросы, касающиеся медсестринской практики, предположительно модифицирующейся под воздействием пандемических обстоятельств:

- В каких условиях медсестры осуществляли заботу и уход за пациентами, имеющими и не имеющими COVID-19?
- Как (не)безопасные условия медсестринского труда сказывались на эмоциональном и физическом благополучии медсестер в период COVID-19?
- Какие рекомендации были выдвинуты авторами исследований в целях поддержания медсестер во время и по завершении пандемии?

Критерии включения и исключения исследований

Для дальнейшего содержательного анализа были отобраны публикации, в которых рассматривались специалисты среднего звена — медсестры, задействованные в стационарах (как перепрофилированных в ковидные госпитали, так и обычных больницах) или осуществлявшие медсестринский уход за пациентами — как заболевшими, так и не заболевшими коронавирусной инфекцией.

Отталкиваясь от выдвинутых критериев отбора¹, мы обращали внимание на названия, аннотацию и ключевые слова, в которых должны были встречаться слова, начинающиеся с “nurs” и “COVID-19 pandemic” / “COVID-19” / “coronavirus”. В случае соответствия критериям статьи выгружались в полнотекстовом формате и подвергались содержательному анализу. Вошедшие в выборку публикации должны были представлять результаты исследований, проведенных именно в период пандемии COVID-19 (с марта 2020 г.), в противном случае работы не были допущены к анализу. К критериям исключения также относились статьи, не имеющие отношения к медсестринской деятельности в условиях пандемического кризиса, и публикации других жанров, такие как заметки редактора и письма редактору, комментарии и ответы авторов, а также исправления.

Поиск публикаций

Поиск статей в “International Journal of Nursing Studies” осуществлялся в мае 2023 г. С июля 2020 г. по июнь 2023 г. вышло 36 номеров, содержащих 516 публикаций, из которых в 244 работах встречались слова с корнем “nurs” в названиях и/или ключевых словах. В найденных публикациях только 22 работы отвечали критериям включения для дальнейшего анализа, из них 17 статей основаны на анализе первичных и вторичных количественных и качественных данных и 5 обзорных статей. Данные были получены исследователями посредством проведения опросов (8 статей), наблюдения (2), фокус-групп (2) и интервью (1), нарративного анализа (1), дискурса (1) и контент-анализа (1), метаанализа (1), в то время как обзорные статьи были сосредоточены в основном на комплексных, систематических обзорах (4). Авторы обзораемых исследований обращались к кросс-секционному дизайну (5), описательному (2), проспективному когортному (1), лонгитюдному (1) и прагматичному (1) дизайну исследований, а также к постструктурному дискурсивному анализу (1), двухэтапному проектированию с использованием смешанного методического подхода (1), двойному рандомизированному контролируемому типу исследования (1). Литературные обзоры были проведены с использованием методологии систематических обзоров Института Джоанны Бриггс (2) и PRISMA (3).

В публикациях авторы представляли результаты исследований, проведенных в Нидерландах (4), Китае (4), США (3), Великобритании (3), Бельгии (2), Швеции (2), Японии (1), Греции (1), Австралии (2), Бразилии (1), Южной Корее (1), Тайване (1), Сингапуре (1) и Литве (1), а также Финляндии, Польше, Эфиопии и Уганде (по 1). Ряд статей был посвящен анализу результатов межстрановых исследований, количество стран-участниц при этом различалось в зависимости от исследовательского замысла: например, в одной из работ авторами были объединены результаты из США, Канады и Великобритании [Mohammed et al., 2021], в некоторых статьях публиковались данные из более чем пяти стран [Hugelius, Harada, Marutani, 2021; Kiwanuka et al., 2022; Bolt et al., 2021].

¹ Исследовательские и обзорные статьи, находящиеся в выпусках “International Journal of Nursing Studies” в открытом и закрытом доступе, вышедшие с июля 2020 г. по июнь 2023 г.

Результаты обзора литературы

В зарубежных исследованиях профессиональная жизнь медицинских сестер (далее — МС), пересекаясь с пандемическим и однозначно травмирующим событием, представлена как насыщенная потрясениями и разочарованиями, подрывающими их психоэмоциональное и физическое благополучие. Пандемия сплетает воедино существовавшее до этого кризиса неравномерное распределение социального признания, материальных поощрений и шансов для самостоятельной регуляции профессиональных практик и новые риски, наносящие ущерб безопасности труда МС и провоцирующие его усложнение, увеличение нагрузки, несправедливое распределение функционала, возложение на МС новых обязанностей. Порядок выполнения последних регламентируется противоречивыми правилами, появившимися в результате неслаженной менеджериальной работы. Допандемическая привычная незаметность медсестринского труда уступила повышенному общественному интересу и вниманию, мнимому признанию и героизации сестринской работы в пандемию, которые, с одной стороны, являются локомотивом продвижения престижа медсестринской профессии в медиапространстве, а с другой — могут скрывать равнодушие к реальным угрозам, дезорганизующим медсестринский труд и качество ухода за пациентами. Тревожность, испытываемая МС, основывается не только на отсутствии должной помощи в вопросах безопасности труда, но и на безразличии общественности, пациентов и их семей к эмоциональному состоянию МС, имитационном участии органов власти, менеджеров клиник, врачей в терапевтической, информационной поддержке МС.

В ходе анализа отобранных из журнала “International Journal of Nursing Studies” работ, посвященных медсестринскому труду в пандемических реалиях, прорисовывается несколько наиболее часто встречаемых направлений исследований, затрагивающих институциональную и организационную поддержку МС, их эмоциональный труд и взаимоотношения с различными субъектами больничного пространства. Обращаясь к параметрам стратификации, предложенным М. Вебером [Вебер, 1994] и активно применяемым в рамках исследований профессий [Saks, 1995; Iarskaia-Smirnova, Kononenko, 2017; Мансуров, Юрченко, 2009; Романов, Ярская-Смирнова, 2014; Антонова, 2016.], далее опишем экономические, властные и символические ресурсы медсестринской профессиональной группы в контексте вышеперечисленных направлений.

Институциональная и менеджериальная (не)поддержка как условие (не)безопасности труда МС

Авторы отобранных статей раскрывают различные деформации системы здравоохранения и менеджмента на уровне отдельных больниц, «встретивших» очередной вызов времени — пандемию COVID-19. Усложняющаяся эпидемиологическая обстановка сыграла важную роль в лишении МС социальной защиты, гарантий безопасности труда, равномерного распределения времени,

энергозатрат и сил для выполнения профессиональных функций. Состояние одиночества МС перед пандемическими вызовами определяет уровень восприятия МС условий труда и возможностей управления ими. Неустойчивое эмоциональное состояние и физическое здоровье МС подрывает доверие к менеджериальному корпусу [Maben et al., 2022; O'Reilly-Jacob et al., 2022; Squires et al., 2022]. Борьба МС не только с вирусом и несовершенствами системы оказания медицинской помощи, но и с безразличием к ним приводит МС к моральным дистрессам и эмоциональному истощению [Bruyneel et al., 2023; Maben et al., 2022; Maaskant et al., 2021]. Единственным спасательным кругом для МС остается трудовой коллектив, конкретнее, достижение взаимопонимания с коллегами, обмен опытом и готовность поддерживать и принимать помощь от носителей схожего травмирующего опыта работы в COVID-19 [Li, Howell, Cimiotti, 2023; Bruyneel et al., 2023; Maben et al., 2022; Hoogendoorn et al., 2021; Bolt et al., 2021; Fernandez et al., 2020].

Продуктивность и работоспособность МС, по мнению некоторых авторов, финансово поощрялись в недостаточной степени [David et al., 2021; Mohammed et al., 2021], например, из-за политико-экономической неустойчивости, приводящей к неравномерному распределению ресурсов в системе здравоохранения [Li, Howell, Cimiotti, 2023; David et al., 2021; Zheng et al., 2021]. Несмотря на известные и рассмотренные авторами случаи противостояния МС несправедливости [Mohammed et al., 2021], избегание ими высокоинтенсивной работы сталкивалось с устойчивыми представлениями о профессиональной этике и моральном, гражданском долге, а также с обеспокоенностью за жизнь своих коллег в условиях и без того повышенной рабочей нагрузки [Hoogendoorn et al., 2021; Bolt et al., 2021; Mohammed et al., 2021] и острой нехватки кадров [Maben et al., 2022; Squires et al., 2022; Maben et al., 2022; David et al., 2021]. Потребность в медсестринском персонале стояла на повестке дня и до пандемии, но именно в условиях резкого увеличения потока пациентов с непредсказуемым развитием симптомов коронавируса политика удержания кадров и внедрения мер для привлечения МС к дальнейшей профессиональной деятельности приобрела большее значение, чем в «мирное», доковидное время [Bruyneel et al., 2023; Squires et al., 2022; Mohammed et al., 2021; Hoogendoorn et al., 2021; Fernandez et al., 2020]. Безучастность многих профильных органов власти к организации штатного расписания МС, распределению трудовой нагрузки [Bruyneel et al., 2023; Fernandez et al., 2020] не вызывает особого удивления, поскольку важнейшая потребность в инвестировании в кадровую политику, повышение качества ухода за пациентами и условий труда МС явно игнорировалась на протяжении многих лет. Ожидаемое в связи с этим форсированное развитие эмоционального стресса [Maaskant et al., 2021; Hoogendoorn et al., 2021] усугублялось разочарованием в подходах к организации труда и компетентности менеджеров МС [Squires et al., 2022]: «...опытная медсестра, переведенная в отделение интенсивной терапии, рассказала, что обратилась за помощью к своему менеджеру, но из-за пренебрежения с его стороны она чувствовала себя неспособной справиться с порученной ей задачей» [Maben et al., 2022: 9].

Престижность медсестринской профессии складывается из накопленного символического и социального капиталов профессии, отношений МС внутри и вне коллектива, возможности участвовать в организационных изменениях, принимать решения для усовершенствования условий труда. Образ медсестринской профессии складывается из дискурсов, в том числе медийного. С начала объявления пандемии транслируемые СМИ взгляды на медсестринский труд активизировали общественное внимание к этой профессиональной группе, одновременно с этим способствовали продвижению политическими деятелями инициатив и вариантов организации системы здравоохранения, приносящие политикам наибольшую выгоду. Авторы одной из работ [Mohammed et al., 2021] представляют анализ дискурсивных практик и формируемых с их помощью идеализированных субъективностей МС, готовых приносить в жертву собственную жизнь, наделенных героическими чертами и абсолютной уступчивостью в вопросах соблюдения мер самопрофилактики коронавируса. Авторы, будучи сами представителями медсестринской профессии, разоблачают и подробно описывают латентное содержание публикаций о героизме, образцовости и жертвенности МС, приводя в пример распространенные метафоры (например, мученичества и превращения МС в ангелов), подвиги МС, за которыми (не)нарочно скрываются проблемы дискриминации, расизма, недостатка средств индивидуальной защиты (СИЗ), недоукомплектованности кадров и в целом экономии ресурсов на МС со стороны управленцев. С другой стороны, за пренебрежительным отношением к МС [Bruyneel et al., 2023; Squires et al., 2022], выраженным в замалчивании рисков, с которыми они вынуждены сталкиваться, сокрытии реальных и непреодолимых трудностей, сопровождающих ежедневную деятельность МС, стоит общественный интерес к результатам их работы, восхищение их мужеством и самоотверженностью. Выступая с критикой транслируемых дискурсов, односторонне раскрывающих практики МС в ковидариях, мы забываем, что в случае замалчивания даже идеализированных, героических подвигов МС общественность не заметила бы роли МС в спасении многих пациентов от терминального состояния.

К вопросам признания медсестринского труда возвращались многие зарубежные исследователи [Squires et al., 2022; Dragioti et al., 2022; Hugelius, Narada, Marutani, 2021; Zheng et al., 2021], критически настроенные по отношению к бездействию и равнодушию работодателей МС, игнорирующих небезопасные условия труда и возможность интегрировать МС в решение проблем на уровне отделений больниц [Squires et al., 2022; O'Reilly-Jacob et al., 2022]. Наряду с несправедливостью, пронизывающей рутинизированную деятельность МС, фиксируется позитивный опыт поддержания их эмоциональной работы благодаря возможностям коммерческих организаций [Dumarkaite et al., 2023], корпораций [Mohammed et al., 2021], а также государственных организаций, оказывающих содействие психологическим службам в распространении дистанционных технологий для оказания медицинской помощи пациентам на расстоянии [O'Reilly-Jacob et al., 2022].

Опыт реагирования МС на пандемический кризис

Независимость МС от внешнего контроля [O'Reilly-Jacob et al., 2022] и принуждения [Maben et al., 2022], а также защита ими собственных интересов имеют особое значение для сохранения и приумножения властных ресурсов этой профессиональной группы. Результаты исследований констатируют ряд ограничений для расширения возможностей МС в самостоятельной регуляции профессиональной деятельности. Примеры таких ограничений связаны с неактивным участием профессиональных объединений, ассоциаций, готовых выступить в поддержку МС и защиту их психоэмоционального благополучия [Maben et al., 2022]. В связи с незначительной ролью подобных организаций повышается риск использования МС в поддержании репутации помогающих им корпораций, стремящихся к получению экономической выгоды: *«...компании использовали дискурс героя в качестве демонстрации своей поддержки МС и в целях продвижения своей продукции в условиях экономического спада»* [Mohammed et al., 2021: 7]. Звучность «голоса» МС, зависящая от активности профессиональных объединений или политического участия отдельных коллективов МС в целях отстаивания профессиональных границ, особенно в случаях расширения полномочий и ролей [Squires et al., 2022], может стать катализатором многих перемен, приводящих к сохранению автономии и свободы действий [Li, Howell, Cimiotti, 2023; Squires et al., 2022; O'Reilly-Jacob et al., 2022; Hoogendoorn et al., 2021; Zheng et al., 2021] или к упрощению правил отчетности и ведения документации [Maaskant et al., 2021], преодолению политических разногласий в организации инфекционного контроля [Fernandez et al., 2020]. Помимо необходимости поощрения коллективной решимости МС исследователи упоминают ответственность институтов и организаций не только за реформирование кадровой политики, которая уже упоминалась выше, но и за обеспечение безопасности труда и организации программ по восстановлению МС после пандемии [Bruyneel et al., 2023; Maben et al., 2022].

Желание МС сохранить свой властный ресурс, возможность отстаивать интересы пациентов [Bolt et al., 2021], регулировать трудовые практики и участвовать в совершенствовании условий их реализации необходимо поощрять [Squires et al., 2022; Bolt et al., 2021; Fernandez et al., 2020]. Сталкиваясь с профессиональными рисками (например, с нехваткой средств защиты), МС искали альтернативные подходы и с помощью подручных средств обеспечивали СИЗ весь трудовой коллектив: *«...медсестры продемонстрировали свою стойкость, сотрудничая с коллегами в разработке альтернативных средств защиты, причем некоторые использовали в качестве СИЗ одноразовые дождевики»* [Fernandez et al., 2020: 6]. Поощрение коллективной решимости и самостоятельности МС в преодолении локальных проблем может сосуществовать с безоговорочным подчинением МС правилам соблюдения норм профилактики коронавируса, которые, безусловно, усложняли труд МС и их взаимодействие с коллегами [Maaskant et al., 2021; Bolt et al., 2021], среди которых встречались негативно настроенные к противоковидным ограничениям и провоцирующие конфликт с МС.

Участие МС в повышении безопасности труда

Передислокация, непривычная организация больничного пространства, новый коллектив, новые роли, увеличившаяся трудовая нагрузка, повышенная тревожность из-за перемен, неизвестных сценариев развития пандемии спровоцировали возникновение психологических барьеров на пути к успешной адаптации МС к переменам [Maben et al., 2022; Squires et al., 2022]. Сложившаяся эмоционально нестабильная ситуация усугублялась из-за нехватки опыта работы МС, знаний и навыков, требующихся для выполнения рабочих задач и грамотного реагирования на различные стрессоры [Bruyneel et al., 2023; Maben et al., 2022; O'Reilly-Jacob et al., 2022; Couper et al., 2022; Haegdorens et al., 2022; David et al., 2021; Maaskant et al., 2021; Zheng et al., 2021; Fernandez et al., 2020]. Испытываемые МС трудности способствовали развитию идеи лидерства в медсестринском сообществе, а также повышению квалификации МС в целях усиления безопасности их труда и навыков управления рисками [Leung et al., 2022; Haegdorens et al., 2022; Kwok et al., 2021; Fernandez et al., 2020; van Goor et al., 2021; Maaskant et al., 2021]. Обучение МС могло бы укрепить их экономические позиции, увеличить шансы преодоления страхов, повышенной тревожности и эмоционального, физического истощения. Однако при всех плюсах повышения квалификации не все медицинские работники выражали готовность совершенствовать профессиональные компетенции [Zheng et al., 2021], что может свидетельствовать о желании некоторых сотрудников занимать подчиненное положение, лишенное реальных возможностей реагирования на несправедливость в отношении профессиональной группы. Дестабилизация системы оказания медицинской помощи поставила в уязвимое положение многих МС, особенно тех, кто не имел представления об использовании в медсестринской практике дистанционных технологий для организации телемедицины и видеовстреч семей с пациентами [O'Reilly-Jacob et al., 2022; Hugelius, Harada, Marutani, 2021; Maaskant et al., 2021]. В условиях неопределенности и одновременно с этим переложением ответственности за последствия пандемии на систему здравоохранения, вынужденную повышать требовательность к медсестринскому персоналу, вполне оправданно для МС не демонстрировать готовность к повышению уровня профессиональной подготовки, а лишь стремиться быть в безопасности и сокращать количество стрессоров, влияющих на их субъективное благополучие. Перекалывание ответственности в том числе на МС за судьбу пациентов с малоизученным на момент начала пандемии диагнозом, активное использование героических риторических приемов и частое игнорирование просьб МС о повышении безопасности больничных пространств обуславливают недоверие МС к институтам, выражающееся в отказе от вакцинации против COVID-19 [Leung et al., 2022; Kwok et al., 2021].

Взаимоотношения внутри и вне медсестринского сообщества, влияющие на эмоциональное и физическое состояние МС

Идея поддержания друг друга [Li, Howell, Cimiotti, 2023; Bruyneel et al., 2023; Maben et al., 2022; Hoogendoorn et al., 2021; Bolt et al., 2021; Fernandez et al., 2020] в медсестринском сообществе разбивалась о конфликты [Squires

et al., 2022] и разочарования в командной работе [Zheng et al., 2021], о чувство обесценивания труда со стороны руководства больниц [Squires et al., 2022]. В этих реалиях МС, вероятно, теряли надежду на приумножение социального капитала своей профессии, символическое признание и поддержку. Однако авторы совмещают тяжелые рабочие будни МС с их особым предназначением, которое они сами ощущают и воспроизводят через сострадание к пациентам [Bolt et al., 2021], переживания морального дистресса [Maben et al., 2022], чувство ответственности за благополучие не только пациентов [van Goor et al., 2021], но и их близких [Kiwanuka et al., 2022; Hugelius, Harada, Marutani, 2021; Maaskant et al., 2021; Bolt et al., 2021]. Исследователями фиксируются редкие случаи признания медсестринского труда со стороны врачей, заметивших особую ценность в практиках ухода и заботы и приобщавшихся к помощи МС: «...лечащие врачи с многолетним опытом работы с энтузиазмом учатся ухаживать за пациентами с COVID-19» [Squires et al., 2022: 8].

Наряду с такими проблемами, как недостаток ресурсов (нехватка СИЗ) и неравные возможности клиник в обеспечении надежной защиты от COVID-19 [Squires et al., 2022; Maben et al., 2022; Couper et al., 2022; Haegdorens et al., 2022; David et al., 2021; Zheng et al., 2021; Mohammed et al., 2021; Fernandez et al., 2020], МС сталкивались с дискриминацией [Mohammed et al., 2021; David et al., 2021] и неравенством шансов в прохождении тестирования на COVID-19 [Haegdorens et al., 2022], которое, очевидно, сказывалось на физическом состоянии МС.

Эмоциональный труд МС, осуществляемый в рамках взаимодействия с пациентами и их близкими, усложнялся ввиду несправедливого распределения обязанностей и задач, которые МС должны были выполнять в более рискованных для жизни условиях, чем, к примеру, врачи: «Все врачи общей практики из нашей специализированной группы отступили, а затем продолжили работать из дома, в то время как практикующих МС попросили по-прежнему ездить на работу и в дома престарелых... без надлежащих средств индивидуальной защиты» [O'Reilly-Jacob et al., 2022: 4]. Жертвоприношение МС, превратившееся со временем в новую норму [Mohammed et al., 2021], имело свои границы: не все МС были готовы мириться с внешним обесцениванием их участия в борьбе с вирусом, игнорированием их просьб, нежеланием руководителей больниц участвовать в обеспечении средств защиты. Из-за неудовлетворенности работой, разочарований и бессилия [Maben et al., 2022] некоторые МС выражали желание уйти из профессии или уволиться (здесь мы проводим различие по причине того, что МС могут уволиться из клиники и перейти в нековидные стационары, тогда как уход из профессии предполагает разрыв с профессиональной деятельностью и самореализацию в другой сфере): «Тот факт, что нам не выдали маски № 95 и мы получили отказ от руководства при запросе на тестирование на COVID-19, заставил меня осознать, что наша нынешняя система не ценит работников здравоохранения. Я впервые за 25 лет работы захотела оставить сестринское дело» [Squires et al., 2022: 8]. Готовность уйти из профессии также может являться протестной практикой, выражением несогласия, неготовности подчиняться новым

нормам, правилам осуществления ухода и заботы. В рассмотренных работах за редким исключением упоминались конфликты внутри медсестринского сообщества, тогда как в основном среди МС были распространены в большей степени взаимоподдержка и взаимовыручка. Именно по этой причине можно предполагать, что отсутствие властных ресурсов, невозможность в полной мере быть услышанными и влиять на изменение условий труда побуждают МС оставить свою профессию даже при условии сплоченности трудового коллектива и сильных связей внутри более широкого сообщества.

Заключение

Ухудшение условий труда, обусловленное пандемией, со временем приводит МС к негодованию, чувству безнадежности и бессилию, и поэтому зарубежные исследователи уделяют повышенное внимание внешней поддержке МС, перераспределению ресурсов, обеспечению большей свободы и независимости МС, поощрению их самоорганизации и проявлению лидерства внутри сообщества.

В соответствии с поставленными выше исследовательскими вопросами отметим следующее:

1. МС осуществляли практики заботы и ухода в условиях:

- нехватки защитного снаряжения (СИЗ) и возможностей прохождения тестирования на COVID-19;
- повышенной рабочей нагрузки, затрудняющей эмоциональную работу МС и приводящей к стрессам, тревожности и истощению;
- отсутствия или недостаточного обучения МС для ускорения их адаптации к неизвестности, новым рабочим пространствам, требованиям и мерам безопасности;
- неравного распределения среди МС и врачей задач с высоким риском заражения коронавирусом (влекущих последствия для физического здоровья МС);
- отсутствия финансовых стимулов в целях поощрения деятельности МС;
- незначительной роли профессиональных объединений МС в защите интересов медсестринского сообщества и в продвижении престижности профессии;
- имитации поддержки МС политическими деятелями и общественностью, идеализированного представления о медсестринском труде и неготовности освещать в медийном пространстве трудности, с которыми ежедневно сталкиваются МС;
- противоречивого признания МС ключевыми субъектами больниц/стационаров (со стороны руководителей и врачей).

2. Небезопасные и неблагоприятные условия медсестринского труда сказываются не только на эмоциональном состоянии МС, но и провоцируют возникновение медсестринских ошибок и снижение качества оказываемой пациентам медпомощи [Squires et al., 2022]. Из-за невозможности обеспечения

полноценного ухода и сострадательной заботы, поддержания семей пациентов в минуты отчаяния МС переживают моральный дистресс [Maben et al., 2022; Bolt et al., 2021]. Несмотря на громкие политические заявления и трансляцию дискурсов, окрашенных героическими оттенками [Mohammed et al., 2021], МС недополучают должной институциональной и менеджериальной поддержки по причине запущенности неразрешенных еще до пандемии проблем в медсестринском деле, которые в период корона-кризиса стали более видимыми, очевидными и к тому же теперь сложнее поддаются игнорированию. На наш взгляд, трансляция определенного набора дискурсов, возможно, противоречащих действительности или оставляющих за скобками реальные трудности в работе МС, положительно сказалась на социальном капитале медсестринской профессии: о МС стали говорить, о них вспомнили и стали поддерживать. Вероятно, без общественного внимания МС могли бы скорее погрузиться в отчаяние и попрощаться с профессией. Став субъектами дискурсов, сами МС могли переосмыслить свое значение в сражении с вирусом, убедиться в своей важности в рамках осуществления ухода и заботы, возможно, переоценить требования к этическим стандартам, которым очевидно было непросто следовать в условиях неопределенности, обделенности и несправедливости.

3. В целях сохранения экономического, символического и социального ресурсов МС исследователями рассмотренных работ предлагались рекомендации, которые, по их мнению, были актуальны как во время, так и по завершении пандемии. К примеру, престиж медсестринской профессии можно повысить благодаря символическому поощрению деятельности МС со стороны управленцев и общественности [Bruyneel et al., 2023]. В этом смысле опыт героической риторики в сообщениях СМИ может быть при необходимости переосмыслен и усовершенствован для поднятия авторитета МС в медийном пространстве.

Проблема удержания медсестринского персонала также ложится на плечи профильных структур, занимающихся кадровой политикой [Bruyneel et al., 2023]. Уменьшить трудовую нагрузку на медсестринский персонал и сократить случаи увольнения позволит более щадящее соотношение количества пациентов и МС [Bruyneel et al., 2023; Hoogendoorn et al., 2021; Fernandez et al., 2020]. А в целях поддержания МС, столкнувшихся с трудностями на рабочем месте и увеличившейся нагрузкой, полезно реализовывать программы наставничества, взаимоподдержки в трудовом коллективе, обмена опытом и знаниями [Montayre et al., 2023].

Для преодоления нерешительности МС в обращении за профессиональной психологической помощью [Maben et al., 2022] необходимо, по мнению исследователей, работать над установлением доверительных отношений внутри больничных пространств между МС и менеджерами благодаря оказанию своевременной поддержки со стороны руководителей: например, психологической помощи, организации обучения МС использованию дистанционных технологий в практике общения с пациентами и их семьями [van Goor et al., 2021], мерам безопасности [Leung et al., 2022; Haegdorens et al., 2022; Fernandez et al., 2020], предоставления МС больших возможностей для вакцинации [Leung et al.,

2022; Kwok et al., 2021; Fernandez et al., 2020]. Поддержание программ развития soft skills [Maaskant et al., 2021] в медсестринском сообществе и применение технологий для эмоциональной поддержки МС [Dumarkaite et al., 2023; Zheng et al., 2021] также могут быть расценены в качестве рекомендации для лиц, принимающих решение на местах — в клиниках.

Ряд исследователей обращает внимание на актуальность пересмотра законодательства о независимой от врачебного наблюдения автономной деятельности МС [Li, Howell, Cimiotti, 2023], а также на переосмысление правил безопасности и восстановления МС после пандемии на государственном, организационном и локальном уровне (в отдельных больницах/стационарах) [Maben et al., 2022].

В опоре на параметры стратификации, предложенные М. Вебером и раскрыв содержание условий медсестринского труда и известные нам способы их усовершенствования различными субъектами медорганизаций, в том числе самими МС, мы приходим к выводу о необходимости реализации предложенных зарубежными исследователями изменений в отношении сбалансированности трудовой нагрузки МС, материального вознаграждения, поощрения их сплоченности и самостоятельности в управлении своей деятельностью, а также в оказании посильной помощи в организации больничного пространства и в то же время недопущения рисков, наносящих ущерб безопасности труда МС, разрушающих их физическое и эмоциональное благополучие.

Литература

Антонова В. К. Особенности профессионализации госслужащих в условиях современных российских реформ // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 76–82. EDN: [VWRNQQZ](#)

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.

Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46. EDN: [PEMVQL](#)

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. П. Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 60–69.

Bolt S. R., Van der Steen J. T., Mujezinović I. et al. Practical Nursing Recommendations for Palliative Care for People with Dementia Living in Long-Term Care Facilities During the COVID-19 Pandemic: A Rapid Scoping Review // International Journal of Nursing Studies. 2021. Vol. 113. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103781>

Bruyneel A., Bouckaert N., Maertens de Noordhout C. et al. Association of Burnout and Intention-to-Leave the Profession with Work Environment: A Nationwide Cross-Sectional Study Among Belgian Intensive Care Nurses after Two Years of Pandemic // International Journal of Nursing Studies. 2023. Vol. 137. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104385>

Couper K., Murrells T., Sanders J. et al. The Impact of COVID-19 on the Wellbeing of the UK Nursing and Midwifery Workforce During the First Pandemic Wave: A Longitudinal Survey Study // International Journal of Nursing Studies. 2022. Vol. 127. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104155>

David H. M.S.L., Rafael R. M.R., Alves M. G. de M.A. et al. Infection and Mortality of Nursing Personnel in Brazil from COVID-19: A Cross-Sectional Study // International Journal of Nursing Studies. 2021. Vol. 124. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104089>

Dragioti E., Tsartsalis D., Mentis M. et al. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Mental Health of Hospital Staff: An Umbrella Review of 44 Meta-Analyses // *International Journal of Nursing Studies*. 2022. Vol. 131. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104272>

Dumarkaite A., Truskauskaitė I., Andersson G. et al. The Efficacy of the Internet-Based Stress Recovery Intervention FOREST for Nurses Amid the COVID-19 Pandemic: A Randomized Controlled Trial // *International Journal of Nursing Studies*. 2023. Vol. 138. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104408>

Fernandez R., Lord H., Halcomb E. et al. Implications for COVID-19: A Systematic Review of Nurses' Experiences of Working in Acute Care Hospital Settings During a Respiratory Pandemic // *International Journal of Nursing Studies*. 2020. Vol. 111. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103637>

Haegdorens F., Franck E., Smith P. et al. Sufficient Personal Protective Equipment Training Can Reduce COVID-19 Related Symptoms in Healthcare Workers: A Prospective Cohort Study // *International Journal of Nursing Studies*. 2022. Vol. 126. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104132>

Hoogendoorn M. E., Brinkman S., Bosman R. J. et al. The Impact of COVID-19 on Nursing Workload and Planning of Nursing Staff on the Intensive Care: A Prospective Descriptive Multicenter Study // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. Vol. 121. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104005>

Hugelius K., Harada N., Marutani M. Consequences of Visiting Restrictions During the COVID-19 Pandemic: An Integrative Review // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. Vol. 121. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104000>

Iarskaia-Smirnova E., Kononenko R. Professionalization // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / Ed. by G. Ritzer. New York: Wiley, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeos0799>

Kiwanuka F., Sak-Dankosky N., Alemayehu Y. H. et al. The Evidence Base of Nurse-led Family Interventions for Improving Family Outcomes in Adult Critical Care Settings: A Mixed Method Systematic Review // *International Journal of Nursing Studies*. 2022. Vol. 125. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104100>

Kwok K. O., Li K.-K., Wei W. I. et al. Influenza Vaccine Uptake, COVID-19 Vaccination Intention and Vaccine Hesitancy Among Nurses: A Survey // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. Vol. 114. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103854>

Leung C. L. K., Li K.-K., Wei W. I. et al. Profiling Vaccine Believers and Skeptics in Nurses: A Latent Profile Analysis // *International Journal of Nursing Studies*. 2022. Vol. 126. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104142>

Li Y., Howell J. R., Cimiotti J. P. Nurse Practitioner Job Preference: A Discrete Choice Experiment // *International Journal of Nursing Studies*. 2023. Vol. 138. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104407>

Maaskant J. M., Jongerden I. P., Bik J. et al. Strict Isolation Requires a Different Approach to the Family of Hospitalised Patients with COVID-19: A Rapid Qualitative Study // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. Vol. 117. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103858>

Maben J., Conolly A., Abrams R., Rowland E. et al. "You Can't Walk Through Water without Getting Wet" UK Nurses' Distress and Psychological Health Needs During the Covid-19 Pandemic: A Longitudinal Interview Study // *International Journal of Nursing Studies*. 2022. Vol. 131. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104242>

Mohammed S., Peter E., Killackey T., Maciver J. The "Nurse as Hero" Discourse in the COVID-19 Pandemic: A Poststructural Discourse Analysis // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. Vol. 117. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.103887>

Montayre J., Knaggs G., Harris C. et al. What Interventions and Programmes are Available to Support Older Nurses in the Workplace? A Literature Review of Available Evidence // *International Journal of Nursing Studies*. 2023. Vol. 139. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2023.104446>

O'Reilly-Jacob M., Perloff J., Sherafat-Kazemzadeh R., Flanagan J. Nurse Practitioners' Perception of Temporary Full Practice Authority During a COVID-19 Surge: A Qualitative Study //

International Journal of Nursing Studies. 2022. Vol. 126. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104141>

Peters M., Godfrey C., Khalil H. et al. Guidance for Conducting Systematic Scoping Reviews // International Journal of Evidence-Based Healthcare. 2015. Vol. 13. № 3. P. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.1097/xeb.0000000000000050>

Saks M. Professions and the Public Interest: Medical Power, Altruism and Alternative Medicine. London: Routledge, 1995.

Squires A., Clark-Cutaia M., Henderson M. D. et al. "Should I Stay or Should I Go?" Nurses' Perspectives about Working During the Covid-19 Pandemic's First Wave in the United States: A Summative Content Analysis Combined with Topic Modeling // International Journal of Nursing Studies. 2022. Vol. 131. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104256>

Van Goor H. M. R., Eddahchouri Y. et al. Can Continuous Remote Vital Sign Monitoring Reduce the Number of Room Visits to Patients Suspected of COVID-19: A Quasi-Experimental Study // International Journal of Nursing Studies. 2021. Vol. 115. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103868>

Zheng R., Zhou Y., Fu Y. et al. Prevalence and Associated Factors of Depression and Anxiety Among Nurses During the Outbreak of COVID-19 in China: A Cross-Sectional Study // International Journal of Nursing Studies. 2021. Vol. 114. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103809>

Сведения об авторе:

Байша Наталья Сергеевна — аспирантка, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** nsbaysha@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [1121536](https://www.rinccentral.com/author/1121536); **ORCID ID:** [0000-0003-2876-2421](https://orcid.org/0000-0003-2876-2421); **ResearcherID:** [GZK-9804-2022](https://www.researcherid.com/rid/GZK-9804-2022).

Статья поступила в редакцию: 30.05.2023

Принята к публикации: 25.08.2023

BAK: 5.4.4

(Non-)Dependence and (Non-)Safety of Nursing Work in the Context of Pandemic: Modern Empirical Approaches

DOI: [10.19181/inter.2024.16.1.3](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.3)

Natalia S. Baisha

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: nsbaysha@hse.ru

The article is devoted to nursing work, which is realized in (not)favorable and (not)safe conditions, (not)aggravating the emotional and physical condition of its representatives. Using some ideas of the neo-Weberian approach and focusing on the pandemic crisis as an event that exposed the insecurity of nursing practice, various variations of improvement, including by nurses themselves, of their working conditions will be considered. The main objective of the article is

to summarize the existing ideas about nursing everyday life during the COVID-19 pandemic on the basis of foreign studies published in one of the authoritative journals devoted to the study of nursing communities. Based on the materials of foreign studies, the working conditions of nurses are presented and described, ways of overcoming pandemic-related difficulties encountered in daily nursing practice are identified, including self-organization and freedom of timely decision-making by nursing staff. It is shown that the recognition by the management and medical corps of the role of nurses in overcoming the pandemic crisis, giving them the opportunity to be heard, influence changes in working conditions and take part in risk management, can positively affect their emotional and physical conditions, as well as reduce the number of real threats that disorganize nursing work and the quality of patient care. The article contributes to the study of nursing work during the pandemic and gives an idea of some areas of foreign research, the development of which is also important within the framework of Russian research practice.

Keywords: nurses; the neo-Weberian approach; status; power; prestige; COVID-19 pandemic

References

Antonova V.K. (2016) Osobennosti professionalizacii gossluzhashchih v usloviyah sovremennyh rossijskih reform [Civil Servants' Professionalization Specifics in the Context of Current Reforms in Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 2. P. 76–82. (In Russ.)

Bolt S.R., Van der Steen J.T., Mujezinović I. et al. (2021) Practical Nursing Recommendations for Palliative Care for People with Dementia Living in Long-Term Care Facilities During the COVID-19 Pandemic: A Rapid Scoping Review. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 113. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103781>

Bruyneel A., Bouckaert N., Maertens de Noordhout C. et al. (2023) Association of Burnout and Intention-to-Leave the Profession with Work Environment: A Nationwide Cross-Sectional Study Among Belgian Intensive Care Nurses after Two Years of Pandemic. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 137. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104385>

Couper K., Murrells T., Sanders J. et al. (2022) The Impact of COVID-19 on the Wellbeing of the UK Nursing and Midwifery Workforce During the First Pandemic Wave: A Longitudinal Survey Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 127. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104155>

David H.M.S.L., Rafael R.M.R., Alves M.G. de M. et al. (2021) Infection and Mortality of Nursing Personnel in Brazil from COVID-19: A Cross-Sectional Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 124. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104089>

Dragioti E., Tsartalis D., Mentis M. et al. (2022) Impact of the COVID-19 Pandemic on the Mental Health of Hospital Staff: An Umbrella Review of 44 Meta-Analyses. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 131. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104272>

Dumarkaite A., Truskauskaitė I., Andersson G. et al. (2023) The Efficacy of the Internet-Based Stress Recovery Intervention FOREST for Nurses Amid the COVID-19 Pandemic: A Randomized Controlled Trial. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 138. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104408>

Fernandez R., Lord H., Halcomb E. et al. (2020) Implications for COVID-19: A Systematic Review of Nurses' Experiences of Working in Acute Care Hospital Settings During a Respiratory Pandemic. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 111. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103637>

Haegdorens F., Franck E., Smith P. et al. (2022) Sufficient Personal Protective Equipment Training Can Reduce COVID-19 Related Symptoms in Healthcare Workers: A Prospective Cohort Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 126. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104132>

Hoogendoorn M. E., Brinkman S., Bosman R. J. et al. (2021) The Impact of COVID-19 on Nursing Workload and Planning of Nursing Staff on the Intensive Care: A Prospective Descriptive Multicenter Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 121. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104005>

Hugelius K., Harada N., Marutani M. (2021) Consequences of Visiting Restrictions During the COVID-19 Pandemic: An Integrative Review. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 121. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104000>

Iarskaia-Smirnova E., Kononenko R. (2017) Professionalization. In: G. Ritzer (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. New York: Wiley. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeos0799>

Kiwanuka F., Sak-Dankosky N., Alemayehu Y. H. et al. (2022) The Evidence Base of Nurse-led Family Interventions for Improving Family Outcomes in Adult Critical Care Settings: A Mixed Method Systematic Review. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 125. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104100>

Kwok K. O., Li K.-K., WEI W. I. et al. (2021) Influenza Vaccine Uptake, COVID-19 Vaccination Intention and Vaccine Hesitancy Among Nurses: A Survey. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 114. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103854>

Leung C. L. K., Li K.-K., Wei V. W. I. et al. (2022) Profiling Vaccine Believers and Skeptics in Nurses: A Latent Profile Analysis. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 126. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104142>

Li Y., Howell J. R., Cimioti J. P. (2023) Nurse Practitioner Job Preference: A Discrete Choice Experiment. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 138. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104407>

Maaskant J. M., Jongerden I. P., Bik J. et al. (2021) Strict Isolation Requires a Different Approach to the Family of Hospitalised Patients with COVID-19: A Rapid Qualitative Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 117. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103858>

Maben J., Conolly A., Abrams R., Rowland E. et al. (2022) “You Can’t Walk Through Water without Getting Wet” UK Nurses’ Distress and Psychological Health Needs During the Covid-19 Pandemic: A Longitudinal Interview Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 131. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104242>

Mohammed S., Peter E., Killackey T., Maciver J. (2021) The “Nurse as Hero” Discourse in the COVID-19 Pandemic: A Poststructural Discourse Analysis. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 117. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.103887>

Mansurov V. A., Yurchenko O. V. (2009) Sociologiya professij. Istoriya, metodologiya i praktika issledovanij [Sociology of Professions. History, Methodology and Practice of Research]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 8. P. 36–46. (In Russ.)

Montayre J., Knaggs G., Harris C. et al. (2023) What Interventions and Programmes are Available to Support Older Nurses in the Workplace? A Literature Review of Available Evidence. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 139. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2023.104446>

O’Reilly-Jacob M., Perloff J., Sherafat-Kazemzadeh R., Flanagan J. (2022) Nurse Practitioners’ Perception of Temporary Full Practice Authority During a COVID-19 Surge: A Qualitative Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 126. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2021.104141>

Peters M., Godfrey C., Khalil H. et al. (2015) Guidance for Conducting Systematic Scoping Reviews. *International Journal of Evidence-Based Healthcare*. Vol. 13. № 3. P. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.1097/xeb.0000000000000050>

Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. (2014) Socialnaya rabota v sovremennoj Rossii: analiz statusa professionalnoj gruppy [Researching Professionalization of Social Work in Contemporary Russia: a Potential of Neo-Weberian Approach]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 10. P. 60–69. (In Russ.)

Saks M. (1995) *Professions and the Public Interest: Medical Power, Altruism and Alternative Medicine*. London: Routledge.

Squires A., Clark-Cutaia M., Henderson M. D. et al. (2022) "Should I Stay or Should I Go?" Nurses' Perspectives about Working During the Covid-19 Pandemic's First Wave in the United States: A Summative Content Analysis Combined with Topic Modeling. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 131. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104256>

Van Goor H.M.R., Eddahchouri Y. et al. (2021) Can Continuous Remote Vital Sign Monitoring Reduce the Number of Room Visits to Patients Suspected of COVID-19: A Quasi-Experimental Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 115. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103868>

Weber M. (1994) Osnovnye ponyatiya stratifikatsii [Basic Concepts of Stratification]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. P. 147–156. (In Russ.)

Zheng R., Zhou Y., Fu Y. et al. (2021) Prevalence and Associated Factors of Depression and Anxiety Among Nurses During the Outbreak of COVID-19 in China: A Cross-Sectional Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 114. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2020.103809>

Author Bio:

Natalia S. Baisha — Graduate Student, Trainee-Researcher, International Laboratory for Social Integration Research, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** nsbaysha@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1121536; **ORCID ID:** 0000-0003-2876-2421; **ResearcherID:** GZK-9804-2022.

Received: 30.05.2023

Accepted: 25.08.2023

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.4

EDN: XTPWZI

Технологии конструирования перформативной национальной идентичности (на материалах русскоязычной социальной сети)

Ссылка для цитирования:

Ильин В. И., Снегур М. Р. Технологии конструирования перформативной национальной идентичности (на материалах русскоязычной социальной сети) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 1. С. 69–87. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.4> EDN: XTPWZI

For citation:

Ilyin V. I., Snegur M. R. (2024) Technologies of Performative National Identity Construction (The Case Study of the Russian-Language Social Network). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 1. P. 69–87. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.4>

Ильин Владимир Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Снегур Маргарита Романовна

Санкт-Петербургский государственный
технологический институт, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: m@margosnegur.ru

Конструирование национальной идентичности в цифровом обществе все больше перемещается в социальные сети, ставшие сценами для самовыражения, где она приобретает характер виртуального перформанса. Быть X означает исполнять роль X настолько убедительно, чтобы в это поверили зрители. При этом роль может в разной степени репрезентировать личность — от отражения, стремящегося к зеркальности, до симулякра, то есть символа, за которым не стоит реальное означаемое. Цифровая роль, оторванная от самосознания, может быть мотивирована как коммерческой

стратегией борьбы за расширение аудитории и/или выполнения заказа, так и служебными функциями чиновника, менеджера или активиста, которым поручено создавать в сетях необходимые заказчику настройки.

Статья представляет результаты эмпирического исследования технологий репрезентации национальной идентичности молодыми русскоговорящими блогерами. Основной исследовательский вопрос: в чем специфика технологии конструирования национальной идентичности в этой сети? Сбор эмпирических данных проведен с помощью анализа блогов, где единицей анализа выступает блог как кейс. Национальная идентичность «исполняется» с помощью системной демонстрации национальной самоидентификации, языка, костюма, кухни; музыки; декораций (природа/интерьер дома и т.д.), национальных ритуалов и повседневных обычаев, туристических предпочтений. Потребность в национальной самоидентификации возрастает, во-первых, в мультикультурном контексте или в статусе меньшинства, во-вторых, в ситуациях национально окрашенных конфликтов, когда растет необходимость обозначить границу между «нами» и «ними» с помощью символов.

Ключевые слова: самовыражение; национальная идентичность; перформанс; цифровая идентичность; повседневные практики; глобализация; социальные сети

Введение

Литература, посвященная идентичности, рассматриваемой с точки зрения разных наук, широко представлена в академическом поле [Емелин, Тхостов, 2020: 18]. Однако эта категория столь размыта и противоречива, что звучат призывы отказаться от нее [Брубейкер, Купер, 2002; Брубейкер, 2010; Брубейкер, 2012; Гидденс, 2005; Тишков, 1998]. Нам представляется, что такой отказ преждевременен и данная категория открыта для модернизации [Шишигин, 2018].

Идентичность личности — это система представлений о ней, складывающаяся как синтез самоопределения и внешней идентификации уже в терминах локализации в социокультурном пространстве, это ответ на вопрос о месте человека в обществе, о принадлежности к той или иной группе, слою или категории. Отдельный случай социальной идентичности — этническая и/или национальная. Конструирование социальной идентичности не сводится к ментальным процессам самоидентификации и идентификации. Это социальное отношение, которое на микроуровне принимает форму перформанса [Батлер, 2018; Гофман, 2021]: индивид представляет свою самоидентификацию так же, как актер на сцене исполняет свою роль. В обоих случаях они манипулируют впечатлениями публики с целью добиться с ее стороны подтверждения своей самоидентификации. Человека в контексте формирующейся текучей реальности описывают с помощью метафоры туриста, мучимого вопросом выбора привлекательной идентичности [Бауман, 2008: 117]. Здесь конструирование социальной идентичности неразрывно связано и с процессом

индивидуализации. Желание принадлежать к группе и желание не сливаться с ней — две стороны одной медали.

Социальная идентичность (в том числе национальная и/или этническая) реализуется на разных сценических площадках (в социальных институтах, в публичных пространствах), среди которых все более важное место занимает интернет. Цифровая (виртуальная, сетевая) идентичность — это технологическая сценическая площадка для конструирования социальной идентичности и индивидуальности. Она задает новые специфические рамки пространства технических возможностей, ограничений и принуждений, предлагаемых конкретными сетями. Пользователь выбирает доступную форму конструирования своей цифровой идентичности: открытие аккаунта, заполнение в нем «паспортички», выбор способа реализации его технических возможностей (например, пустой аккаунт для пассивного мониторинга сети, формальная «спящая» страничка, площадка для общения с близкими людьми, блог, претендующий на внимание широкой анонимной аудитории). Социальную идентичность можно конструировать в быту, на рабочем месте, на улице, в ресторане и т.д. Аккаунт в сети — одна из возможных сцен.

Виртуальная репрезентация реальной личности является симулякром, который может находиться в разных отношениях с обозначаемым: от точной цифровой копии до совершенно фантастического образа. Как на любой сцене, актер может стараться достоверно репрезентировать себя (например, на творческой встрече, в интервью), играть роль в пределах своего амплуа, опирающегося на специфические особенности внешности и характера, или быть мастером перевоплощений. Однако современные сетевые технологии позволяют приземлять полет творческого воображения демонстрацией неизбежных цифровых следов, связываемых в набор точек в системе координат, выдавая реальные связи симулякра («возможно, вы знаете этого человека»).

Безраздельное господство визуальных образов над текстами выводит представленные в сети аккаунты за узкие рамки национальных границ, охраняемых языковым барьером. Видеокалип может быть снят самим блогером, выступившим и режиссером, и актером. Однако большое количество клипов просто заимствовано из сети. В результате социальная идентичность получает максимальную автономию по отношению к создающей ее личности. Видеокалипгер либо невольно проговаривается, допуская незапланированные символы («оговорки»), либо сознательно конструирует свой сценический образ.

Теоретико-методологическая база исследования

Национальная идентичность чаще всего понимается как осознание, ощущение своей принадлежности к определенной нации или этносу, которые, в свою очередь, являются «воображаемыми сообществами». «Воображаемость» нации заключается в том, что все члены этого сообщества никогда не видели друг друга, однако у них присутствует убежденность в наличии схожих, объединяющих черт, отличающих их от других [Андерсон, 2016]. «Два человека

принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации; нации — продукт человеческих убеждений, страстей и наклонностей» [Геллнер, 1991: 25]. Осознанная идентичность объективируется в действиях, и только в такой форме она становится реальной и подвергается внешней проверке (идентификации). В цифровом пространстве вообразимость сообществ выходит на первый план.

Иногда определение строится на сравнении: черное — это не белое, мужчина — это не женщина и т.д. Сравнение часто формулируется в виде формулы «X в отличие от Y...» и конструирует любую границу. Ф. Барт одним из первых определил этничность как ситуативный феномен, создающийся с помощью символического различения. Этничность проявляется в процессе конструирования границы между «своими» и «чужими» [Барт, 2006]. Язык, костюм и его элементы, кухня, календарь праздников, ритуалы и т.д. маркируют границу, в том числе и в цифровом пространстве.

В европейской традиции категории «нация» и «этничность» дифференцируются. Первая акцентирует внимание на гражданских границах, вторая — на культурных. Такой подход в определенной мере проник и в российское общественное сознание. Однако в обыденном языке доминирует понятие «национальность» как синоним более научной категории «этничность». В официальных документах (Конституции РФ, Стратегии национальной безопасности РФ и т.д.) понятия «нация», «национальность», «народ», «этничность» используются зачастую в синонимичных смыслах, что также затрудняет становление единого понимания данных терминов в науке, публицистике и частной жизни.

Нация как аналитическая категория в этносимволизме предполагает определенную структуру, сформированную из базовых элементов культуры: символов, мифов, воспоминаний, ценностей, без которых невозможно самоопределение индивида, проведение политики памяти, создание публичной культуры и т.п.¹ [Ассман, 2018; Assman, 2010; Hobsbawm, Ranger, 2012; Smith, 2008; Smith, 2009]. Индивид конструирует свою национальную идентичность в реальности и в сети, используя существующий в культуре язык символов. Его высказывания свободны, но привязаны к ресурсам языка.

«Самозапись» в воображаемые национальные сообщества и конструирование границы имеют инструментальный и ситуативный характер. У каждого индивида множество социальных идентичностей, структура которых подвижна. Этот факт лежит в основании отрицания необходимости данной категории [Брубейкер, Купер, 2002]. Однако практики упрощенного понимания категории не являются достаточным основанием для отказа от нее.

Социальная идентичность имеет ситуационный характер. В зависимости от определения конкретной ситуации актуализируется та идентичность, которая в данный момент адекватна ее логике, позволяет получить доступ к ресурсам или защититься от угрозы путем конструирования солидарности. В результате национальная идентичность — это не стабильное состояние,

¹ Ренан Э. Что такое нация? // Хронос. Всемирная история в интернете. 2006. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения 15.04.2021).

а пульсирующий процесс самоидентификации и внешней идентификации в жесткой связи с контекстом ситуаций. Она фокусирует внимание на актуальных границах, возникающих здесь и сейчас. Потребность в национальной (или этнической) идентичности обостряется, во-первых, в контексте мультикультурализма (особенно для национальных меньшинств), во-вторых, в ситуациях национально окрашенных конфликтов и противоречий. Таким образом, в одних ситуациях она выходит на первый план, в других — скрывается глубоко в закулисной зоне.

Конструирование национальной идентичности можно описать как процесс репрезентации себя другим в традиции драматургического подхода [Гофман, 2021]. Иначе говоря, идентичность имеет перформативный характер: это роль, исполняемая в конкретном спектакле на конкретной сцене для определенной аудитории с целью манипулирования впечатлениями и получения подтверждения декларируемой идентичности. Свобода игры в национальную идентичность зависит от многих обстоятельств. Можно назваться кем угодно, но для исполнения многих ролей нужны немалые, порой труднодостижимые ресурсы. Например, белорус, как правило, без труда может сыграть роль русского, но последний столкнется с огромными трудностями, попытавшись выдать себя за китайца. Идентичность возникает как представление себя публике, которая реагирует по шкале «верю — не верю». В блогах, где доминируют визуальные образы, возможности для игры в идентичности особенно велики.

Таким образом, конструирование национальной идентичности можно рассматривать как процесс присвоения и усвоения индивидом пропущенных сквозь призму личностных установок национальных символов, образов и смыслов, сформированных и воспроизводимых в коллективной памяти посредством социальных институтов. Иными словами, социальные институты способствуют конструированию национальной идентичности с опорой на функционирующие в обществе культурные элементы, однако на индивидуальном уровне комбинации свободного выбора усвоения определенных национальных символов и/или наполнение их собственными смыслами практически безграничны.

По мере становления цифрового общества процесс национальной идентификации разворачивается и в интернете. Национальная идентичность индивида разделяется на ту, которая проявляется в реальности, и ту, которая представлена в социальных сетях. В свою очередь цифровая идентичность обладает своими особенностями. С одной стороны, — максимальное содержательное тождество, то есть образ в сети является цифровой копией реальной личности. С другой, — цифровая идентичность представляет собой придуманный образ (симулякр), не имеющий ничего общего с его создателем. Реальная личность уводится в закулисную зону частной жизни, которая может быть наглухо закрыта «занавесом» от публики [Гофман, 2021]. В цифровом пространстве закулисная зона защищена гораздо надежнее, чем в реальности. В исследовании, как правило, невозможно определить степень соответствия реальной и цифровой идентичностей. Лишь «оговорки» и провалы позволяют социальной идентичности из реальности прорваться к цифровой аудитории.

Индивиды в сети нередко придумывают себе идентичность и активно ее исполняют на виртуальной сцене, фиксируя спектакль с помощью фото- и видеокамер. Они срastaются с этой ролью (особенно активные блогеры, вынужденные почти ежедневно создавать контент). Именно эту идентичность оценивают подписчики, если ее изменить, то можно легко потерять сформированную аудиторию. Социальные ожидания мягко принуждают к практикам их подтверждения. Иначе говоря, индивид становится заложником своей роли. Исполнение национальной идентичности, невостребованной аудиторией, чревато ее потерей. Возникает виртуальная колея идентичности, из которой трудно выпрыгнуть, не обнулив свои виртуальные ресурсы, материализованные и измеренные в количестве подписчиков и лайков, которые в случае удачи можно монетизировать.

Цифровое пространство позволяет преодолеть существующие в реальности ограничения, обусловленные территориальными, политическими и социокультурными особенностями (используемый язык, флаги, памятники, валюта, национальные праздники и т.д. ежедневно транслируют идею национальной идентичности вне зависимости от того, насколько это осознается индивидом) [Billing, 1995; Hutchinson, 1987].

Методика исследования

Объектом данного эмпирического исследования являются русскоязычные блоги одной из наиболее популярных в России социальных сетей TikTok¹. Выбор платформы для анализа обусловлен стремительным ростом ее популярности в 2021 году, объемом аудитории и разнообразием предлагаемых ею инструментов репрезентации. Можно сказать, что репрезентация себя, своих интересов или образов является важнейшей задачей данной платформы. Так, основной контент представляет собой короткие (от 15 секунд до трех минут) видеоролики, имеющие аудиальную, визуальную и текстовую составляющую. В силу того, что границы в сети не совпадают с государственными границами, которые обычно даже не обозначаются (важный маркер цифровой идентичности!), в объект включались блоги независимо от места проживания автора. Главный критерий — использование русского языка или другие маркеры принадлежности к русскоязычной культуре. Объект ограничен во времени: это материалы за 2022 год.

Предмет исследования — конструирование в блогах национальной идентичности (как гражданской, так и этнической). Использована типологическая выборка, нацеленная на выявление технологий конструирования национальной идентичности через содержание блогов. Ее динамика определяется исследовательским вопросом: каковы средства конструирования национальной идентичности блогеров? В результате обнаружение и анализ

¹ В начале марта 2022 г. TikTok объявил о прекращении распространения нового контента в РФ и прямых эфиров. Однако российские пользователи продолжали потреблять контент в данной социальной сети, а блогеры — обходить запрет на публикацию новых видео с помощью различных систем. При этом важно подчеркнуть, что сроки сбора эмпирических данных ограничены периодом с 26 января по 10 марта 2022 года.

одного типа служат ступенькой для поиска новых типов. Разумеется, данная выборка не имеет никакого отношения к толкуемой в статистических терминах репрезентативности. Используемые в исследовании псевдоколичественные термины («больше/меньше», «часто/редко», «многие/некоторые» и т.п.) не имеют отношения к генеральной совокупности (одной русскоязычной социальной сети). Они характеризуют только приблизительную оценку частоты рассматриваемых индикаторов в нашей выборке.

Поиск профилей для анализа осуществлялся следующим образом: в первую очередь по хештегам «нация», «национальность». Просматривался каждый видеоролик с целью изучения профиля. В случае, если профиль подходил под критерии выборки (личный профиль, даты активного постинга), то ему присваивался номер, а содержание подвергалось описанию и анализу. Анализ предполагал структурное описание профиля по основным категориям (название, количество подписчиков, наличие самоидентификации в описании профиля), после чего каждый видеоролик детально характеризовался в соответствии с технологиями конструирования национальной идентичности (сюжет, внешний вид, декорации (интерьер / природа / достопримечательности и т.п.), используемый язык (и в видео, и в текстовом описании к нему), музыка, количество лайков и комментариев к видео. Сюжеты часто предполагали детализацию и расширение кодов в соответствии с демонстрируемыми практиками: туристическими, межличностных отношений, спортивными, политическими, досуговыми (участие в национальных праздниках и т.п.), потребления пищи. Комментарии также включались в дискурс-анализ на предмет наличия национальных символов в речевых модулях и отношения к ним. Кроме этого, изучались профили комментирующих пользователей. Объем выборки — 60 кейсов (блогов).

В основе исследования лежит сочетание дискурс-анализа и контент-анализа. В качестве единицы анализа использовался отдельный блог как кейс. Он оформлялся как отдельный файл с описанием значимых для предмета исследования характеристик, приведением адекватных ему цитат. Текст каждого кейса кодировался в программе ATLAS^{Sti} 8: сначала в режиме open coding, затем — list coding. Логика кодирования привязана к предмету исследования, то есть технологиям конструирования национальной идентичности. Перечень основных (но далеко не всех) кодов представлен в структуре раздела «Результаты исследования». Первоначальный технический анализ осуществлялся в той же программе: с помощью фильтра «код» извлекались в отдельный файл все соответствующие ему цитаты. Затем проводился их нарративный анализ¹ — превращение механического набора цитат в связное, логически упорядоченное повествование, описывающее репрезентируемые мифы и символы [Нечаева, 2020: 87–88].

При анализе определенных кодов также использовались специфические программы. Для распознавания исполнителя и названия используемой

¹ В данном случае нарративный анализ предполагал выявление символов и образов, повествующих о национальной идентичности во всем многообразии цитат из кейса, то есть весь текстовый материал блога (описание профиля, описание каждого видео, текст в видео) описывался отдельно, анализировался на предмет репрезентации национальных символов и сводился к единому нарративу.

музыки в случае отсутствия корректного названия в самом TikTok применялась программа Shazam, после чего результат верифицировался дополнительным поиском данной композиции в интернете. В отдельных случаях был использован Google Translator для определения используемого блогером языка и перевода.

Каждому кейсу присвоен код для идентификации цитат и других эмпирических данных. На первом месте стоит номер блога, затем присвоенные авторами статьи имя, гендер, место проживания блогера (если оно распознается). Возраст не указан, так как сами блогеры его не включают в свой статус. В текстовых цитатах орфография и пунктуация авторов сохранены. При описании результатов проанализированные профили обозначаются следующим образом: К№, где К — кейс, № — номер кейса.

Результаты исследования

Технологии конструирования национальной идентичности в сети

Исполняя в своем блоге спектакль «Я русский (азербайджанец, кабардинец, еврей и т.д.)» блогер имеет в своем распоряжении широкий набор инструментов, с помощью которых можно доказать «Я есть X».

Статус

Это первая страница блога, где пользователь приводит набор ответов на подразумеваемый вопрос «Ты кто?». Межгосударственные и этнические конфликты способствуют актуализации соответствующих идентичностей, поэтому они появляются в разделе «статус» именно в таких регионах. Например, в нашей выборке изредка попадались блоги с вербальной самоидентификацией «украинка» / «русский». Также значительное количество пользователей сменили аватарки, изменив фон на цвет национального флага (российского или украинского), указали национальную идентичность в виде текстового или визуального обозначения (с помощью эмодзи национальных флагов). При этом трудно понять наверняка, является ли это этнической или гражданской самоидентификацией. Однако ввиду упоминания в контексте национальной идентичности также политических деятелей, можно предположить, что гражданский компонент в данном случае является преобладающим.

Можно сказать, что самоидентификация характерна для блогов, посвященных национальной идентичности. В случаях противоречий сосуществования национальная идентичность может актуализироваться, что стимулирует ведение блога на данную тематику. Характерным подобный формат репрезентации идентичности является для мигрантов, вынужденных адаптироваться к новой культуре и интегрироваться в принимающее сообщество. Среди проанализированных кейсов можно отметить ряд блогов, авторы которых состоят в межнациональном браке и проживают на территории своего партнера. Так как статус (или так называемая шапка профиля) предназначен для того,

чтобы отразить основную идею блога и привлечь подписчика, то в этом случае в описании часто используются национальные и территориальные категории: «*БЫТЬ РУССКОЙ НА КАВКАЗЕ. Горянка с характером. Кавказ без прикрас*» — К4; «*Украдена турецким принцем*» — К5.

Таким образом, статус/описание профиля, включающее в себя идентификацию, является в целом не самой распространенной формой репрезентации национальной идентичности. Пользователи, заявляющие свою национальную принадлежность в данной строке, используют это как маркер, подчеркивающий основную тематику блога или актуальную проблему самоидентификации в ситуации конфликта.

Язык

Язык является одним из ключевых ресурсов конструирования национальной идентичности. Во-первых, используемый в блоге язык может указывать на этничность блогера. Если аварец ведет свой блог на аварском, то это может быть ключевым маркером национальности. Если же блог ведется на русском языке, то набор вариантов репрезентируемой национальной идентичности резко расширяется. Представители малых народов нередко из патриотических соображений декларируют как родной язык своей этнической группы, хотя в реальности могут им владеть в ограниченном объеме. Однако его связь с национальной идентичностью неоднозначна и противоречива. Например, большинство представителей малых народов России, украинцев и белорусов ведут блоги на родном для них русском языке, но при этом без колебаний отвергают вариант русской национальной идентичности.

Во-вторых, язык блога может выбираться исходя из стратегии завоевания аудитории, что обуславливает разные варианты. Одна из стратегий — ориентация на «своих» (каждый вкладывает в это понятие свой смысл), обратной стороной этой стратегии является исключение «чужих», которые не понимают данного языка. Другая стратегия использования родного языка предполагает его применение как инструмента для развития блога с этнической/национальной направленностью, репрезентации аутентичной культуры и расширения ее представленности в социальных сетях. В данном случае авторы блогов активно используют родной язык в аудио- и текстовом формате, однако часто сопровождают его переводом на русский/английский язык и текстом на самом изображении в формате субтитров или же просто в описании видео. Подобные решения характерны для блогеров, продвигающих такие темы, как национальность, межкультурный брак, миграция и адаптация к новой культуре, а также для авторов так называемых фанатских страниц, посвященных какой-то стране или культуре.

Альтернативная стратегия предполагает ориентацию на завоевание максимально широкой аудитории. В этом случае выбирается доступный язык межнационального общения. Так те, кто ищет международного признания, выбирают английский язык, который не указывает на их личную национальность. Это сугубо прагматичная маркетинговая стратегия завоевания целевой аудитории, игнорирующая язык как инструмент конструирования национальной идентичности.

Тренд к визуализации сетей заметно усложняет логику интерпретации языка как маркера национальной идентичности. Первые социальные сети (например, «Живой журнал», Facebook¹) были ориентированы в первую очередь на вербальную коммуникацию. Однако со временем ситуация изменилась. Сегодня на первый план в молодежной среде вышли Instagram² и TikTok, куда одним кликом стало возможно загружать качественные снимки и видео прямо со смартфона. Этот технологический поворот обеспечил и изменение технологий конструирования национальной идентичности в сетях. Стали популярны блоги, почти лишенные текста. Они заполняются фотографиями, причем часто — без подписей. Только хештеги намекают на то, что там изображено. Появляется все большее количество аккаунтов, заполненных исключительно визуальными материалами, что сводит роль языка как маркера к нулю.

Даже в «стримах» (то есть прямом эфире) заметное место отводится, например, самопрезентации (эротической) телесности на фоне популярных песен, что минимизирует роль языка. «Стримы» с прохождением компьютерных игр хоть и используют, как правило, вербальный язык при комментировании сюжетных поворотов, также не привязаны к аудитории по языковому признаку, так как его роль несущественна: аудитория заинтересована в технологиях прохождения «миссий», сюжете, графике и т.д. Судя по комментариям, спрос на «стримы» не структурируется границами языковой компетенции: зрители из самых разных стран с помощью символов (в основном лайков и эмодзи) или относительно интернациональных слов выражают свое мнение о контенте.

Художественная культура

Множество молодежных блогов базируется на использовании ресурсов художественной культуры (в первую очередь музыки). Наблюдаются разные стратегии применения этого потенциала. Те, кто равнодушен к проблеме конструирования своей национальной идентичности (а это, видимо, большинство пользователей социальных сетей) используют музыкальные произведения, соответствующие их вкусу³. Его связь с идентичностью прослеживается, но неоднозначная. Многие блогеры разных национальностей используют преимущественно англоязычные песни. Это явный маркер тренда к глобализации культуры и формированию космополитической идентичности. Схожий тренд проявляется и в использовании русскоязычных песен блогерами, которые не являются русскими, но находятся в сфере влияния русской культуры (в той или иной мере все постсоветские страны).

В то же время заметное число блогеров сознательно или бессознательно (например, через фактор вкуса) конструируют свою национальную идентичность

¹ Facebook — продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ в 2022 году.

² Instagram — продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ в 2022 году.

³ В данном случае речь идет именно о музыкальном вкусе, о том, что человеку нравится, когда он использует музыку именно потому, что это соответствует его личным эстетическим или культурным предпочтениям, а не потому, что с ее помощью целенаправленно репрезентирует свою идентичность.

при помощи музыки. Это проявляется в том, что они включают в свои плейлисты песни на родном языке, а в визуальных блогах размещают такие произведения в качестве музыкального фона. По результатам анализа полученных данных можно отметить широкое использование музыкальных композиций на родном языке или национальных мелодий в блогах, основная тематика которых связана с целенаправленной репрезентацией национальной идентичности. Зачастую тренды стилизуются и появляются так называемые национальные версии (татарская версия, башкирская версия и т.д.). Так, трендовые танцы исполняются под соответствующую музыку, однако в национальных костюмах и с элементами национальных танцев (например, клипы проанализированных профилей K7, K8, K9). Тренды с угадыванием песен также включают в себя национальный аспект: звук сразу указывает на версию своеобразной онлайн-игры, например: «пой песню, если знаешь: татарская версия» K10, K11, K12, K13, K14, K15, K16 и др.). Примечательно, что участие в трендах с угадыванием национальных мелодий распространено в том числе и среди тех пользователей, основная тематика блога которых не связана с репрезентацией национальности, зачастую это может являться единственным видеоклипком, указывающим на репрезентируемую национальную принадлежность автора.

Гораздо менее заметно использование танцев как национального маркера. У русских блогеров это проявляется лишь в среде фольклорного движения, занимающего заметную, но все же ограниченную нишу. Заметна эта технология конструирования национальной идентичности у народов Кавказа. Лезгинка очень популярна у кавказской молодежи как маркер не архаичной, как у русских фольклористов, а современной идентичности, это элемент празднования различных событий (K17, K18, K19, K20).

Национальная кухня

Национальная кухня также часто выступает в качестве маркера национальной идентичности и может участвовать в блогах как с целью демонстрации национальных особенностей, так и как часть повседневности без национального контекста. Иначе говоря, блогер может быть совсем не озабочен предъявлением своей национальной принадлежности, но в силу своего происхождения он любит национальную кухню. В результате популярный жанр натюрмортов и жанровых репортажей с застолий насыщен маркерами национальной кухни.

Некоторые продукты становятся национальными символами, даже несмотря на исторические споры об их принадлежности. Так, демонстрация определенной кухни в социальной сети может служить маркером либо национальной идентичности, либо ее примеркой в связи с туризмом или миграцией, чтобы сказать подписчикам: «Смотрите, я здесь». Зачастую в социальных сетях также используются элементы национальной кухни как часть фото- и видеореквизита туристов: отдыхающие на курортах Северного Кавказа выставляют фото/видео осетинских пирогов, хычинов, шашлыка на фоне горных пейзажей. Кулинарный фоторепортаж туристами может быть поставлен в один ряд со снимками в местных национальных головных уборах и костюмах.

Блогеры, основной контент которых предполагает активную репрезентацию национальной идентичности в сети, демонстрируют национальную кухню как важную часть культурного наследия. Среди проанализированных блогов можно выделить целенаправленную демонстрацию национальной идентичности посредством национальной кухни (K28, K29, K30, K31, K32). Национальная кухня становится одним из важнейших разграничительных маркеров наряду с языком, что отражается во множестве видео, где представители определенной нации предлагают попробовать свои блюда знакомым, друзьям или членам семьи и снимают реакцию, которая может варьироваться от удивления смешением ингредиентов до отвращения (K33, K6, K34, K35).

Правда, интерпретация этих маркеров неоднозначна, так как наиболее развитые кухни подверглись процессу интернационализации. Иначе говоря, некоторые блюда обрели популярность далеко за пределами породивших их культур (например, грузинская кухня). Кроме того, часть блюд маркируют скорее целый регион, нежели конкретную национальную культуру (например, шашлык, плов).

Национальный костюм

В отличие от утилитарной одежды костюм обозначает идентичность и исполняемую роль. В данном случае под костюмом понимается образ человека, состоящий из одежды, обуви, аксессуаров, головных уборов, украшений. Национальный костюм — один из тех инструментов конструирования идентичности, которые наиболее ярко определяют границу «своих» и чужих. Найти такой костюм в полном виде в блогах достаточно трудно. Он встречается как часть традиционно национального ритуала или фольклорного фестиваля, концерта. Однако на такие мероприятия попадают не только «свои», но и «туристы». Примерами могут являться папахи как сувениры с Северного Кавказа, платок с русскими узорами как сувенир из России, берет — как символ Франции и т.д. В данном случае вещь начинает выполнять не свою основную функцию, а выступает в качестве символа туристической идентичности [Бодрийяр, 2020]. В местах, привлекающих относительно стабильный поток туристов, развиваются сервисы по аренде костюмов. За небольшую сумму денег любой желающий может найти себе подходящий национальный костюм и сделать фото на фоне достопримечательности на память. В данном случае национальная идентичность имеет скорее ситуативный характер перформанса, не претендующего на убеждение, и не репрезентирующего реальную национальную идентичность. Интерес к примерке различных идентичностей подтверждается в том числе трендом «Национальные костюмы», который заключается в создании слайд-шоу из изображений автора блога в костюмах разных национальностей с соответствующим фоном. Различные блогеры приняли участие в данном тренде вне зависимости от тематики их блога, подписывая видео: «На какую национальность я больше похожа?», «Какая национальность мне больше идет?» (K63, K30, K36, K37, K38, K39 и др.).

Блогеры, чья основная тематика предполагает репрезентацию национальной идентичности, зачастую конструируют национальные костюмы и снимают свои видео в них, так как это один из наиболее простых способов

через изображение представить свою идентичность. Например, тема костюма зачастую обыгрывается русскими блогерами-девушками, которые вышли замуж за иностранца-мусульманина (среди наших кейсов — дагестанца, турка, иранца), переехали в другую страну и показывают ожидаемые изменения во внешнем образе. В большинстве случаев видео направлены на борьбу со стереотипами и отвечают на наиболее частые комментарии пользователей, например, «ничего, скоро он тебя в паранджу закутает».

С помощью национального костюма некоторые блогеры делают различие между поколениями, исполняя несколько ролей в собственном видео. Так, зачастую если блогеру необходимо сыграть, например, образы «мамы» и «дочки», то образ «мамы» включает в себя элементы национального костюма (украшения, платок, одежда), в отличие от современного образа «дочки». Решение проблемы представить два поколения одному человеку именно таким образом подчеркивает традиционность национального костюма в противовес моде на так называемый *global casual*. Однако также заметен тренд на использование национальных символов в современной одежде, например, определенных орнаментов на футболках, свитшотах, худи. В связи с появлением и развитием специализированных интернет-платформ любой желающий может самостоятельно создать свой дизайн (принт) одежды, что открывает широкие возможности для саморепрезентации. Таким образом распространенные по всему миру футболки, носки, свитера и прочие элементы внешнего облика локализуются и становятся инструментом выражения национальной идентичности. На них наносятся названия регионов/стран, карты, орнаменты, имеющие символическое культурное значение для их носителей. Среди проанализированных кейсов можно отметить футболку K40 с надписью «казаки от казаков ведутся»; футболку с орнаментом, стилизованный комбинезон и худи с картой Башкирии K30 и т.п.

Декорации

Важным маркером являются декорации, в которых блогер снимается или ведет свой «стрим» в режиме реального времени. Причин тому может быть множество: эстетические соображения, демонстрация социально значимых вещей или мест, стремление произвести определенное впечатление. Фон может также говорить вместо самого блогера: «Смотрите, я здесь / я здесь был, это я на фоне...» Причем крайне важно зафиксировать не только сам объект, но также и себя, то есть придать символическую нагрузку фотографии/видеоизображению.

Блогеры, чья основная тематика предполагает репрезентацию национальной идентичности, активно используют декорации для создания необходимого образа. Однако в современных интерьерах жилища могут просматриваться декорации с размытыми смыслами (одни и тех же предметы могут встречаться у разных народов и как элементы традиционного быта, и как туристические сувениры). Анализ кейсов позволяет выделить некоторые стратегии преодоления глобализации жилищных пространств: использование дома родственников в деревне; поездку в специализированные отели / так называемые этнодеревни; съемку в природных условиях; использование искусственно

созданных декораций (фотозон). Подготовка контента в социальных сетях блогеров, активно репрезентирующих национальную идентичность, требует значительных материальных и временных усилий, так как им приходится реконструировать визуальный контент, связанный с национальными элементами, или находить другие способы его создания. Однако среди пользователей, тематика блога которых не предполагает репрезентацию национальной идентичности, национальные символы в декорациях практически отсутствуют.

У блогеров с обостренным чувством национально-гражданской принадлежности нередко фоном блога выступает национальный флаг. Этот индикатор часто встречается в блогах, где обсуждаются острые национальные конфликты, в контексте которых четко проявляется технология конструирования идентичности через поляризацию «мы» и «они» (конфликт в Карабахе, на границах Грузии, России и Украины).

Участие в политическом дискурсе

Одна из традиций понимания категории «национальная идентичность» рассматривает ее как гражданскую идентичность, то есть как чувство принадлежности к определенному государству, а гражданский национализм — как патриотизм. В связи с этим одним из вариантов конструирования национальной идентичности является использование государственных символов, привлечение политического дискурса. Национально-гражданская идентичность проявляется в позиции блогера в дискуссиях на темы международной политики, что особенно ярко проявилось в цифровом пространстве после начала российско-украинского конфликта.

В российской социальной сети отмечен значительный рост числа публикаций, нацеленных на самоидентификацию блогера как русского в контексте, вероятнее всего, гражданской идентичности. Публикуемые видео часто сопровождаются патриотическими песнями «Россия» Ларисы Долиной и «Вперед, Россия!» Олега Газманова, включают в себя слайд-шоу из нескольких видео военных парадов, военных учений и т.п., а также государственная символика (флаги, гербы) и изображения политических лидеров страны. Некоторые профили демонстрировали низкую публикационную активность до начала русско-украинского конфликта, основное содержание имевшихся видеоклипов включало личные кадры без каких-либо элементов национальной идентичности, однако после 24 февраля 2022 года количество публикуемых видеозаписей заметно возросло, вся их тематика была направлена на выражение национально-гражданской идентичности, что может быть обусловлено как резким погружением в данную повестку и стремлением активно высказывать свою точку зрения, так и другими факторами (например, K1, K44, K45, K46 и др.).

Однако прямой связи между политическими взглядами и национальной идентичностью нет. Важно отметить, что многие международные конфликты проходят не столько по национальной, сколько по идеологической границе. Более того, современные молодые россияне в целом склонны разделять государство и страну и демонстрировать патриотизм, критически настроенный в отношении политического курса государства [Клеман, 2021].

Туристические практики

Туризм — это косвенный маркер национальной идентичности. Патриот и националист могут любить путешествовать в дальние страны. Однако мала вероятность того, что убежденный космополит, имея свободу выбора международных маршрутов, будет из раза в раз отправляться за свой счет в турпоездку по России и затем наполнит отчетами свой блог. При этом важно подчеркнуть, что в данном случае имеются в виду именно туристические практики, а не путешествия: тогда как первые нацелены на получение впечатлений от «потребления географических мифов или стереотипов», вторые реализуются в большей степени через изучение реальности и деконструкции этих стереотипов [Ильин, 2018].

Туристические поездки за границу остаются маркером социального статуса. По различным данным, только около четверти россиян выезжают за рубеж для отдыха [Андерсон, 2016]. Иными словами, чем дальше от дома ты уехал и рассказал об этом в социальных сетях, тем выше уровень твоего символического капитала. Ведь поездки по родному краю зачастую более доступны, отчего менее престижны. Поэтому репрезентация в социальных сетях туристических возможностей домашнего региона может являться показателем наличия выраженной национальной идентичности, что также характерно в большей степени для блогеров, чья основная тематика связана с активной репрезентацией национальной идентичности.

Среди туристических практик распространена примерка чужой (экзотической) национальной идентичности. Погружение в «чужую» культуру и демонстрация в сети натюрмортов с местной кухней, в национальных одеяниях, нередко — на фоне знаковых элементов местного ландшафта (например, Эйфелевой башни во Франции, Кремля в России) может объясняться желанием игры с национальной идентичностью. В некоторых случаях такая примерка обуславливает заимствование некоторых близких для человека культурных образцов, рост интереса к культуре в целом.

Заключение

Таким образом, социальная идентичность, в том числе национальная, — это не только самосознание, а прежде всего предъявление себя другим на публичных и частных сценах в качестве представителя своей гражданской нации или этнической группы, самопрезентацию, критерием успеха которого является диагноз публики в духе «Верю!». По мере формирования цифрового общества именно в сети формируются новые сцены для таких представлений.

Проведенное эмпирическое исследование блогеров показывает, что в качестве инструментов конструирования национальной идентичности в цифровом обществе используются язык, музыка, национальная кухня, народные костюмы или их элементы, политические дискурсы. Однако все эти маркеры идентичности косвенны, так как ими же пользуются для конструирования своей ситуативной идентичности и туристы. Правда, вкладываемый в них

смысл существенно различается: патриот из них конструирует своя «Я» как члена нации или этнической группы, а турист — свою идентичность человека, который соприкоснулся с экзотикой.

В исследованиях такого рода возникает трудноразрешимая проблема различения цифровой идентичности, являющейся слепком идентичности индивида, и идентичности, выступающей в качестве сценической роли (симулякра) и не имеющей отношения к реальному «Я» индивида. Конструирование сценических идентичностей может быть движимо разными мотивами. Граница между сценической ролью и стоящей за ней мотивацией крайне размыта и лишь в части случаев дает основание для скептических гипотез, не поддающихся проверке.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания / Пер. с англ. Д. Кралечкиной. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. С.А. Комарово. СПб.: Питер, 2008. EDN: [QOABEJ](#)

Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с фр. С.Н. Зенкиной. М.: РИПОЛ классик, 2020.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. Р. 61–115. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2002.0025>

Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / Под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 2010. EDN: [QOMHUF](#)

Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой. М.: Прогресс, 1991.

Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академ. Проект, 2005. EDN: [TNIRKP](#)

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. СПб.: Питер, 2021.

Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Идентичность и символический хронотоп: монография / Под ред. В.А. Емелиной. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2020.

Ильин В.И. Социология потребления: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018.

Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Нечаева А.А. Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-2-81-93> EDN: [AAXTNI](#)

Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 3–26. EDN: [SAUYJX](#)

Шишигин А.В. Идентичность и «за ее пределами»: критический анализ концептуального подхода Р. Брубейкера и Ф. Купера // Вестник ПГГПУ. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.24411/2308-7226-2018-00018> EDN: [YZTHNZ](#)

Этнические группы и социальные границы // Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта / Пер. с англ. И. Пильщиковой. М.: Новое издательство, 2006. EDN: QOFQWB
Assman J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An Introduction and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.2.109>

Billig M. Banal Nationalism. Loughborough: SAGE Publications, 1995.

Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism; Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation. London: Allen & Unwin, 1987.

Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Smith A. D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470696613.ch>

Smith A. D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. London: Routledge, 2009. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203876558>

Сведения об авторах:

Ильин Владимир Иванович — доктор социологических наук, профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ivi-2002@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 22260; **ORCID:** 0000-0002-3658-8112.

Снегур Маргарита Романовна — преподаватель кафедры социологии, Санкт-Петербургский государственный технологический институт, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** m@margosnegur.ru. **РИНЦ Author ID:** 971086; **ORCID:** 0000-0002-4137-811X.

Статья поступила в редакцию: 10.10.2023

Принята к публикации: 10.12.2023

БАК: 5.4.6

Technologies of Performative National Identity Construction (The Case Study of the Russian-Language social network)

DOI: [10.19181/inter.2024.16.1.4](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.4)

Vladimir I. Ilyin *St. Petersburg University, Saint-Petersburg, Russia*
E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Margarita R. Snegur *Saint Petersburg State Institute of Technology,
 Saint-Petersburg, Russia*
E-mail: m@margosnegur.ru

The construction of national identity in the digital society is increasingly shifting to social networks, which have become stages for self-expression, where it acquires the character of a virtual performance. Being X means playing the role of X so convincingly that the audience will believe

it. At the same time, the role can represent a person in varying degrees — from a mirror reversal to a simulacrum, i.e. a symbol without a real signifier. The digital role, divorced from self-awareness, can be motivated both by a commercial strategy for the struggle to expand the audience and / or fulfill an order, or by the official functions of an official, manager or activist who are tasked with creating the moods necessary for the customer in the networks.

The article presents the results of an empirical study of technologies for representing national identity in Russian-Language social network TikTok. The aim is to study the tools for constructing national identity in a digital society. Empirical data was collected using the analysis of blogs, where the unit of analysis is a blog as a case. National identity is performed with the help of a systematic demonstration of national self-identification, language, costume, cuisine; music; scenery (nature / house interior, etc.), national rituals and everyday customs, tourist preferences. The need for national self-identification increases, firstly, in a multicultural context or in minority status, and secondly, in situations of national conflicts, when the need to mark the boundary between “us” and “them” with the help of symbols increases.

Keywords: self-expression; national identity; performance; digital identity; everyday practices; globalization; social networks

References

Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Transl. from Eng. by N. G. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

Assman A. (2018) *Dlinnaya ten proshlogo. Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika*. [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Transl. from Germ. by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)

Assman J. (2010) Communicative and Cultural Memory. In: A. Erll, A. Nunning (eds.) *Cultural Memory Studies: An Introduction and Interdisciplinary Handbook*. Berlin; New York: De Gruyter. P. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.2.109>

Bart F. (ed.) (2006) *Etnicheskie gruppy i socialnye granicy. Socialnaya organizaciya kulturnyh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference]. Transl. from Eng. by I. Pilshchikova. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.)

Batler Dzh. (2018) *Zametki k performativnoj teorii sobraniya* [Notes Toward a Performative Theory of Assembly]. Transl. from Eng. by D. Kralechkina. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Transl. from Eng. by S. A. Komarovo. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Baudrillard Zh. (2020) *Sistema veshchej* [System of Things]. Moscow: RIPOL classic. (In Russ.)

Billing M. (1995) *Banal Nationalism*. Loughborough: SAGE Publications.

Brubaker R., Cooper F. (2002) Za predelami identichnosti [Beyond “Identity”]. *Ab Imperio*. No. 3. P. 61–115. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2002.0025>

Brubaker R. (2000) *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism]. Ed. by I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semenov. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.)

Brubaker R. (2012) *Etnichnost bez grupp*. [Ethnicity Without Groups]. Transl. from Eng. by I. Borisova. Moscow: Izdatelskiy dom VShE. (In Russ.)

Emelin V. A., Thostov A. Sh. (2021) *Identichnost i simvolicheskij hronotop: monografiya* [Identity and Symbolic Chronotope: Monograph]. Ed. by V. A. Emalina. Moscow: “Kanon+”ROOI “Reabilitaciya”. (In Russ.)

Gellner E. (1991) *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Transl. from Eng. by T. V. Berdikova. Moscow: Progress. (In Russ.)

Giddens A. (2003) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Academ. Proekt. (In Russ.)

Goffman E. (2021) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Hobsbawm E., Ranger T. (2012) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hutchinson J. (1987) *The Dynamics of Cultural Nationalism; Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation*. London: Allen & Unwin.

Ilyin V.I. (2018) *Sociologiya potrebleniya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. 2-e izd.* [Sociology of Consumption: Textbook for Academic Bachelor's Degree. 2-d ed.]. Moscow: Izdatelstvo Yurajt. (In Russ.)

Kleman K. (2021) *Patriotizm snizu. "Kak takoe vozmozhno, chtoby lyudi zhili tak bedno v bogatoj strane?"* [Patriotism from Below. "How Is It Possible for People to Live So Poorly in a Rich Country?"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Nechaeva A.A. (2020) Narrativnyj analiz kak metod issledovaniya kollektivnoj pamyati [Narrative Analysis as a Collective Memory Research Method]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"* [RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies.], No. 2. P. 81–93. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-2-81-93>

Shishigin A.V. (2018) Identichnost i "za ee predelami": kriticheskiy analiz konceptualnogo podhoda R. Brubejkera i F. Kupera [Identity and "Beyond": a Critical Analysis of the Conceptual Approach R. Brubaker and F. Cooper]. *Vestnik PGGPU. Seriya 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin PSHPU. Series 3. Humanities and Social Sciences], No. 2. P. 14–22. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2308-7226-2018-00018>

Smith A. D. (2009) *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203876558>

Smith A. D. (2008) *Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic*. Oxford: Blackwell Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470696613.ch>

Tishkov V. A. (1998) Zabyt o natsii (postnatsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma) [Forget about the Nation (Post-Nationalist Understanding of Nationalism)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], No. 5. P. 3–26. (In Russ.)

Authors Bio:

Vladimir I. Ilyin — Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ivi-2002@yandex.ru.
RSCI Author ID: 22260; **ORCID:** 0000-0002-3658-8112.

Margarita R. Snegur — Lecturer, Department of Sociology, Saint Petersburg State Institute of Technology, Saint-Petersburg, Russia. **E-mail:** m@margosnegur.ru.
RSCI Author ID: 971086; **ORCID:** 0000-0002-4137-811X.

Received: 10.10.2023

Accepted: 10.12.2023

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.5

EDN: WGAКTT

Забота женщин о своем здоровье в условиях ограниченных ресурсов

Ссылка для цитирования:

Ходоренко Д. К. Забота женщин о своем здоровье в условиях ограниченных ресурсов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 1. С. 88–106. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.5> EDN: WGAКTT

For citation:

Khodorenko D. K. (2024) Taking Care of Family Members' Health Provided by Women in Low-Resource Conditions. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 1. P. 88–106. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.5>

Ходоренко Дарья Константиновна

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-mail: khodasha@gmail.com

В статье анализируются практики заботы о здоровье женщин из семей с низким социально-профессиональным статусом. В исследовании используется аналитическая категория «забота», под которой понимается особый вид домашнего труда, направленного на поддержание и сохранение своего здоровья и здоровья членов семьи. Для анализа практик в отношении здоровья применена концепция «жизненного стиля в отношении здоровья», разработанная в социологии медицины. Эмпирическую основу составляют проведенные в Санкт-Петербурге 16 интервью с женщинами из семей, члены которых не имеют высшего образования и заняты на работах с неблагоприятными условиями труда (по оценке информанток). В исследовании ставился вопрос о том, в каких ситуациях и каким образом женщины, принадлежащие к данной группе, осуществляют заботу о своем здоровье. Женщины с низким социально-профессиональным статусом, заботясь о близких, редко обращаются за медицинской помощью для себя. Их отношение к собственному здоровью можно охарактеризовать как инструментальное. Обнаружено, что в контексте опыта материнства отношение к здоровью меняется,

оно становится более самосохранным, не утрачивая при этом инструментальности, но уже в интересах ребенка.

Ключевые слова: забота о здоровье; неравенство в здоровье; практики заботы; ограниченные ресурсы

Введение

Жизненный стиль в отношении здоровья

Здоровье — это состояние благополучия, физического, психологического и социального, а также результат воздействия на человека связанных между собой биологических, социокультурных и экономических процессов на протяжении человеческой жизни. То, насколько резерв здоровья истощается с возрастом по прошествии времени, зависит как от установок и поведения человека, так и от доступности социальных возможностей [Лядова, 2020; Svalastog et al., 2017; Leonardi, 2018]. Оно становится не просто характеристикой, а ценностью, целью, к которой нужно стремиться. Фиксируя и анализируя изменение отношения индивидов к своему здоровью, исследователи вводят понятие «хелсизм» — морализацию здоровья в публичном пространстве, или массовое распространение программ, направленных на пропаганду здорового образа жизни [Crawford, 2006; Гольман, 2014]. Акцент на профилактику заболеваний вообще характерен для общества поздней современности. Консюмеризм и рефлексивная субъектная позиция так же являются признаками поздней современности, они во многом определяют отношение человека к медицине и взаимодействию с врачами. Рациональный, автономный субъект использует информацию, чтобы справиться с ситуацией неопределенности в болезни и лечении, а также с чувством зависимости, которое сопровождает пациента при обращении за медицинской помощью [Lupton, 1997]. Но важно подчеркнуть, что различия условий жизни и культурных паттернов будут определять степень рациональности в отношении здоровья, что неоднократно было показано исследователями этой темы [Cockerham, 2005; Рощина, 2016; Marmot, 2005; Гольман, 2014]. Практики самосохранительного поведения в большей степени характерны для представителей высокостатусных групп [Журавлева, 1988; Шилова, 1999], а с понижением уровня образования и доходов увеличивается инструментальное отношение к здоровью: телесное здоровье в большей степени рассматривается как ресурс для осуществления повседневных практик и трудовой деятельности [Mirowsky, Ross, 2003; Шилова, 1999]. Социальное неравенство, разные объемы ресурсов, обеспечивающих доступ к здравоохранению, неодинаковая ценность здоровья для людей разного статуса формируют и различия в показателях здоровья — к ним относятся продолжительность жизни, уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и т.д. [Marmot, 2005; Ross, 1995].

Понятие стиля жизни относительно здоровья У. Кокерхем разрабатывает на основании теории Э. Гидденса и П. Бурдьё. Дебаты о том, что именно

оказывает в большей степени влияние на формирование жизненного стиля относительно здоровья — действия агента или структурные ограничения — подвигают Кокерхема на создание концепции, которая бы учитывала агентно-структурные отношения и их влияние на практики поддержания здоровья. Под стилем жизни в отношении здоровья (*health life style*) автор понимает устойчивые паттерны поведения, формируемые коллективными ценностями и установками, но являющимися при этом также результатом личного выбора индивидов, оценивающих свои ресурсы, которые могут быть затрачены на заботу [Cockerham, 2005]. Индивиды оценивают вероятность удовлетворения своих потребностей и желаний и формируют стиль жизни в соответствии с социальными условиями и оценкой доступных им ресурсов. Реальные выборы основаны на том, что именно доступно индивиду согласно его субъективной оценке. У Кокерхем описывает модель поведения рационально выбирающего индивида, для которого здоровье является ценностью. По его мнению, люди стремятся быть здоровыми, осознанно выбирая то, как относиться к своему здоровью [Cockerham, 2005].

Забота о здоровье в семьях с ограниченными ресурсами: аналитический подход

Ежедневно люди совершают действия, направленные на улучшение или поддержание условий жизни. Понятие заботы в обыденной речи используется для обозначения повседневных практик по уходу и обслуживанию себя и других. В академическом лексиконе категория «забота» также присутствует, постепенно разрабатываются различные концепции заботы. Начиная с 1980-х годов феминистскими исследователями и исследовательницами через категорию «забота» осмысляются женские практики и опыт в приватной сфере. В настоящей статье под заботой подразумевается вид работы, направленный на сохранение и поддержание физического и социального благополучия, на предотвращение болезней и физических ограничений. Из перечисленного следует, что забота предполагает комплексное расходование материальных, физических, интеллектуальных и эмоциональных ресурсов, которые, в свою очередь, связаны воедино [Hochschild, 1979; Здравомыслова, Темкина, 2015]. Повседневными практиками улучшения и поддержания здоровья в семье заняты преимущественно женщины, трудясь для себя и других членов семьи, что связано с гендерным разделением труда — традиционным представлением о семейной роли женщины и культурными моделями женственности [Здравомыслова, Темкина, 2015; Чернова, 2011; Hochschild, 2003; Crawford, 2005; Гольман, 2014]. Исследователями отмечается, что в патриархатном обществе женщины несут основную ответственность за здоровье близких. Поддержание эмоционального и физического благополучия в семье и уход в случае болезни считаются традиционно женскими обязанностями. Жены и матери выполняют эту функцию, даже если они интенсивно вовлечены в профессиональную деятельность, обладают высоким социальным статусом и вносят существенный вклад в бюджет домохозяйства. Независимо от социального положения семьи забота о здоровье ее членов сопряжена с расходованием

финансовых средств, времени, физических и эмоциональных усилий. И в то же время практики заботы о здоровье характеризуют социально-классовое положение индивидов и групп [Шилова, 2000].

Привлечем для дальнейшего рассуждения концепт гендерного контракта. В современном обществе женщина включена в публичную сферу, играя роль работающей матери [Темкина, Роткирх, 2002]. Контракт «работающая мать» имеет свои особенности в семьях с низким доходом. Часто на женщине лежит двойная нагрузка: она обеспечивает основной доход семьи и одновременно выполняет функцию заботящегося, что сопряжено с гендерными ролями жены и матери. Двойная нагрузка в сочетании с ограниченными ресурсами может сформировать особую конфигурацию дефицита заботы в семье [Чернова, 2012; Hochschild, 2012], в том числе дефицит заботы о собственном здоровье. Как же сказывается такой недостаток ресурсов на практиках заботы? Для женщин с невысоким социальным статусом и сложными условиями труда характерна значительная эксплуатация собственного здоровья. Их забота о себе сводится к набору практик для соответствия внешним предписаниям и по обеспечению минимальных потребностей. Внешний контроль на них действует как механизм, принуждающий заботиться о своем благополучии [Шилова, 2000]. Поскольку забота о членах семьи является особым видом домашней работы, связанной с расходом физических, интеллектуальных и эмоциональных сил, мы можем предположить, что представительницы рассматриваемой социальной группы следуют режиму экономии ресурсов в отношении собственного здоровья. Российская исследовательница Л. Шилова называет такое отношение инструментальным, и далее мы используем это определение. Подобное отношение предполагает, что здоровье (и здоровое тело) рассматривается человеком исключительно в качестве средства для выполнения предписаний, связанных с ролью работающей матери. На фоне общего инструментального отношения к здоровью далее выстраиваются специфические практики заботы о себе и о здоровье близких.

Предмет исследования в настоящей статье — практики заботы о здоровье, которым следуют женщины с низким социально-профессиональным статусом в семьях без высшего образования, другими словами, в условиях ограниченных ресурсов. Нами была выбрана и изучена определенная совокупность практик семейной заботы, в том числе сопряженных с материнской ролью. Термин «забота» используется в исследовании не только для анализа тех практик, которым следуют женщины для поддержания здоровья членов семьи, но и для изучения их отношения к собственному здоровью. Из научной литературы известно, что репродуктивная медицина занимает особое место в жизненном цикле женщин [Inhorn, 2006]. Поэтому было выдвинуто предположение, что именно материнская роль и связанная с ней забота о репродукции и детях может изменять отношение женщин к собственному здоровью вопреки ограниченными ресурсам. Женщины, которые прежде обращались к врачам только в исключительных или специальных (рассмотренных далее) случаях, в период беременности, под влиянием строгих предписаний репродуктивной медицины начинают интенсивно беспокоиться

о своем состоянии. Но насколько? Ведь забота, практикуемая женщинами в семьях более низкого социального положения, существенно отличается от практик, распространенных в семьях среднего класса. Мы объединяем в общей концепции исследования идеи гендерного контракта с его предписаниями норм гендерного специфичного поведения, а также модель Кокерхема, которая учитывает влияние гендерной структуры на стиль жизни в отношении здоровья и встроены в него практики. Забота о здоровье рассматривается Кокерхемом на пересечении социальной и гендерной позиции, то есть интерсекционально. Изучая заботу о здоровье на микроуровне с учетом ее контекстуальной опосредованности, можно понять, как социальная стратификация находит свое отражение в повседневных (не) самосохраняющих практиках индивидов.

Дизайн исследования

Эмпирическое исследование выполнено в качественной парадигме с применением метода глубинного интервью. Основной этап состоялся в 2015 году. Было проведено 16 глубинных интервью с женщинами, жительницами Санкт-Петербурга, в возрасте от 25 до 45 лет. Кейсы сходны по характеристикам членов семей и их жизненных ситуаций. Основным критерием отбора стало отсутствие высшего образования у взрослых членов семей информанток. Все информантки проживают с партнером (из них 7 состоят в зарегистрированном браке). В каждой семье есть один или два ребенка в возрасте до 18 лет. Важно отметить, что часто их партнеры не были в состоянии работать по разным причинам (тюремного заключения, депортации), а порой требовали к себе особого внимания или же партнерство не являлось стабильным. В таких случаях информантки увеличивали свою трудовую нагрузку для поддержания семейного дохода на приемлемом уровне.

Информантки и взрослые члены их семей заняты в тех сферах, которые характеризуются физически тяжелыми условиями труда и большими нагрузками, ненормированным графиком работы, включая двенадцатичасовой рабочий день, сверхурочную работу, ночные смены, а также некомфортными бытовыми условиями (работа в холодных и сырых помещениях с отсутствием гигиенических удобств).

Женщины, с которыми проводились интервью, работают администраторами продуктовых магазинов, курьерами, уборщицами, дворниками. Все они официально трудоустроены и имеют соответствующие социальные гарантии: есть возможность оформлять больничные листы и отпуск. Однако информантки редко пользуются ими: денежная компенсация предпочтительнее отпуска (в тот период времени, когда это предусматривалось законодательством), а во время нетяжелой болезни они не обращаются за медицинской помощью и продолжают работать. Среднемесячный доход женщин варьируется от 25 до 32 тысяч рублей (в 2015 году). Мужчины в этих семьях тоже заняты физически тяжелым трудом. Они работают в охранных предприятиях, дворниками, грузчиками, водителями, сварщиками. В некоторых случаях единственным работающим членом семьи является женщина. В выборку были включены

случаи, характеризующиеся серьезными проблемами со здоровьем у мужчин (наличие инвалидности), а некоторые партнеры злоупотребляли алкоголем.

Условия проживания у семей разные. Шесть семей снимают комнату или квартиру. Две семьи проживают вместе с родителями, четыре имеют свое жилье. В четырех случаях информанты живут в собственных квартирах, которые получили, переехав в Санкт-Петербург 15–20 лет назад и устроившись на работу дворниками. За прошедшие годы работы не по профессии они потеряли квалификацию и уже не могут вернуться к работе по специальности (например, швеи или повара-кондитера). Важно отметить, что только трое из информанток родились и выросли в Санкт-Петербурге, остальные тринадцать переехали из Ленинградской области или других регионов России.

Интервью проходили дома у информанток, во время прогулки информанток с ребенком и на их рабочем месте.

Обобщенный социальный портрет информантки: женщина среднего возраста с мужем (партнером) и детьми, переехавшая в Санкт-Петербург из другого российского региона, не имеющая или утратившая специальность, без высшего образования, занятая физическим трудом или работающая в сфере услуг по официальному найму. Ее заработок (в некоторых случаях информантка является единственным добытчиком в семье) составляет около 30 тысяч рублей. Условия труда можно охарактеризовать как некомфортные. Мужья (партнеры) также заняты трудом, не требующим высокой квалификации.

Свое здоровье женщины оценивают в целом как хорошее. Хронические заболевания, которые бы затрудняли им ежедневные обязанности, у информанток отсутствуют.

Результаты исследования

Стиль жизни относительно здоровья в условиях ограниченных ресурсов

Отсутствие образования выступает структурным ограничением, снижающим жизненные шансы человека на получение социальных благ [Ross, Mirowsky, 2011]. Информантки, с которыми проводились интервью, занимают позиции с низким социально-профессиональным статусом, их условия труда можно охарактеризовать как некомфортные. Такие работники находятся в уязвимом положении. Во-первых, они выполняют трудовые задачи в условиях, которые прямо или косвенно могут наносить вред их здоровью. При этом даже такое рабочее место не является гарантированным. В интервью женщины выражают опасения потерять работу и обсуждают сложности с поиском новой. Они стараются приспособиться к условиям и имеющимся неудобствам, выстраивая свой рабочий процесс с учетом.

Представители низших социальных слоев имеют более короткую продолжительность жизни, среди них выше смертность из-за заболеваний,

требующих простой профилактики или регулярного ухода [Ross, Mirowsky, 2011; Рощина, 2016]. В этих социальных группах не получают распространение практики регулярной заботы о здоровье, отсутствуют ресурсы, необходимые для того, чтобы систематически контролировать и поддерживать свое здоровье и здоровье близких. Невнимание к своему здоровью определяется в том числе их «ценностями и нормами относительно здоровья и болезни» [Аронсон, 2009]. «Чувствовать себя хорошо» — это не самостоятельная ценность для представителей данной группы, а инструментальный ресурс, востребованный при осуществлении повседневных практик ухода и заботы за членами семьи, а также работы для поддержания финансового благополучия. Пока индивиды из этой социальной группы способны осуществлять свою повседневную деятельность, они склонны не обращаться за медицинской помощью [Шилова, 2000].

В проведенном исследовании мы получили не только подтверждение тезиса об инструментальном отношении к здоровью со стороны представительниц малообразованных групп, но и объяснение такого отношения. Оно связано с отсутствием времени и физических сил, нежеланием терять заработок, а также с второстепенной ценностью здоровья для самих женщин.

Переболеть «на ногах»

Болея, информантки отдают предпочтение «симптоматическому лечению», позволяющему им не прерывать работу и не снижать заработок:

«Я не лечу причину. Я получаю временное облегчение. Я лечу симптомы, кажется, это так называется... И все. Что мне и нужно. Мне нужно только одно — отработать свои 12 часов, свою смену, прийти домой и лечь спать. Для того чтобы отработать, я принимаю те же мази, там, таблетки» (Ольга, 35 лет).

«В больничном как-то по-особому считается, по среднему, и стаж... И проболеешь ты пять дней... потеряешь процентов тридцать от выработки за период болезни... Надо мне это? Тем более если это несерьезно, то вполне в магазине можно находиться. Дома я все равно лежать не буду» (Татьяна, 32 года).

«Нормализация» болезни

Информантки «нормализуют» свое плохое самочувствие, вследствие чего болезнь рассматривается ими как привычная часть повседневной жизни и не считается препятствием для выполнения рабочих и домашних обязанностей.

«...Мы настолько привыкли, может быть, даже не замечаем свои болячки. Но мы в принципе не боеем, за исключением пореза пальца, простудных заболеваний» (Татьяна, 32 года).

Самолечение

Имея проблемы со здоровьем, женщины предпочитают самолечение, ориентируясь на рекомендации фармацевта в аптеке и на свой опыт.

«Если что-то неизвестно, вот у меня были на лице какие-то пятна, я подхожу в аптеку, спрашиваю: „Не знаете, у меня какое-то раздражение...“ Советуют» (Ольга, 35 лет).

«Желудок болит — тоже знаю, что жирное поела. Чего по врачам идти? То, что у меня гастрит, я и без врачей знаю» (Елена, 28 лет).

Информантки прибегают к практикам самолечения и стараются избежать посещения медицинского учреждения. Если все-таки они обращаются к врачу и оформляют больничный лист, то следуют медицинским назначениям избирательно, полагая, что последние могут иметь отдаленные непредвиденные последствия для их здоровья.

Фатализм

В целом информантки склонны фаталистически воспринимать собственную жизнь и здоровье — рассматривать здоровье как естественный, генетически заданный, истощаемый в течение жизни из-за работы ресурс.

«У меня очень сильно болит спина, тем более я сейчас набрала такой вес... Я не смогу делать так, как они [врачи] говорят: соблюдать диеты, не есть того, не есть этого. У кого-то хватает сил, воли — у меня не хватает. Я считаю, сколько мне отведено — столько я отживу. Прожить больше не смогу. [Независимо от того] стану ли я жить на одной манке или жрать килограммами сало! Если дано два месяца прожить, то хоть тонну манки съешь, все равно через два месяца... Я не любитель — я не обращаюсь к врачам» (Ольга, 35 лет).

Избегание врача

В рассматриваемой группе не было обнаружено ни одного случая, когда бы женщины говорили об обеспечении здоровья в долгосрочной перспективе или о профилактике заболеваний. Они активно используют словосочетание «плохое самочувствие», обозначая им разнообразные недомогания, которые, по их мнению, не требуют врачебного вмешательства. Подобная интерпретация заболеваний позволяет им считать себя «здоровыми». Женщины продолжают питаться привычным образом (хотя не считают такое питание полезным и здоровым), не посещают медицинские учреждения и работают в условиях, которые наносят постоянный вред их здоровью.

«У меня общая [рабочая] площадь 640 квадратных метров. Это все не отапливается. Туалета у нас нет. Нет отопления, это складское

помещение. Ты приходишь — это склад, где выставлен товар, где можно купить» (Ольга, 35 лет).

«С 6 утра в согнутом состоянии... И погреться не всегда есть [возможность], если на улице холодно. А еще перебрасывают с участка на участок, особенно если проверки... вот и увеличивается нагрузка. А сказать „нет“ не можешь...» (Вера, 39 лет).

«Смена ночная с 10 вечера до 6 утра. И ты все это время проводишь на ногах, следя за торговым залом. Иногда бывает тихо, а иногда не присесть...» (Елена, 28 лет).

Однако существуют ситуации, в которых женщины обращаются за медицинской помощью, а порой даже вкладывают деньги в поддержание своего здоровья. Можно выделить следующие факторы, способствующие изменению отношения информанток к собственному здоровью: 1) внешнее принуждение, чаще всего со стороны работодателя; 2) беременность, роды и уход за новорожденным.

Внешнее принуждение к обращению за медпомощью

Рассмотрим первую из этих групп обстоятельств. Информантки прикладывают усилия и изыскивают возможности, чтобы улучшить состояние своего здоровья, если такие действия способствуют сохранению работы и заработка. Стигма больного, ненадежного работника может привести к затруднениям во взаимодействиях с начальством и в конечном счете к потере дохода. Угроза лишиться работы вынуждает информанток тщательнее следить за своим здоровьем и прибегать к медицинской помощи.

Наряду с этим обращение к врачу происходит, когда необходимо предоставить медицинскую справку по месту работы. Однако в этом случае взаимодействие с медицинским персоналом нередко остается формальностью, если женщина сама не стремится получить качественные медицинские услуги.

«Естественно, от работы комиссию проходим, положено, все-таки магазин, сфера обслуживания. Комиссию прохожу, врачей всех полностью» (Татьяна, 32 года).

«Это галочка, правильно. Руководство заключает с медицинским учреждением какой-то договор, и они начинают оплачивать. Руководство только исключительно для галочки... Если ты такой человек, который любит справедливость, знает свои права... ты приходишь и говоришь: вы обязаны мне, и все тут... Но я так не делаю» (Марина, 35 лет).

Обращение к медикам (стоматологу) может быть вызвано и другими требованиями организации, где работают информантки, например, ожиданиями касательно внешнего вида работников.

«Зубы я сделала только из-за того, что, грубо говоря, начальство на работе замечание сделало. Сказало, что пора... Ну, взяла денежку, поехала. Туда ездила... домой. Я поставила себе три зуба всего за семь с половиной тысяч. Это здесь бы я три зуба поставила за двадцать семь, а там я делала в частной клинике... Я не делала в общей. Сделала зубы за две недели... то есть я в отпуск ездила и поставила себе зубы. И если бы мне начальство на работе в открытую не стало намекать, что пора сделать рот, то я не пошла бы...» (Ольга, 35 лет).

Таким образом, для заботы о здоровье в данной социальной группе важен внешний агент. Именно давление и контроль со стороны нанимателя или непосредственного начальника выступают в качестве механизма, стимулирующего женщин к заботе о своем состоянии. Работоспособность — это важный инструмент поддержания статуса наемного работника. Избегание увольнения заставляет информанток в условиях ограниченных ресурсов находить способы восстанавливать свою работоспособность, здоровье.

Практики заботы о репродуктивном здоровье

Разительный контраст с общим инструментальным отношением информанток к собственному здоровью представляют практики заботы о будущем ребенке во время беременности. Общее пренебрежение здоровьем контрастирует с более внимательным отношением к здоровью будущих детей. Здоровье ребенка становится для женщин значимой ценностью, связанной с материнской идентичностью и предписаниями традиционной гендерной роли [Inhorn, 2006]. Информантки подчеркивают значимость здоровья детей — в отличие от своего собственного.

«Для меня нет давно понятия “мое здоровье”. — “А что есть?” — “Здоровье дочери”» (Ольга, 35 лет).

Из ранее проведенных исследований известно, что регулярная забота о детях начинается с заботы о своем репродуктивном здоровье в период беременности. Помимо явной функции лечения или наблюдения медицинские институты имеют также латентную функцию социального контроля, и этим обеспечивают усвоение населением представлений о том, что такое болезнь и в каких случаях без профессиональных медиков не обойтись. На стадии беременности женщины стараются выполнять предписания врача, чтобы не навредить ребенку до родов и после них. Появляется чувство ответственности, связанное с ролью матери. Материнство воспринимается информантками как предназначение женщины, а беременность в качестве первой стадии материнства ассоциируется с более осознанным отношением к своему здоровью.

Опрошенные нами информантки наблюдались в женской консультации по месту жительства и посещали врача после рождения ребенка. Такой дисциплинирующий эффект объясняется еще и тем, что все расходы на медицинскую

помощь беременным берет на себя государство. Поэтому женщины из малоресурсных групп следуют предписанной «карьере» беременной в рамках государственных медицинских учреждений.

«Забеременела, встала на учет. ...Дали мне срок в январе — 15 января. Я родила пораньше, 28 декабря. Уехала сразу — забрала “скорая”. Роды быстро прошли, сразу родила» (Елена, 28 лет).

Подготовка к родам предполагает обращение не только к гинекологу, но и к медицинским специалистам разного профиля.

«Когда с ней ходила беременная, и то, потому что это было необходимо. По назначению. Есть врачи, которых обязательно надо пройти за всю беременность хотя бы раз» (Ирина, около 27 лет).

Как показывают другие источники, к платным услугам женщины из малоресурсных групп обращаются только в тех случаях, когда не удается получить бесплатный минимум, положенный по законодательству и оплачиваемый за счет ОМС. Так, исследовательница А. Рочева показывает, что трудности в доступе к медицинской помощи возникают у трудовых мигрантов при переезде из одной страны в другую. [Рочева, 2014]. Аналогичную историю рассказывает информантка, которая переехала из Казахстана обратно в Санкт-Петербург к родителям.

«Там [в Казахстане] пошла в консультацию примерно на 6-й неделе, встала на учет. Когда через 3 месяца вернулась [в Санкт-Петербург] на 14-й неделе, я не могла встать на учет в местную консультацию, потому что бумажная волокита. Надо иметь прописку питерскую и так далее. А когда уже на 30-й неделе беременности сделали прописку, на 32-й я уже пошла в нашу консультацию. Но ходила в платную клинику “Феликс”, сдавала там анализы, УЗИ делала» (Ирина, 27 лет).

Во время беременности практики заботы женщин о собственном здоровье претерпевают существенные изменения. Однако, как показывают исследования, их действия отличаются от тех, которые предпринимают будущие матери с более высоким совокупным капиталом. Отношение женщин среднего класса к бесплатному сегменту репродуктивной медицины и к работающим в нем специалистам в целом характеризуется недоверием — они тщательно планируют беременность и роды, склонны выбирать врачей и роддом, порой готовы платить за это [Темкина, 2016]. Информантки, участвовавшие в нашем исследовании, напротив, оценивают такие связанные с родами практики выбора как «причуды». Обращение к сегменту медицинских услуг, покрываемому ОМС, создает социально и экономически символическую границу, отделяющую женщин из малоресурсных групп от привилегированных слоев. Никто из информанток не упоминал посещение каких-либо платных или даже

бесплатных курсов по подготовке к родам, посещение бассейна перед родами или желание рожать в более комфортных условиях (отдельной палате, в присутствии партнера и т.п.).

«У нас нет таких причуд: платный — не платный [роддом]. Мы не вели платное акушерство. Был свободный роддом — туда мы и поехали на ул. В. на „скорой“. Без причуд...» (Ирина, 27 лет).

«Я не жалею, нормальный роддом. Особо много их и не видала — у меня первые роды, первый ребенок, первая беременность. В принципе, нормально, родила быстро» (Елена, 28 лет).

«А я с ней родила бесплатно, тьфу-тьфу-тьфу, сказочно. У меня была классная бригада — реально очень хорошая» (Марина, 35 лет).

Приведенные цитаты подчеркивают неизбирательность информанток по отношению к медицинским учреждениям и врачам. В этом их отличие от образованных представительниц среднего класса, которые зачастую готовы платно рожать в том медицинском учреждении, которое отвечает их требованиям. Информантки в течение беременности стремились повысить степень своей информированности о предстоящем опыте деторождения: активно пользовались интернет-ресурсами, с тем чтобы найти информацию и пообщаться на форумах с женщинами, которые уже рожали или тоже готовятся к родам. Такое обращение к источникам информации в сети сходно с поведением образованных женщин, но есть существенное отличие. Когда дело доходит до источников, требующих инвестиций (деньгами или временем), женщины из рассматриваемой группы не обращаются к ним.

«...Первая беременность, я не знаю, что, куда идти... В этом плане я общалась на форумах, с девчонками переписывались, у кого как проходили роды, всякие симптомы — это само собой» (Елена, 28 лет).

В период беременности женщины готовы менять свой стиль жизни и практики относительно здоровья. Например, шесть информанток с началом беременности отказались от курения.

«Курить — не курила, бросала во время беременности. Когда узнала, что я точно беременная, сразу же резко бросила курить. За всю свою беременность я выкурила только одну сигарету, муж сам дал, чтобы я смогла успокоиться. А до этого я уже курила четыре года. Я начала курить, мне было 16 лет» (Ольга, 35 лет).

Таким образом, репродуктивное здоровье выделяется ими в отдельную сферу, в рамках которой забота по отношению к себе и будущему ребенку осуществляется интенсивнее, внимательнее. Во время беременности все

информантки обращались за медицинской помощью. Некоторые их практики сходны с практиками женщин, занимающих более высокие социальные позиции: они обращаются к источникам за дополнительной информацией, через интернет общаются с другими женщинами по вопросам ухода за ребенком и перепроверяют назначения врачей.

Данная тенденция сохраняется далее и в практиках заботы о здоровье детей младшего возраста. Исходя из доступных ресурсов, информантки выработывают тактики заботы о детях, совмещая такую заботу с оплачиваемой работой. Они стараются найти заработок, позволяющий не разлучаться с ребенком (организуют дома совместную детскую группу, устраиваются на работу курьером, что дает возможность гулять с ребенком, и т. п.). Другой способ найти баланс между оплачиваемой занятостью и заботой о ребенке — выбор ночных смен. В это время ребенок спит, а присмотр за ним осуществляют старшие дети или соседи по квартире.

Опрошенным матерям недоступны способы выстраивания баланса профессиональной и семейной роли, которые получают распространение в ресурсных группах среднего класса. У информанток отсутствует возможность оплачивать работу няни или частного детского сада. Они не могут даже временно отказаться от заработка, чтобы всецело посвятить себя материнству, поскольку их зарплата является основным вкладом в небольшой бюджет домохозяйства, а иногда и единственным источником дохода.

Заключение

Мы представили результаты исследования заботы малоресурсных женщин о своем здоровье. Условия труда и недостаток ресурсов оказывают влияние на их жизненный стиль в отношении здоровья и, как следствие, инструментализируют его. Отсутствие образования и квалификации приводят к тому, что информантки заняты на малооплачиваемой работе с тяжелыми условиями труда.

Причины, по которым информантки вынуждены увеличивать свою трудовую нагрузку, это неработающий партнер, нередко требующий к себе особого отношения, или условия нестабильного партнерства. Именно интенсификация занятости поглощает основные физические и временные ресурсы опрошенных женщин. Данная группа отличается не столько «бедностью» (их доход, часто хотя и ниже, но в целом приближается к среднему по Петербургу), сколько неблагоприятным режимом и условиями труда, а также отсутствием возможности следовать практикам обеспечения жизненного стиля в отношении здоровья, получившим распространение в среднем классе.

Представители малоресурсных групп в большей степени демонстрируют инструментальное отношение к собственному здоровью: для них оно выступает ресурсом, позволяющим получить (малоквалифицированную) работу и обеспечить доход. Такое отношение к здоровью обуславливает стратегию

избегания обращения к услугам медицинских учреждений. Женщины всеми доступными способами стараются решить возникающие проблемы самостоятельно, без отрыва от трудовой деятельности. Задействовав агентно-структурный подход, мы видим, что в условиях жестких структурных ограничений опрошенные женщины не имеют намерений и возможностей инвестировать в свое здоровье, полагая его не терминальной, а инструментальной ценностью. Итак, что именно может их заставить преодолевать или обходить структурные ограничения, сообщая ценность собственному здоровью?

Их оценки состояния своего здоровья зависят от того, могут ли женщины продолжать работать в обычном режиме, кроме того, ими выделяется особое состояние — «плохое самочувствие», или «недомогание». Это состояние, однако, не рассматривается информантками как серьезная проблема, требующая перерыва в работе и обращения за врачебной помощью. Они находят альтернативное лечение, обращаясь за советом к родственникам и знакомым, к фармацевтам, к доступной информации в интернете. Причинами обращения в медицинские учреждения становятся либо кризисные состояния здоровья, либо внешние требования, предъявляемые по месту работы. Женщины делают флюорографию, чтобы оформить санитарную книжку, и проходят ежегодный медицинский осмотр. В целом практики информанток не предполагают профилактики заболеваний, долгосрочных инвестиций в здоровье или изменения стиля жизни.

Отношение к здоровью меняется, когда наступает беременность: женщины начинают следовать как социально-культурным нормам материнской роли, так и предписаниям институциональной репродуктивной медицины. В этот период они особенно тщательно контролируют свое состояние, ассоциируемое ими со здоровьем будущего ребенка, и это тоже проявление инструментального отношения к своему телу.

Если поразмышлять о тех способах, которыми можно было бы переломить подобную несамосохранную практику, то, возможно, включение в школьную программу образовательных элементов, связанных с аспектами здоровья и заботы о нем, могло бы сформировать его более высокую ценность как у мужчин, так и у женщин. Знания о повседневных практиках заботы и достоверная информация о них позволят сохранять и поддерживать здоровье людей в долгосрочной перспективе. Более того, знания у мужчин и их включенность в заботу о своем здоровье и здоровье детей могли бы снизить нагрузку на женщину как основного агента заботы в семье. Высокая ценность здоровья и знания о нем могут иметь важное значение для человека, оказавшегося в уязвимом положении, в сложной жизненной ситуации, в условиях ограниченных ресурсов.

Необходимо оговориться о важном ограничении проведенного нами исследования. Интервью с информантками проводились в далеком 2015 году. Пандемия COVID-19 внесла изменения в устройство системы здравоохранения и практики заботы о здоровье для всех слоев населения. Тем не менее на сегодняшний день в России мало исследований, которые бы были сфокусированы

на здоровье такой уязвимой группы, как женщины без высшего образования (в условиях ограниченных ресурсов). Поэтому, несмотря на отсроченную публикацию результатов наше исследование вносит вклад в обсуждение мотивов того или иного несамосохранного поведения людей в период пандемии (например, отказ от ношения масок, (не)соблюдение режима изоляции, отношение к вакцинации и т.д.).

Благодарность

Выражаю огромную благодарность Анне Темкиной и Екатерине Бороздиной, которые в далеком 2015 году обсуждали со мной текст, критиковали и поддерживали мое исследование.

Литература

Аронсон П. Стратегии обращения за медицинской помощью и социальное неравенство в современной России // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского Университета, 2009. С. 155–178.

Гольман Е. А. Новое понимание здоровья в политике и повседневности: истоки, актуальные направления проблематизации // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 503–523. EDN: [TMZWZL](#)

Журавлева И. В. Здоровье и самосохранительное поведение // Население и общественное развитие / Под. ред. Т. Д. Иванова. М.: Ин-т социологии РАН, 1988. С. 156–167. EDN: [VLWPHD](#)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского Университета, 2015. EDN: [YWPCTY](#)

Лядова А. В. Социальное неравенство в отношении здоровья: сущность, источники и особенности проявления в современном обществе: Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020.

Рочева А. Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 367–380. EDN: [TMZWQF](#)

Рощина Я. М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3. С. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-3-13-36> EDN: [WCOIRV](#)

Темкина А. А. Оплачиваемая забота и безопасность: что продается и покупается в родильных домах? // Социология власти. 2016. Т. 28. № 1. С. 76–106.

Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–14.

Чернова Ж. В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318. EDN: [OIVUJR](#)

Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 295–308. EDN: [PFEWNP](#)

Шилова Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 134–140. EDN: [WLCUOP](#)

Шилова Л. С. Трансформация самосохранительного поведения // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 84–92. EDN: [XSFVXT](#)

Cockerham W. C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behavior. 2005. Vol. 46. № 1. P. 51–67. DOI: <https://doi.org/10.1177/002214650504600105>

Crawford R. Health as a Meaningful Social Practice // Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine. 2006. Vol. 10. № 4. P. 401–420. DOI: <https://doi.org/10.1177/1363459306067310>

Hochschild A. R. The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work. London: University of California Press, 2003.

Hochschild A. R., Machung A. The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home. London: Penguin Books, 2012.

Hochschild A. R. Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. № 3. P. 551–575. DOI: <https://doi.org/10.1086/227049>

Inhorn M. C. Defining Women's Health: a Dozen Messages from More than 150 Ethnographies // Medical Anthropology Quarterly. 2006. Vol. 20. № 3. P. 345–378. DOI: <https://doi.org/10.1525/maq.2006.20.3.345>

Leonardi F. The Definition of Health: Towards New Perspectives // International Journal of Health Services. 2018. Vol. 48 № 4. P. 735–748. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020731418782653>

Lupton D. Consumerism, Reflexivity and the Medical Encounter // Social Science & Medicine. 1997. Vol. 45. № 3. P. 373–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(96\)00353-X](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(96)00353-X)

Marmot M. Social Determinants of Health Inequalities // The Lancet. 2005. Vol. 365. № 9464. P. 1099–1104. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(05\)71146-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)71146-6)

Mirowsky J., Ross C. E. Social Causes of Psychological Distress. New York: Routledge, 2003. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315129464>

Ross C. E., Mirowsky J. The Interaction of Personal and Parental Education on Health // Social Science & Medicine. 2011. Vol. 72. № 4. P. 591–599. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socsci-med.2010.11.028>

Ross C. E., Wu C. L. The Links Between Education and Health // American Sociological Review. 1995. Vol. 60. № 5. P. 719–745. DOI: <https://doi.org/10.2307/2096319>

Svalastog A. L., Donev D., Kristoffersen N. J., Gajović S. Concepts and Definitions of Health and Health-Related Values in the Knowledge Landscapes of the Digital Society // Croatian Medical Journal. 2017. Vol. 58. № 6. P. 431–435. DOI: <https://doi.org/10.3325%2Fcmj.2017.58.431>

Сведения об авторе:

Ходоренко Дарья Константиновна — младший научный сотрудник, сектор социологии здоровья, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН; аналитик, научно-учебная лаборатория «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** khodasha@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 940437; **ORCID:** 0000-0001-7162-7511; **ResearcherID:** P-5083-2017.

Статья поступила в редакцию: 16.08.2023

Принята к публикации: 17.09.2023

БАК: 5.4.4

Taking Care of Family Members' Health Provided by Women in Low-Resource Conditions

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.5

Daria K. Khodorenko Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS;
HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: khodasha@gmail.com

The article analyzes the practices of caring for the health of women from families with low socio-professional status. The study uses the analytical category of “care”, which is understood as a special type of household work aimed at maintaining and preserving one’s health and the health of family members. To analyze health practices, the concept of “health lifestyle”, developed in the sociology of medicine, is used. The empirical basis consists of 16 interviews conducted in St. Petersburg with women from families whose members do not have higher education and are employed in jobs with unfavorable working conditions (according to the informants). The study asked the question in what situations and how women belonging to this group take care of their health. Women with low socio-professional status, caring for loved ones, rarely seek medical help for themselves. Their attitude towards their own health can be described as instrumental. It was found that in the context of the experience of motherhood, the attitude towards health changes, it becomes more self-preserving, without losing its instrumentality, but in the interests of the child.

Keywords: health care; health inequality; caring practices; limited resources

References

- Aronson P. (2009) Strategii obrascheniya za medetsinskoy pomoschyu i sotsialnoe neravenstvo v sovremennoy Rossii [Strategies of Health-Care and Social Inequality in Modern Russia]. In: E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds.) *Zdorove i doverie: Genderny podkhod k reproduktivnoy medetsine* [Health and Trust: a Gender Perspective in Reproductive Medicine]. St. Petersburg: European University Press. P. 155–178. (In Russ.)
- Chernova Z.V. (2011) Kto, o kom i na kakikh usloviyakh dolzhen zabotitsya? Gendernyy analiz rezhimov zaboty i semeynoy politiki [Who Should Care for Whom and Under Which Conditions? Gender Analysis of Care Regimes and Family Policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 9. No. 3. P. 295–318. (In Russ.)
- Chernova Z.V. (2012) Balans semi i raboty: politika i individual'nye strategii materei [The Work-Family Balance: Policy and Individual Mothers' Strategies]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 10. No. 3. P. 295–308. (In Russ.)
- Cockerham W.C. (2005) Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 46. No. 1. P. 51–67. DOI: <https://doi.org/10.1177/002214650504600105>
- Crawford R. (2006) Health as a Meaningful Social Practice. *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*. Vol. 10. No. 4. P. 401–420. DOI: <https://doi.org/10.1177/1363459306067310>
- Golman E.A. (2014) Novoe ponimanie zdorovia v politike i povsednevnosti: istoki, aktual'nye napravleniia problematizatsii [New Health Consciousness in Policy and Everyday Life: Origins, Main Directions for Problematization]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 4. P. 503–523. (In Russ.)

Hochschild A.R. (1979). Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure. *American Journal of Sociology*. Vol. 85. No. 3. P. 551–575.

Hochschild A.R. (2003) *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. London: University of California Press.

Hochschild A.R., Machung A. (2012) *The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home*. London: Penguin Books.

Inhorn M. C. (2006) Defining Women's Health: a Dozen Messages from More than 150 Ethnographies. *Medical Anthropology Quarterly*. Vol. 20. No. 3. P. 345–378. DOI: <https://doi.org/10.1525/maq.2006.20.3.345>

Leonardi F. (2018) The Definition of Health: Towards New Perspectives. *International Journal of Health Services*. Vol. 48. No. 4. P. 735–748. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020731418782653>

Lupton D. (1997) Consumerism, Reflexivity and the Medical Encounter. *Social Science & Medicine*. Vol. 45. No. 3. P. 373–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(96\)00353-X](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(96)00353-X)

Lyadova A.V. (2020) *Sotsialnoe neravnstvo v otnoshenii zdorovya: sushchnost, istochnik i osobennosti proyavleniya v sovremennom obshchestve: Diss. ... kand. sots. nauk: 22.00.04.* [Social Inequality in Relation to Health: Essence, Source and Features of Manifestation in Modern Society. Thesis for the Degree of Candidate of Sociological Sciences. 22.00.04.]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.

Marmot M. (2005) Social Determinants of Health Inequalities. *The Lancet*. Vol. 365. No. 9464. P. 1099–1104. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(05\)71146-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)71146-6)

Mirowsky J., Ross C.E. (2003) *Social Causes of Psychological Distress*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315129464>

Rocheva A.L. (2014) "Ponayekhali tut" v roddomakh Rossii: issledovaniye rezhima stratifitsirovanogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve ["A Swarm of Migrants in our Maternity Clinics!": The Study of Stratified Reproduction Regime in the Case of Kyrgyz Migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 3. P. 367–380. (In Russ.)

Roshchina Y.M. (2016) Stil zhizni v otnoshenii zdorovya: imeet li znachenie sotsialnoe neravnstvo? [Health-Related Lifestyle: Does Social Inequality Matter?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 17. No. 3. P. 13–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-3-13-36>

Ross C.E., Mirowsky J. (2011) The Interaction of Personal and Parental Education on Health. *Social Science & Medicine*. Vol. 72. No. 4. P. 591–599. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.11.028>

Ross C.E., Wu C.L. (1995) The Links Between Education and Health. *American Sociological Review*. Vol. 60. No. 5. P. 719–745. DOI: <https://doi.org/10.2307/2096319>

Svalastog A.L., Donev D., Kristoffersen N.J., Gajović S. (2017). Concepts and Definitions of Health and Health-Related Values in the Knowledge Landscapes of the Digital Society. *Croatian Medical Journal*. Vol. 58. No. 6. P. 431–435. DOI: <https://doi.org/10.3325%2Fcmj.2017.58.431>

Shilova L.S. (1999) Transformaciya samosohranitelnogo povedeniya [Transformation of Self-Preservation Behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. P. 84–92. (In Russ.)

Shilova L.S. (2000) Transformaciya zhenskoj modeli samosohranitelnogo povedeniya [Changes in the Female Model of Self-Care Behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological Studies]. No. 11. P. 134–140. (In Russ.)

Temkina A.A. (2016) Oplachivaemaya zabota i bezopasnost: chto prodatsya i pokupaetsya v rodil'nykh domakh? [Paid Care and Safety: What Is on Purchase in Maternity Hospitals?]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 28. No. 1. P. 76–106. (In Russ.)

Temkina A.A., Rotkirkh A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ih transformaciya v sovremennoj Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11. P. 4–14. (In Russ.)

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2015) *12 leksii po gendernoi sociologii: uchebnoe posobie* [12 Lectures on Sociology of Gender: a Tutorial]. St. Petersburg: Izdatelstvo Evropeiskogo Universiteta. (In Russ.)

Zhuravleva I.V. (1998) Zdorove i samosokhranitelnoe povedenie [Health and Self-Preserving Behavior]. In: T.D. Ivanova (ed.), *Naselenie i obshchestvennoe razvitie* [Population and Social Development]. Moscow: Institut sociologii RAN. P. 156–167. (In Russ.)

Author Bio:

Daria K. Khodorenko — Junior Researcher, Department on Sociology of Health, Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS; Analyst, Laboratory of Sociology in Education and Science, HSE University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: khodasha@gmail.com. **RSCI Author ID:** [940437](#); **ORCID:** [0000-0001-7162-7511](#); **ResearcherID:** [P-5083-2017](#).

Received: 16.08.2023

Accepted: 17.09.2023

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.6
EDN: RQUCBC

Оценка экономической эффективности социальных технологий: потенциал когнитивного интервью

Ссылка для цитирования:

Сабля А. А. Оценка экономической эффективности социальных технологий: потенциал когнитивного интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 1. С. 107–128. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.6> EDN: RQUCBC

For citation:

Sablya A. A. (2024) Assessing the Economic Effectiveness of Social Technologies: Potential of a Cognitive Interview. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 1. P. 107–128. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.6>

Сабля Алексей Александрович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: asablya@hse.ru

В статье¹ рассматривается 7-аспектная модель М. Шрайнера и его коллег по оценке экономической эффективности социальных программ на примере технологии «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка». Методом служит когнитивное интервью с экспертом, внедряющим данную социальную технологию, с помощью которого автор проверяет, насколько корректно были эксплицированы аспекты эвалюативной модели Шрайнера, насколько адекватно отечественному контексту воспринимаются отраженные в модели понятия и связанные с ними смыслы, а также насколько исчерпывающи предложенные элементы модели. Помимо этого, отдельное внимание уделяется возможности применения данной оценочной модели в рамках российской практики социальной работы. Учитывая контекст и оцениваемую технологию, в интервью помимо вопросов, направленных на аспекты эвалюативной модели, интегрируется блок вопросов, связанных с влиянием менеджмента на эффективность социального вмешательства. В результате проведенного

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант № 2228–20490 «Семья на краю: пределы и возможности социально-технологической интервенции в профилактике социального сиротства»).

анализа предлагаются уточнения как по когнитивному переосмыслению инструментария, так и самой базовой модели Шрайнера. Обосновывается необходимость модернизации модели М. Шрайнера и включения в нее новых переменных, которые могут влиять на итоговую экономическую эффективность социальной технологии.

Ключевые слова: когнитивное интервью; оценка эффективности социальной технологии; экономическая эффективность; модель Шрайнера

Введение

Одним из ключевых аспектов социальных политик разных стран является переход на неолиберальный режим [Baines, 2004; Dominelli, 1999], который значимо изменил формат социальной работы. Это подтверждается снижением уровня вовлеченности государства в жизнь отдельных индивидов, выбором курса минимизации затрат на социальную работу при максимизации результатов, переориентацией постфактического режима социальной работы с проблемным случаем на применение превентивных мер [Mitendorf, Ewijk, 2017; Esping-Andersen, 1990]. Исследуя основания вышеописанных трансформаций, нужно отметить, что эти тенденции тесно связаны с финансированием и экономической эффективностью, стимулируя необходимость развития эвалюативного¹ (оценочного) дискурса.

Оценка социальной работы и практики социальных интервенций развиваются как некое совокупное знание, которое можно использовать для повышения общего уровня благосостояния граждан и достижения социально справедливых результатов [Wronka, 2008]. Несмотря на общий неолиберальный курс социальной политики, страны развивают не только «индивидуальные» социальные программы, но и свои собственные модели для их эвалюации, направленные на анализ эффективности, качества, экономичности, к примеру, Великобритания — межведомственную систему оценки [Holland, 2011], США и Канада — актуарные модели [Holland, 2011; Terrion, Hogrebe, 2007], страны Прибалтики и Скандинавские страны — идею экономической оценки [Osis, 2016; Schreiner et al., 2004] и т.д.

Модели оценки, продемонстрировавшие свою применимость к разным социальным технологиям и практикам социальной работы, являются своего рода инновацией, которую перенимают, укореняют исследователи из разных стран для достижения наиболее эффективного применения социальных программ. Под укоренением в данном случае понимается процесс контекстуализации и внедрения оценочной модели с поправкой на историческую ретроспективу, культурную доминанту, форму государственного управления, а также сложившуюся практику социальной работы в национальном контексте.

¹ Мы используем в статье термины «эвалюация» и «оценка» как синонимы, но в определенном контексте сам эвалюативный дискурс нуждается в оценке. Поэтому мы придерживаемся позиции двойного словоупотребления.

В целом прямое заимствование зарубежных моделей и их последующее применение в большинстве случаев невозможно, есть необходимость в проведении тестов на «пригодность»: проверки смыслов, заложенных в инструментарии технологии, контроле перевода языка понятий и их интерпретации и т.д. При решении такого типа задач используются методы, которые опираются в основном на два источника информации: экспертные оценки разработчиков инструментария и экспертные оценки интервьюеров, принимающих участие в тестировании. При этом может использоваться метод когнитивного интервью [Рогозин, 2002; Климов, 2021], на котором мы остановились в рамках данного исследования ввиду его эвристических возможностей.

Когнитивное интервью (далее — КИ) дает нам важную оптику, показывая, насколько проведенная исследователем контекстуализация эффективна и что она работает не только в рамках насущного контекста социальной работы в целом, но в первую очередь в рамках отдельной профессиональной группы специалистов (экспертов), реализующих конкретную социальную технологию. В этом смысле КИ с экспертами по социальной работе направлено на анализ семантического соответствия вопросов изучаемому предмету [Климов, 2021; Рогозин, 2002]. Особенно важно подвергнуть когнитивной процедуре имплементируемую и операционализируемую концептуальную модель, рожденную в ином социально-культурном контексте.

В рамках данного исследования была проанализирована, операционализована в инструментарий опросника, а также протестирована посредством когнитивного интервью с экспертом 7-аспектная модель М. Шрайнера. Ключевой целью данной работы является построение и отладка инструментария, в рамках которого достигается адекватное понимание экспертами-практиками и одновременно респондентами того, что содержательно заложено в многоаспектную модель экономической эффективности Шрайнера.

Методология и дизайн исследования

Текущее исследование является в некотором роде следствием более масштабного проекта, связанного с оценкой эффективности конкретной социальной технологии «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка», разработанной Национальным фондом защиты детей от жесткого обращения в 2013 году. Данная технология призвана минимизировать риск возникновения / повторения случаев жестокого обращения с ребенком в его семье. Предыдущие этапы, связанные с оценкой эффективности данной социальной технологии на базе мнений вовлеченных сотрудников семейных центров, отражены в публикации, в рамках которой исследовательский фокус построен на самой технологии, аспектах ее внедрения, освоения и оценки вовлеченными специалистами [Ярская-Смирнова и др., 2023]. В рамках нашего исследования акцент смещается в сторону оценки экономической эффективности технологии, эвалюации затрат и преимуществ (выгод). Такой подход при анализе

эффективности также необходим, так как калькуляция затрат — императив неолиберального подхода к теме эффективности социальной работы. Примером подобной оценочной модели является 7-аспектная модель М. Шрайнера, которую мы берем в качестве концептуального основания. При этом сама модель была нами пересмотрена и адаптирована с точки зрения качественного дизайна исследования — это, с одной стороны, накладывает определенные ограничения количественных измерений и более «четких» данных, связанных с затратами и выгодами, а с другой стороны, дает новую оптику получения количественных данных посредством экспертных когнитивных интервью (как сами специалисты по социальной работе говорят очислах и новых инсайтов за счет более гибкого характера методологии исследования).

В рамках исследования мы провели когнитивное интервью с экспертом, который участвовал во внедрении и применении этой социальной технологии. Конечно, дальнейшая модернизация опросного инструментария на основании одного интервью может быть опрометчивой, так как у нас отсутствует корпус мнений разных специалистов. Это ограничивает возможности экстраполяции данного исследования на оценку других социальных технологий. Тем не менее мы нивелируем эту проблему за счет того, что наш респондент является в некотором роде «ключевым экспертом», так как он не только знает об этой технологии, но также применяет на практике и рефлексиирует о ней [Штейнберг, 2014]. Фокусом интервью было общее понимание и семантическое соответствие вопросов изучаемой теме, а также соответствие модели Шрайнера российскому контексту и опыту социальной работы и реализации технологии.

Когнитивное интервью

Обращение к методу когнитивного интервью продиктовано его эвристичностью. Ключевой целью когнитивных методов является понимание мыслительных процессов, управляющих ответами респондента [Рогозин, 2002], это характерно в том числе и для когнитивного интервью, благодаря которому можно определить понятность вопросов для респондентов, ключевых тем и связанные с ними сложности восприятия. В случае, если респондент испытывает какие-либо затруднения при ответе на вопрос, исследователь при помощи определенных техник изучает данные серые зоны, после чего модернизирует опросный инструментарий. В целом именно в такой форме зачастую описывается применение метода когнитивного интервью. Несмотря на общую схожесть определений того, что такое когнитивное интервью, в литературе можно встретить незначительные отклонения в толковании данного метода в зависимости от задач исследования [Климов, 2021]. Дифференциация определений может идти от соответствия ответа заданному вопросу [Beatty, Willis, 2007] до выявления когнитивных процессов, которые активизируются при восприятии вопроса и ответа на него [Садмен и др., 2003].

Концептуализация обоснования метода через задачи исследования характерна в том числе и для данного исследования. В первую очередь это связано

с тем, что, например, анализ семантического соответствия вопросов изучаемому предмету — исследуемой социальной технологии — не в полной мере покрывает все аспекты, которые непосредственно задействованы в данном исследовательском кейсе — моделировании экономической эффективности. Поэтому фокус нашего внимания с использованием КИ разделяется на несколько областей: корректность операционализации смыслов, заложенных в ту или иную компоненту модели М. Шрайнера, соответствие ресурсов модели исследуемой социальной технологии, а также практике социальной работы в России и собственно опыту респондента.

В зависимости от задач исследования различаются и подходы к проведению когнитивного интервью, среди которых а) «мышление вслух» (собеседника просят проговаривать вслух то, как он знакомится с вопросами гайда, как размышляет над ответом и вспоминает необходимую информацию, как выбирает слова для ответа), б) «расспрашивание» и в) «зондирование» (зонды представляют собой наборы дополнительных вопросов) [Климов, 2021]. В текущем исследовании при проведении КИ использовалось расспрашивание. Зондирование было бы уместно в случае ориентации на количественный дизайн исследования. Но предпринятая нами адаптация модели М. Шрайнера для качественного дизайна исследования в некотором смысле снизила возможность измерения количественных показателей, использование зондов в такой ситуации было бы необходимо с точки зрения поиска формулировок, которые повысили бы возможность калькуляции затрат.

Помимо подходов исследователи также дифференцируют методические вариации КИ: метод размышления вслух, метод парафразирования, метод оценки уверенности в ответе, более глубокие вопросы на понимание [Мисиюк и др., 2021]. В целом можно сказать, что упомянутые методические вариации направлены на вовлечение респондента в тестирование гайда / вопросника, в такой ситуации респонденту необходимо не только ответить на вопрос, но и отразить причины своего ответа [Мисиюк и др., 2021].

В нашем исследовании эти вариации не будут использоваться, оптикой для анализа станет продукт расспрашивания: предъявленный ответ, мера отклонения от заданного вопроса, когнитивная обработка темы, структура аргументации, примеры, сравнения, обобщения и т.д. В некотором смысле это частичное использование возможностей КИ. В рамках данного исследования понимание респондентом вопросов по компонентам модели Шрайнера выступает линзой, которая дает шанс по-новому посмотреть на возможность применения подобных оценочных моделей по отношению к внедряемым в России социальным технологиям, оценить релевантность опыта респондента относительно показателей, определяющих экономическую эффективность технологий, вернуться к формулировке вопросов с учетом реакции респондента. Помимо этого, использование когнитивного интервью на ранней стадии укоренения социальной технологии делает более прозрачным процесс ее внедрения, так как расшифровывает пространство смыслов, заложенных в компоненты оценки, а также взвешивает ее сильные и слабые стороны.

7-аспектная модель М. Шрайнера

В рамках своей модели М. Шрайнер исходит из положения об ограниченности ресурсов на осуществление любого вида социальной работы или социального вмешательства. Автор пишет, что в рамках социальной работы мало отвечать на вопрос о том, работает или не работает технология, важно понимать, насколько хорошо она работает, сколько ресурсов на нее затрачивается и какая польза приносит [Schreiner et al., 2004]. Ключевую сложность в рамках данных рассуждений составляет сама возможность измерения затрат (средств, потраченных на реализацию социальной технологии) и выгод (позитивных последствий, к которым привела технология). Измерение затрат является более интуитивно понятным процессом, так как проще поддается количественной оценке — вне зависимости от организации, которая реализует социальную программу, существует бюджет, в рамках которого расписаны статьи расходов, и неизбежная перспектива отчета. В свою очередь, вопрос о количественной оценке выгод / преимуществ остается открытым и часто сводится к ответу на вопрос, помогла или нет социальная технология, на основании оценки жизненной ситуации клиента до, во время и после ее реализации.

Для решения такого рода проблем Шрайнер и его коллеги предлагают 7-аспектную клиентоориентированную модель, которая направлена на измерение экономической эффективности социальной технологии, с акцентом на категории затрат и преимуществ для реципиентов социальных услуг [Schreiner et al., 2004]. Стоит уточнить, что в рамках данной модели также остаются субъективные категории и компоненты, которые могут быть измерены, скорее, в качественных показателях. При этом Шрайнер и его коллеги суммировали набор аспектов, благодаря которым становится возможным проведение сравнения между разными социальными технологиями, а также калькуляция полученных эффектов / результатов технологии с потраченными средствами, то есть результатом оценки технологии становится ответ на вопрос, превышают ли полученные выгоды для каждого клиента и клиентов в целом те расходы, которые были потрачены на реализацию технологии. То есть эвалюация с применением оценочного инструментария, вероятно, может дать картину экономичной / дорогой технологии с точки зрения тех инстанций, которые заинтересованы в социальном вмешательстве для решения проблем и оплачивают его. Отдельным сюжетом, не входящим в планы автора статьи, здесь выступает возможная дискуссия о том, каковы пределы стоимости подобных технологий и какова логика производства нормативных стандартов, калькулирующая эффекты и затраты с точки зрения общей эффективности социальных вмешательств.

Далее рассмотрим составляющие элементы 7-аспектной модели и обсудим вопросы, посредством которых каждый из аспектов был эксплицирован.

Стоимость оказания услуги представляет собой расходы, связанные с непосредственной реализацией услуги. Чаще всего данные расходы включают в себя заработную плату специалистов, а также другие виды сопутствующих

трат (транспорт, угощения, канцелярия и пр.). В рамках опросника мы тестировали этот аспект через вопрос: «Расскажите, пожалуйста, сколько может стоить работа над одним случаем?», а также могли использовать наводящие вопросы: «Кто предоставляет средства? Бывает ли, что часть трат приходится на ваш собственный „кошелек“?».

Стоимость услуги для клиентов — это расходы самого клиента, связанные с его участием в социальной программе. Зачастую они имеют сопутствующий / транзакционный характер: траты на транспорт, оформление документов, справок, посещение каких-либо отдельных специалистов и пр. Для выявления стоимости услуги для клиентов мы спрашивали: «Как вы считаете, клиенты могут нести какие-то расходы в процессе работы над кейсом? Сталкиваются ли клиенты с какими-либо издержками?». Помимо этих вопросов дополнительно могли задаваться следующие: «Вовлекается ли социальный работник / специалист / психолог в решение проблем, связанных с превышением стоимости случая для клиентов?».

Преимущества для клиентов — это изменение состояния клиента в результате социальной интервенции и по сравнению со сценарием, когда клиенту услуги не была оказана помощь. Как можно заметить, данный аспект в большей мере является субъективным, хотя и может быть переведен в количественные показатели. Для выявления возможных преимуществ мы задавали такие вопросы: «Если говорить о преимуществах для клиента, которые возникли при открытии случая и применении технологии, то какие вы видите преимущества? Как вы оцениваете изменение в состоянии ваших клиентов? Бывает ли так, что формальные и административные критерии говорят одно о благополучии семьи, а весь ваш наработанный опыт — другое?».

Вес чистой выгоды для клиентов представляет собой разницу между выгодами и затратами для клиентов. Несмотря на то, что отчасти измерение чистой выгоды также является субъективным показателем, так как измеряется социальным работником, а также может зависеть от того, кто является получателем социальной услуги (часто больший вес приобретает в глазах представителей помогающих профессий выгода для благополучия детей, женщин, отдельных социально уязвимых групп и пр. [Deaton, 1997]). Тем не менее Шрайнер полагает, что для корректного применения данного аспекта (вес чистой выгоды) необходимо считать, что он одинаков для всех без поправки на персоналию получателя услуги. Аспект веса чистой выгоды сложен для первичного восприятия — для этого необходимо скалькулировать оба показателя (выгоды и затраты) и совместить полученное в третьей категории (их разница), поэтому он был эксплицирован через следующую группу вопросов: «Если рассуждать в категориях бюджета случая — затрат/издержек и приобретений, то каждый случай работы с клиентами имеет свою „стоимость“. В нее входят рабочее время сотрудников, административные расходы и другие затраты. Когда возникает понимание, что тот или иной случай слишком „дорогой“, что на него уходит значительный объем ресурсов без очевидного благоприятного эффекта? Каковы маркеры ситуации, когда

эти расходы и затраты становятся слишком высокими, не давая необходимого эффекта и приходится отказываться от дальнейшей работы со случаем?».

Количество клиентов. Данный аспект напрямую связан с бюджетом реализуемой социальной программы. В зависимости от бюджета каждая технология при заявленной претензии на уровень качества может охватить определенное количество клиентов. Тем не менее здесь сохраняется проблема, что важнее: большее число клиентов или высокий уровень общей эффективности в каждом отдельном случае. Количество клиентов мы измеряли посредством вопросов: «Укажите, пожалуйста, над каким количеством случаев вам удалось поработать за период времени (месяц, полгода, год)? Можно ли представить норматив нагрузки по типичному случаю? Как влияет количество клиентов на эффективность работы с ними? Как вам кажется, какое количество случаев должно быть у одного социального работника за период времени (месяц, полгода, год) для того, чтобы кейс был максимально эффективным?».

Количество услуг. Здесь речь идет о количестве услуг, предоставляемых в рамках реализации социальной программы на одного клиента. Для выявления количества услуг мы спрашивали: «Не могли бы вы перечислить и описать среднее количество получаемых клиентом услуг в рамках применяемой технологии?». В случае, если социальный работник был в затруднении, ему давались пояснения в виде: «Под услугой мы будем понимать шаги реализуемой технологии и дополнительные сверх нее рекомендации, консультации, решаемые вопросы социального характера и т. д.».

Время предоставления услуги — может пониматься как временной промежуток, в рамках которого реализуется социальная программа, а также время, затрачиваемое на работу с конкретным случаем / одним клиентом. Время измерялось посредством нескольких вопросов: «Сколько времени уходит на каждый случай? Какова средняя продолжительность одного случая? Есть ли нормативы по количеству контактов, посещений каждой семьи? Сколько длился самый краткий и самый длинный кейс на вашей памяти? Есть ли у случая после его закрытия временной „хвост“(мониторинг)? Сколько по времени он может длиться?».

Результаты когнитивного интервью

Первый аспект — стоимость оказания услуги

Вопрос о том, сколько может стоить работа над одним случаем в рамках реализации социальной программы, не воспринимается экспертом легко и быстро, напрямую. Однако это не связано со сложностью вопроса, скорее он неожидан, вне тематического горизонта ожиданий. При некотором размышлении в своих ответах опрошенный использует два сценария. Первый сценарий увязывает сравнение стоимости случая в рамках отработанной социальной технологии с другими подходами в работе с проблемой социального сиротства:

«...Эффективность работы со случаем, где они показали, что работа со случаем (исследуемая технология) в четыре раза дешевле примерно, чем отдавать детей в приют...»¹

По сути логика ответа отражает уход от абсолютных значений в сторону сопоставления с крайним вариантом расформирования семьи и делегирования ребенка приюту / детскому дому. По сравнению с этой крайней перспективой, имеющей морально и идеологически сложный характер, вопрос о стоимости случая несколько девальвируется.

Вторым более частным сценарием ответа является определение стоимости через дифференцию сложности случая и стадии развития накапливаемых проблем:

«Но про стоимость, в общем, это как в медицине, на ранних стадиях услуги неспецифические, они не самые профессиональные, поэтому они дешевле. А чем кризис дольше... А вот про то, сколько это в рублях, честно говоря, никогда не был экономистом, не знаю... В социальной сфере... появляются стационарные услуги для детей, когда детей забирают на период обострения или когда родители лечатся.. Во-вторых, это стационарные услуги для родителей, когда они лечатся, там, в наркологии еще где-то».

Также экспертом названы затраты, входящие в общую стоимость случая: *«Услуги для отдельных категорий семей в трудной жизненной ситуации или с особыми потребностями у детей», различные «формы реабилитационного досуга либо реабилитационного пространства», «обучение специалистов, масштабирование опыта некоммерческих организаций в бюджетную организацию».*

Вопрос о том, кто предоставляет средства на реализацию социальной программы, не вызывает у респондента затруднений, ответ однозначен. Формат выделяемых средств он разводит на два источника — бюджетные (грантовые конкурсы федерального / регионального уровня) и частные средства. Развитие предыдущего вопроса через дополнительное расспрашивание о возможной трате личных средств на социальную работу воспринимается респондентом негативно с точки зрения возможной установки на такую практику, но не как отрицание ее наличия.

И.: «Бывают ли случаи, когда часть трат, например, приходится на собственный кошелек, то есть приходится тратить какие-то свои ресурсы?»

Р.: «Но это уже не работа со случаем. Это когда специалист говорит: „Я уже не знаю, как сделать так, чтобы семья изменилась.“ И вместо того, чтобы обсудить, что происходит, он начинает помогать сам».

¹ Здесь и далее все цитаты относятся к одному интервью с экспертом, проведенному 07.11.2023.

Итак, нам предъявлена установка со стороны эксперта на отклонение подобных трат как непрофессиональное решение. Но при этом эксперт не отрицает однозначно, что такой практики нет, скорее, смоделировано обратное. Вероятно, мы должны принять во внимание, что интервьюируем такого эксперта, который в силу своего статуса и роли в продвижении им внедряемой технологии является также и носителем нормативного сознания. Перед исследователем такие ответы эксперта на вопросы о стоимости услуги ставят ряд методологических вопросов: помимо того, что мы не получаем точных данных относительно стоимости услуги (неопределенность либо для сферы социальной работы, либо для самого информанта), у нас также образуются новые «белые пятна» в виде дополнительных трат со стороны социальных работников, которые не подлежат измерению, так как нигде не учитываются. Соответственно, открывающаяся перспектива — в привлечении для когнитивного интервьюирования также непосредственных практиков, работающих со случаем по данной технологии.

Второй аспект — стоимость услуги для клиентов

Вопрос о возможных расходах клиента, связанных с его участием в программе, заставляет респондента задуматься и приводит к появлению дополнительной, ранее непроговоренной темы расходов, не связанных непосредственно с получением услуги, но зависящих от воздействия, которое оказывает социальная программа на семью.

«Обычно, наверное, нет. Для того, чтобы какие-то деньги, чтобы специально встроиться в работу со случаем, я думаю, что, в общем, нет. Я про такое не знаю... Мне кажется, это такая путаница между профессиональной и гражданской позицией. Про то, что в рамках работы со случаем у родителей появляется какая-то целенаправленная финансовая активность, удовлетворение потребностей детей, может быть, что появляются какие-то дополнительные траты... То есть это такое перенаправление семейного бюджета».

Отклик эксперта обнаруживает различие на обычную и необычную практику реализации кейса. Само предположение, что клиент может нести какие-либо издержки в рамках случая, отклонено. Но при этом есть описание спровоцированных внешним воздействием специалистов финансовых затрат, очевидно, новых для бюджета семьи. Речь о тратах на развитие детей. В таком случае, получив импульс для подобных трат в рамках работы с психологами и специалистами, семья перестраивает свой бюджет, ориентируясь на новые ценности — потребности развития детей, что содержательно выходит за рамки стоимости услуги.

Третий аспект — преимущества для клиентов

Ответ на вопрос о выгодах или преимуществах, которые получают клиенты, был для эксперта наиболее простым — эти преимущества встроены в КРП реализуемой социальной программы, хотя и фундированы субъективной

оценкой состояния клиента, однако поддаются количественному измерению, так как основаны на стандартах и нормативах. Поэтому ответ демонстрирует обращение к соответствующему языку индексации.

«Мне кажется, что самое главное — это, ну, если так умно говорить, это индекс самоуважения, индекс самоэффективности, понимание того, что источником изменений в своей жизни я могу быть сам... Это навык доверия, навык выстраивания каких-то межличностных коммуникаций. Они понимают уже как бы ценность автономности. Появляется уважение к своим собственным границам. И в результате, в общем, в жизни много чего меняется... самая главная помощь — это умение вот как бы искать ресурсы и пользоваться ими».

По сути, здесь заметен фокус на возвращенной через практику работы со случаем агентности, субъектности родителей, которые от неэффективности и отсутствия самоуважения мигрируют к новой позиции.

Дополнительный вопрос о (не)соответствии субъективных и объективных критериев оценки ситуации в семье также не затруднил респондента. Более того, ответ респондента поставил под сомнение ориентацию только на количественную оценку ситуации в семье. При этом рассуждения опрошенного были больше направлены на этап первичного вмешательства, в данном контексте формулировка выглядит не в полной мере доработанной, так как не затрагивает финальный этап реализации услуги и снятие семьи с учета и наблюдения.

И.: «Бывает ли так, что вот, например, формальные какие-то административные критерии говорят одно о ситуации в семье. А, например, специалисты — другое?»

Р.: «Сплошь и рядом. У нас очень часто критерии количественные. Типа если в семье все хорошо, чего туда лезете? А там может быть насилие, вплоть до сексуального вообще».

Четвертый аспект — вес чистой выгоды для клиента

Проработка данного блока вопросов оказалась наиболее сложной для восприятия, в результате чего произошло смещение смыслов, которые были в него заложены в рамках 7-аспектной модели. У Шрайнера вес чистой выгоды для клиентов представляет собой разницу в затратах и преимуществах для клиентов. Как мы отмечали выше, аспект веса чистой выгоды сложен для восприятия и субъективной оценки — для этого необходимо рассчитать оба показателя (затраты и выгоды) и совместить полученное в третьей категории. Но судя по ответам эксперта выше, он уклоняется от калькуляции перечисляемых и суммируемых преимуществ, уже сводя их к кумулятивному индексу, а также нормативно исключая прямые затраты клиента. Возможно, здесь сказывается также сценарий качественного исследования, в котором

эксперт склонен строить оценочную структуру ответа. Так, в случае количественного дизайна эвалюативного исследования следовало бы предложить заполнить таблицу с услугами, их количеством и стоимостью, а также таблицу с типом, количеством и стоимостью затрат. В таком случае мы бы не адресовали этот вопрос о весе чистой выгоды для клиента индивидуально. В реализованном варианте когнитивного интервью с экспертом, тем не менее, при явной неудаче этого вопроса стало возможным протестировать рядом лежащие смыслы о понятии дорогого / экономичного случая.

И: «Можно ли на основе этого сказать, что какие-то случаи обходятся дороже других при достижении определенного уровня эффективности работы?»

Р: «Самые дорогие, самые сложные случаи сейчас — это как бы связанные с психиатрией, когда у родителей есть нарушение психического здоровья всякого разного».

Тем не менее такая постановка вопроса и рассуждения респондента открыли нам дополнительную серую зону, которая не была представлена в рамках модели Шрайнера, однако выступает фактором, влияющим на эффективность технологии. Помимо увеличения стоимости случая из-за наличия у клиентов (родителей) каких-либо зависимостей, а также психических заболеваний (что удлиняет продолжительность реализации случая, требует привлечения дополнительных специалистов и услуг), появляется необходимость межведомственного взаимодействия — работа с наркологической, психиатрической и другими службами. Из-за бюрократических трудностей выстраивания коммуникации с другими службами процесс интервенции и решения проблем семьи затягивается и усложняется.

«...В России три проблемы: дороги, дураки и межведомственное взаимодействие. Это вот психиатрия, это вот про межведомственное взаимодействие, вообще капец. А они — никто не хочет вмешиваться, типа, врачебная тайна, мы сами занимаемся, к нам не лезьте... И вот это ситуация, которая может тянуться достаточно долго».

Помимо этого, в ответах респондента присутствует важная составляющая, которая отчасти объясняет, почему в рамках реализации технологии не отслеживается экономическая эффективность и стоимость услуги. Межведомственное взаимодействие указывает на иные вовлекаемые в работу случая службы, бюджет которых за пределами компетенций нашего эксперта. Соответственно, калькулируемая стоимость случая должна представлять формулу $S = N \times V$ (где S — это стоимость случая, N — количество вовлеченных служб, V — затраты по типу вовлеченных служб).

Эксперт приводит отдельный случай, который показывает его сопоставительную стоимость при обращении к опеке и лишении родительских прав:

«...Недавно на супервизию случай принесли. Мама восьми детей завила и уехала в другую деревню... в регионе. И там уже с кем-то живет, и уже с кем-то детей родила. А пьющий отец остался с нашими детьми. Он их тащит, при этом, естественно, пьет. Поскольку пьет, то вот его начинают учить жизни. Он от этого пьет еще больше. Дети медицинской помощи не получают. У них проблемы в школе. Значит, один уже стал практически уголовником. Сейчас попадет под суд. Там у девочки волчья пасть. Ей 13 лет, а операция еще не сделана. То есть это ухудшение ее адаптации. И все. И сейчас это лишение родительских прав. А старшие дети уже, как бы, сами по себе. Но шесть этих уходят в государство. А там от 700 тысяч в год на каждого. Если эти деньги посчитать — золотое дно. Вот. В этом смысле куда ни залезешь, у нас нигде нет, вообще, стоимости соцсферы. У нас есть, как бы, услуги, а сколько это все стоит?»

Пожалуй, в этом ярком эпизоде косвенно проглядывает сопоставительная цена за упущенную социальную работу, выраженная метафорически — «золотое дно», расшифровываемое по смыслу как источник неисчерпаемого обогащения...

Кроме того, реализуемая технология ориентирована на конечный, качественно определяемый результат, но в ситуации, когда работа над случаем затягивается, со стороны кураторов / супервайзеров / администрации может приниматься ряд решений, направленных на пролонгацию работы со случаем. Здесь отсутствует такая опция, как отказ от работы с семьей, так как в случае, если семья не выходит из кризиса, она переходит к иным ведомствам и службам и может быть лишена родительских прав.

И.: «...Бывает ли, что возникает понимание, что какой-то случай слишком затратный, на него уходит какой-то больше положенного или какого-то максимального порогового уровня объем ресурсов без очевидного эффекта?»

Р.: «Этот вопрос, он просто не возникает, потому что вот работа со случаем — такая качественная ориентация. Там ориентация на результаты».

Пятый аспект — количество клиентов

Этот блок оказался наиболее простым для респондента, отчасти потому что подвергается нормативной количественной оценке, тем не менее респондент не рассуждал в направлении смысла, заложенного в модели Шрайнера (количество зависит от бюджета). С учетом своего опыта и компетенций респондент рассматривал количество клиентов в рамках стандартов и возможностей выполнения со стороны специалистов, а также организации работы со случаем и команды в тех центрах, которые реализуют социальную технологию. Более того, его намерения расширять количество семейных центров, в которые

заведена и внедрена эта технология, вооружают его логикой отодвигаемого горизонта, который может лимитировать бюджет. То есть важнее нормативно предписать количество обслуживаемых клиентов, поскольку количество семейных центров на район/округ с бюджетом зависят от степени социального (не)благополучия и количества проблемных семей. Такой набор факторов наталкивает на необходимость дополнительных уточняющих вопросов, направленных на описание и анализ эффективности работы администрации центров, команды, их коммуникации и взаимодействия:

«Есть несколько стандартов, они как бы там, по-моему, федеральные. Вот есть то, что писал Национальный фонд еще в 2010 году, но в среднем это, в общем, там от 15–17 до 20, как бы такая нормальная нагрузка. То есть, в общем, можно выполнять при хорошей организации случаев».

Но, оказывается, эти числа сильно варьируют:

«Вот когда их больше, то это просто определяется внутренними регламентами. Кстати, хороший вопрос... мы сейчас 10 регионов объехали... [задать бы вопрос] как вы эту нагрузку определяете, как вы это обосновываете, что у специалиста 50 человек нагрузка».

Шестой аспект — количество услуг

Эксперт в ответе перечислил на содержательном уровне, не калькулируя число, ключевые услуги социальных работников в рамках реализации технологии:

«Во-первых, это консультации психолога и родительские консультации. Там, в принципе, все, что нужно делать, чтобы у ребенка было. Родительские консультации, оказание помощи в оформлении каких-то пособий, льгот и еще чего-то, заполнение документов, которых не было. Дальше это мотивация на изменения, то есть на преодоление ситуации, на более грамотное планирование хозяйственно-бытовых, домашних дел, чтобы чуть внимательнее относиться к детям. Дальше это про контроль, удовлетворение медицинских потребностей ребенка, чтобы ходили в поликлинику, плюс какие-то ресурсы, допустим, волонтеры— про уроки, какие-то занятия в школе или даже в самих центрах посещения. Вот, наверное, такой первый слой услуг. Ну, и вот там в консультации психолога это про какие-то личные вещи, плюс там про навыки дисциплинирования детей, про эти процедуры».

Такая качественная ориентация в ответе на этот вопрос о количестве услуг, вероятно, связана с высокой позицией эксперта, который стремится охарактеризовать услуги с точки зрения их содержания и направления помощи.

Если мы говорим о специалистах, непосредственно взаимодействующих с семьями, то они, скорее всего, перечислили бы более предметно те услуги, которые оказывают. Это является для нас, с одной стороны, ограничением в получении информации от данного эксперта, так как затрудняет количественную оценку данного аспекта модели Шрайнера, а с другой стороны, может являться важным верхнеуровневым взглядом, который можно использовать при модернизации гайда с расчетом на различную позицию / ресурс респондента в поле анализа.

Седьмой аспект — время предоставления услуги

Вопросы, направленные на калькуляцию времени работы над одним случаем, не вызвали у респондента затруднений. Время как стоимость и количество зависит от сложности случая и может дифференцироваться от трех месяцев до полутора лет. В этом смысле в период реализации технологии у каждого специалиста существуют нормативы, обеспечивающие необходимое число контактов с семьей, которое может варьировать в зависимости от сложности случая, региона и т.д.

«То есть с момента открытия случая и до момента его закрытия. Ну, по-разному. Там как бы от трех месяцев до... где-нибудь до года, до полутора. Это как повезет».

Помимо этого, отдельного внимания требует наличие временного «хвоста» при работе со случаем — времени, когда семья уже снята с режима активной с ней работы, однако специалист по запросу семьи продолжает с ней коммуникацию, наблюдает, консультирует и поддерживает. Такие контакты являются дополнительным фактором, который может влиять на удорожание случая в возвратном режиме:

«Некоторые семьи могут [возобновлять запрос на работу с ними] там два, три, четыре раза, а некоторые, как бы, это знают. Ну, потому что иногда случай закрывают, как бы, как на практике происходит... И, в общем, время... зависит от... койко-дня, как в больнице. То есть должна быть какая-то „вентиляция“ семей. Поэтому закрывают, потом какое-то время смотрят, а через некоторое время опять открывают. Ну, это, в общем, показатель не очень хороший, но тем не менее. Вот так тоже делают... такая практика есть, просто еще какое-то время посмотрим».

Таким образом, управление содержанием через дополнительные вопросы по этому элементу модели Шрайнера обнаруживает скрытые смыслы существенного различия между мониторингом семей после закрытия случая и фактически прикреплением семьи через неоднократное возобновление работы со случаем на социальное обслуживание. Время, которое потрачено на работу с семьей, трансформируется в иное по значению время

дальнейшей работы с семьей, что заставляет рефлексировать на тему эффективности в целом первого этапа и на тему его экономической эффективности, частности.

За пределами модели Шрайнера: дополнение

Восьмой дополнительный аспект — KPI администрации как фактор напряженности между уровнями специалистов и администраторов

В начале текста мы задавались вопросом о перспективах укоренения эвалюативной модели Шрайнера в ином социально-политическом и культурном пространстве. В развитие этого сюжета мы предлагаем еще один элемент, как бы демпфирующий контекст, в который встраивается эвалюативная практика с обозначенными элементами тестируемой экономической эффективности социальной практики. В рамках модели Шрайнера данный восьмой пункт отсутствует. Однако, учитывая, что исследуемая социальная технология имеет управленчески многоуровневый характер и включает в себя не только горизонтальное взаимодействие с другими сотрудниками, но и взаимодействие по вертикали: куратор — супервайзер — администрация центра и далее службы межведомственного взаимодействия, — мы решили добавить этот пункт. Включение этого пункта было необходимым, так как характер взаимодействия, а также уровень вовлечения администрации может оказывать непосредственное влияние на эффективность реализуемой технологии. Данный аспект мы отслеживали через такие вопросы: «Укажите, пожалуйста, какие административные специалисты, представители разных служб и как вовлечены в процесс оказания услуг? А как выстроить это взаимодействие наиболее эффективным образом?».

Ответ на эту группу вопросов не вызвал у респондента трудностей, отчасти это вызвано тем, что он является одним из организаторов, который отвечал за реализацию данной технологии (ее разработку, продвижение и внедрение), поэтому его мнение по этому вопросу является наиболее полнотелым. В рамках ответа эксперта было выявлено, что вертикаль является более масштабной, чем предполагалось: помимо ранее упомянутых акторов в процессе реализации технологии также могут принимать то или иное участие медиаторы, КНД (комиссия по делам несовершеннолетних), органы опеки, правоохранительные органы, психиатрическая служба и др. Такое количество действующих инстанций может осложнять достижение эффективности технологии, так как обнаруживается проблематичность взаимодействия при горизонтальных (межведомственных) связях.

«Административный контроль иногда там не совпадающий, когда специалист не очень понимает, как, почему принимаются решения. Иногда специалистам кажется, что принимаются решения совсем не те, которые нужны, и поэтому там важно выстраивать горизонтальные

связи между участниками процесса. Вертикальные построили, а горизонтальные пока нет. Может быть, это следующий шаг».

Восьмой аспект, тематизирующий контекст внедряемой и укореняемой социальной технологии, обнаруживает и те процессы, которые оказывают влияние на интенсивность труда специалистов непосредственно в семье, а также меру их скрытой эксплуатации. Рассказывая с позиции своей экспертности, респондент описывает текущие изменения в организации социальной работы:

Р.: «..Но опека в Москве уходит куда-то в тень, совсем все это сейчас передают. Опека как институт начинает умирать. В общем, вроде бы как КДН должна была бы уйти в тень, но вот уходит опека».

И.: «А им на смену кто-то приходит или..?»

Р.: «Нет, просто эти полномочия передают кураторам, у них нагрузка растет, и вот поэтому так получается».

И.: «А-а-а, понятно».

Р.: «Самый, как бы, грустный вариант. Ну, посмотрим, как будет. Лицом к лицу лица не увидать. А дальше — в Москве это распространенная практика, — волонтеры, которые как-то помогают детям, типа, как репетиторы, еще что-то».

Диалог респондента с интервьюером обнаруживает влияние организационных изменений в сфере социальной работы, логика которых снизу контрпродуктивна или ее последствия пока оборачиваются интенсификацией труда специалистов, получающих тем не менее прежнее вознаграждение. В рамках логики модели Шрайнера, это удешевление услуг, но такой экономизм проблематичен в перспективе выгорания и снижения эффективности самих работников.

Заключение и обсуждение

В рамках проведенного исследования с помощью когнитивного интервьюирования мы проработали вопросы, которые имеют важное значение относительно дальнейшей работы в направлении оценки эффективности социальных технологий посредством проведения интервью со специалистами. Перед нами стояли два исследовательских сюжета о 1) соответствии семантического наполнения вопросов изучаемой теме, а также 2) соответствии экономически ориентированной модели Шрайнера российскому контексту и опыту социальной работы и реализации конкретной технологии.

Вопросы по тематике стоимости случая являются одними из наиболее проблемных и сложных не только для интерпретации со стороны респондента, но и для последующей калькуляции со стороны исследователя. Преодолевается устоявшееся представление, что на детях, их благополучии нельзя экономить, однако, спрашивая, сколько же это стоит, мы одновременно

перевзвешиваем, достаточно ли потрачено, чтобы эта работа была эффективной. Поэтому неудивительно, что разговор на эту тему уходит в сторону сопоставления. В своих ответах опрошенный эксперт не называет точных чисел, а скорее работает с категориями сравнения (сложный и долгий случай дороже, чем быстрый и легкий), попутно он также касается дополнительных возможных трат (личные расходы специалистов на случай), которые никак не подсчитываются, однако могут являться одним из факторов скрытого удорожания. Понимая, что переориентация модели Шрайнера на качественную традицию порождает снижение возможности количественных измерений, мы тем не менее полагаем такой вариант качественного сценария тестирования важным для понимания респондентом закладываемых в гайд смыслов.

Также сложным для восприятия вопросом является сюжет о тех затратах, которые несет сам клиент. Ведь какие клиент может нести издержки, если сам является реципиентом бесплатной социальной помощи? Для формирования иной установки на эту тему во время интервью стало необходимо по-другому расспрашивать на предмет трат / издержек разного рода, как материальных, так и нематериальных, у клиентов. Но при этом эксперт дает описание спровоцированных внешним воздействием специалистов финансовых затрат — очевидно новых для бюджета семьи. Эксперт предпочел сконцентрироваться на тех тратах, которые возникают не во время непосредственной работы с семьей, а скорее являются продуктом ее развития и переориентации родителей на потребности детей, делая их тем самым легитимными.

Оценка преимуществ для клиентов не затрудняет эксперта — вопросы в блоке кажутся понятными, а также приводят к ожидаемому результату с точки зрения возможности количественного измерения. В рамках дальнейшего исследования вопросы в блоке преимуществ можно также раскрыть через временную перспективу, то есть говорить о них в начале, в середине и конце интервенции, а также в режиме мониторинга. Но здесь мы видим, как проговаривание преимуществ фактически совпадает со стартовым для социальной интервенции обоснованием перечня оказываемых услуг, разработка которых предшествует интервенции.

Вес чистой выгоды для клиента является наиболее сложным для интерпретации и экспликации аспектом модели Шрайнера. Эксперт уклонился от калькуляции перечисляемых и суммируемых преимуществ, уже сводя их к кумулятивному индексу, а также нормативно исключая прямые затраты клиента. Вероятно, в качественном исследовании, в котором эксперт склонен строить оценочную структуру ответа, иного получить сложно. Но в перспективе мы должны протестировать этот вопрос на более широкой выборке, включающей непосредственно вовлеченных в семью специалистов.

Вопросный блок, направленный на получение информации по количеству клиентов, был корректно считан и интерпретирован. В рамках ответов респондента мы получили оптимальное и продиктованное нормативами количество реципиентов услуг, а также региональные вариации. Вопросы, направленные на изучение количества предоставляемых услуг и времени, затрачиваемого на один случай, также не вызывали у респондента затруднений

и допускают квантификацию. В рамках последующих интервью следует отдельное внимание уделить временному «хвосту» — наблюдению за семьей после окончания вмешательства, услугам, которые не прописаны в регламентах, однако предоставляются специалистами на добровольных началах. Кроме того, обнаружена проблема трансформации мониторинга в сервисное обслуживание неоднократно возобновляющих запрос на работу со случаями родителей. Таким образом, категория времени дифференцировалась в ходе когнитивного интервьюирования и приобрела разные смыслы и измерения для экономической эффективности.

Помимо этого, важным оказалось создание блока дополнительных вопросов, направленных на оценку эффективности связей команды и руководства центров и далее по вертикали. Этот апгрейд опросного аппарата выходит за пределы модели Шрайнера — здесь количество клиентов на один центр связано не с бюджетом, а скорее с количеством неблагополучных семей и способностью семейного центра, который реализует технологию, охватить выявленные случаи. Тем не менее в ходе рассуждений эксперта было выявлено, что управленческая вертикаль более масштабна, чем предполагалось, а процессы изменений, обнаруживаемые в ней, проблематичны для взаимодействия при горизонтальных (межведомственных) связях.

В целом мы можем говорить о том, что модель Шрайнера в большей степени пригодна для адаптации и внедрения в российском контексте и частично совпадает с логикой отечественной социальной работы.

Подводя итог применению когнитивного интервью в рамках текущего исследования, следует сказать, что потенциал данного метода раскрылся для более корректной и эффективной адаптации анализируемой модели экономической эффективности. Результаты интервью позволили перевзвесить заложенные смыслы и получить новые коннотации для адаптируемого инструментария и характеристик привлекаемых информантов в зависимости от их статуса и опыта работы в социальной сфере. Высокий уровень экспертизы нашего респондента в рамках оцениваемой технологии и ее стоимости критически важен в ситуации проведения одного когнитивного интервью. Тем не менее его компетенции по этой технологии не закрывают релевантности суждений иных специалистов, непосредственно работающих с семьей. Таким образом, для получения более взвешенных оценок экономической эффективности необходимо модернизировать опросный инструментарий с поправкой на результаты когнитивного интервьюирования.

Литература

Климов И. А. ИНТЕР-энциклопедия: когнитивное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.6> EDN: IZXVUN

Мисюк Ю. В., Прихидько А. И., Рогачева П. С. Качественный анализ русскоязычной версии опросника «Intensive Parenting Attitudes Questionnaire» методом когнитивного интервью // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 440–448. DOI: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-54> EDN: COEFQW

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д. М. Рогозина, М. В. Рассохиной. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. EDN: QOBZEJ

Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконая» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2014. № 38. С. 38–71. EDN: SZSTPJ

Ярская-Смирнова Е. П., Рождественская Е. Ю., Абрамов Р. Н., Борзов С. П., Александрова М. Ю. Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2406>

Baines D. Pro-market, Non-market: The Dual Nature of Organizational Change in Social Service Delivery // Critical Social Policy. 2004. Vol. 24. № 1. P. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261018304039679>

Beatty P., Willis G. The Practice of Cognitive Interviewing // The Public Opinion Quarterly. 2007. Vol. 71. № 2. P. 287–311. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfm006>

Deaton A. The Analysis of Household Surveys: A Microeconometric Approach to Development Policy. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1997.

Dominelli L. Neo-Liberalism, Social Exclusion and Welfare Clients in Global Economy // International Journal of Social Welfare. 1999. Vol. 8. № 1. P. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2397.00058>

Gosta E.-A. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1990.

Holland S. Child & Family Assessment in Social Work Practice. London; Los Angeles: SAGE Publications, 2011. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446288580>

Mitendorf A., van Ewijk H. Working with Social Complexity in a Neoliberal Society: Challenges for Social Work in Estonia // European Journal of Social Work. 2016. Vol. 19. № 1. P. 78–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13691457.2015.1025711>

Osis J. Evaluation of Efficiency in Social Work Practice and Supervision: Empirical Approach // Latvian Christian Academy. 2016. № 4. P. 221–232.

Schreiner M., Tin Ng G., Sherraden M. Cost-Effectiveness in Individual Development Accounts. Washington: George Warren Brown School of Social Work, 2004.

Terrion J. L., Hogrebe A. A Canadian Experience with an Intervention Programme for Vulnerable Families: Lessons for German Social Work and Policy // European Journal of Social Work. 2007. Vol. 10. № 3. P. 401–416. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691450701356796>

Wronka J. Human Rights and Social Justice: Social Action and Service for the Helping and Health Professions. Los Angeles: SAGE Publications, 2008.

Сведения об авторе:

Сабля Алексей Александрович — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** aasablya@hse.ru. **ПИНЦ Author ID:** 1170069; **ORCID:** 0000-0002-0159-1557.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2024

Принята к публикации: 20.02.2024

БАК: 5.4.1

Assessing the Economic Effectiveness of Social Technologies: Potential of a Cognitive Interview

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.6

Alexey A. Sablya

HSE University, Moscow, Russia
E-mail: aasablya@hse.ru

The article discusses the 7-aspect model of M. Schreiner and his colleagues for assessing the economic efficiency of social programs using the example of the technology "Organizing the work of an interdisciplinary team of specialists in a case of violation of the rights and legitimate interests of a child." The method is a cognitive interview with an expert implementing this social technology, with the help of which the author checks how correctly the aspects of Schreiner's evaluative model were explicated, how adequately the concepts reflected in the model and the meanings associated with them are perceived in the Russian context, as well as how comprehensive are the proposed elements of the model. In addition, special attention is paid to the possibility of using this assessment model within the framework of Russian social work practice. Taking into account the context and the technology being assessed, the interview, in addition to questions aimed at aspects of the evaluative model, integrates a block of questions related to the influence of management on the effectiveness of social intervention. As a result of the analysis, clarifications are proposed both on the cognitive rethinking of the tools and on the basic Schreiner model itself. The need to modernize M. Schreiner's model and include new variables in it that can influence the final economic efficiency of social technology is substantiated.

Keywords: cognitive interview; evaluation of the effectiveness of social technology; economic efficiency; the Schreiner's model

References

- Baines D. (2004) Pro-market, Non-market: The Dual Nature of Organizational Change in Social Service Delivery. *Critical Social Policy*. Vol. 24. No. 1. P. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261018304039679>
- Beatty P., Willis G. (2007) The Practice of Cognitive Interviewing. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 71. No. 2. P. 287–311. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfm006>
- Deaton A. (1997) *The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.
- Dominelli L. (1999) Neo-Liberalism, Social Exclusion and Welfare Clients in Global Economy. *International Journal of Social Welfare*. Vol. 8. No. 1. P. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2397.00058>
- Gosta E.-A. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1990.
- Holland S. (2011) *Child & Family Assessment in Social Work Practice*. London; Los Angeles: SAGE Publications, 2011. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446288580>
- Klimov I. A. (2021) INTER-Enciklopediya: kognitivnoe intervyyu [INTER-Encyclopedia: Cognitive Interview]. *Interakciya. Intervyyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 4. P. 114–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.6> (In Russ.)
- Misiyuk Yu.V., Prikhidko A. I., Rahachova P. S. (2021) Kachestvennyj analiz russkoyazychnoj versii oprosnika "Intensive Parenting Attitudes Questionnaire" metodom kognitivnogo intervyyu [Qualitative Analysis of the Russian-Language Version of the "Intensive Parenting Attitudes Questionnaire"

through the Cognitive Interview Method]. *Gercenovskie chteniya: psixologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [The Herzen University Conference on Psychology in Education]. No. 4. P. 440–448. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-54>

Mitendorf A., van Ewijk H. (2016) Working With Social Complexity in a Neoliberal Society: Challenges for Social Work in Estonia. *European Journal of Social Work*. Vol. 19. No. 1. P. 78–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13691457.2015.1025711>

Osis J. (2016) Evaluation of Efficiency in Social Work Practice and Supervision: Empirical Approach. *Latvian Christian Academy*. No. 4. P. 221–232.

Rogozin D. M. (2002) *Kognitivnyj analiz oprosnogo instrumenta* [Cognitive Analysis of the Survey Tool]. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie". (In Russ.)

Schreiner M., Tin Ng G., Sherraden M. (2004) *Cost-Effectiveness in Individual Development Accounts*. Washington: George Warren Brown School of Social Work, 2004.

Steinberg I. E. (2014) Logicheskie shemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh intervyyu: "vosmiokonnaya" model [A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An "8-Window Sample Model"]. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)]. No. 38. P. 38–71. (In Russ.)

Sudman S., Bradburn N., Schwarz N. (2003) *Kak lyudi otvechayut na voprosy. Primenenie kognitivnogo analiza v massovykh obsledovaniyakh* [Thinking about Answers. The Application of Cognitive Processes to Survey Methodology]. Transl. from Eng. by D. M. Rogozin, M. V. Rassohina. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie". (In Russ.)

Terrion J. L., Hogrebe A. (2007) Canadian Experience with an Intervention Programme for Vulnerable Families: Lessons for German Social Work and Policy. *European Journal of Social Work*. Vol. 10. No. 3. P. 401–416. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691450701356796>

Wronka J. (2008) *Human Rights and Social Justice: Social Action and Service for the Helping and Health Professions*. Los Angeles: SAGE Publications.

Yarskaya-Smirnova E. R., Rozhdestvenskaya E. Yu., Abramov R. N., Borzov S. P., Aleksandrova M. Yu. (2023). Socialnaya tehnologiya okazaniya socialnoj pomoshhi semyam s detmi: opyt vnedreniya i ochenka effektivnosti [Social Technology for Providing Social Assistance to Families with Children: Implementation Experience and Evaluation of Effectiveness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 5 P. 3–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2406>

Author Bio:

Alexey A. Sablya — Graduate Student, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** aasablya@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1170069; **ORCID:** 0000-0002-0159-1557.

Received: 15.01.2024

Accepted: 20.02.2024

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2024. Том 16. № 1. Дата выхода в свет 30.03.2024.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com